

M $\frac{6}{313}$

НЕ КОПИРОВАТЬ

НЕ КОПИРОВАТЬ

Л. Л. Толстой.

М⁶
213.

ВЪ ГОЛОДНЫЕ ГОДЫ

ЗАПИСКИ и СТАТЬИ.

„Силень смиреньемъ,
богаты нищетой“.

Русская пословица.

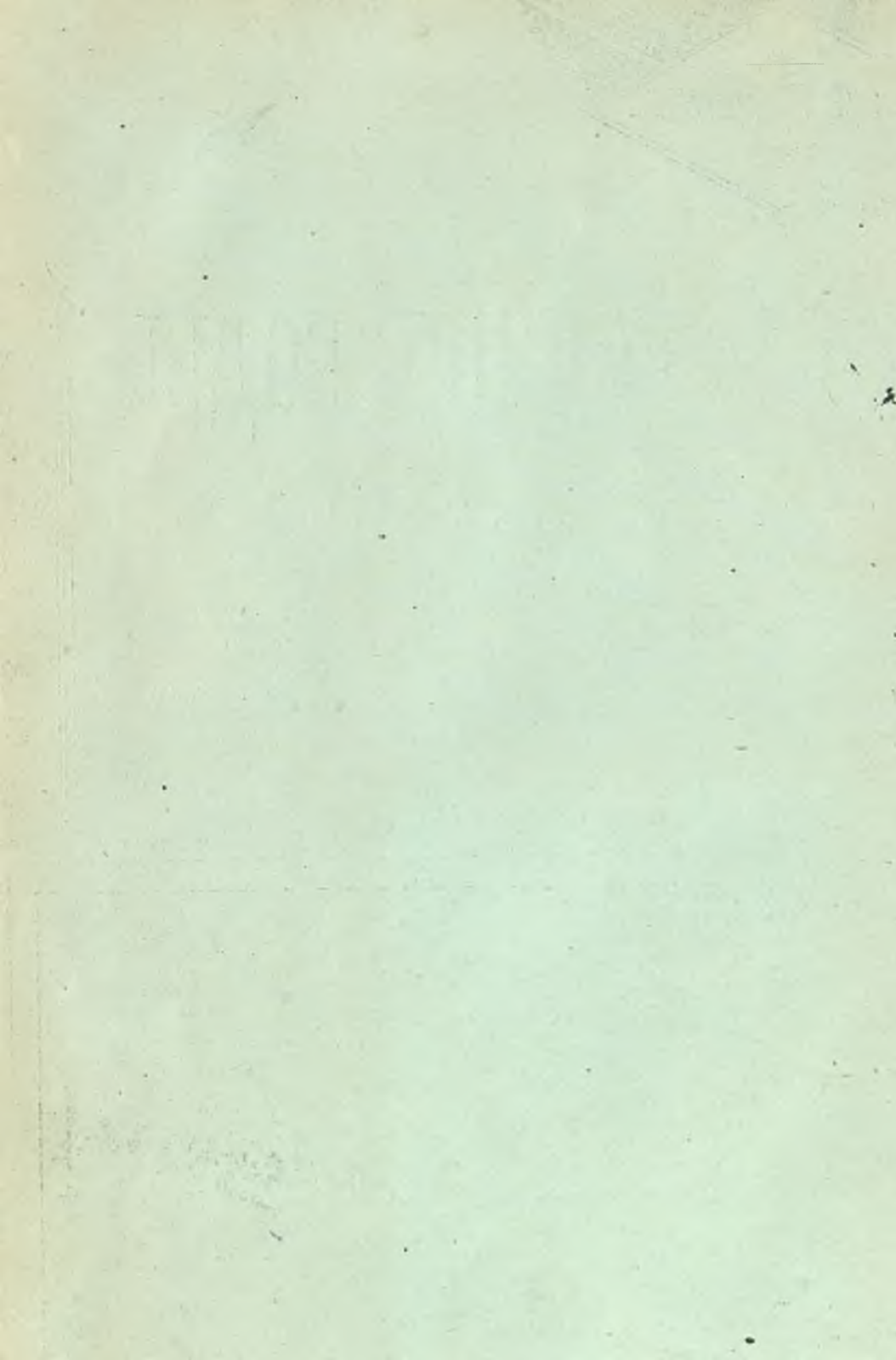

иллюстраціями.

МОСКВА.
Т-ва И. Н. КИШЕРЕВЪ и К^о
1901.

Видъ голодной русской деревни.

Л. Л. Толстой.

ВЪ ГОЛОДНЫЕ ГОДА

(ЗАПИСКИ И СТАТЬИ).

„Силень смиренъемъ, богатъ
нищетоу“.

Русская пословица.

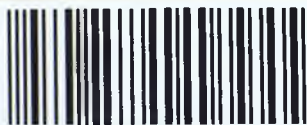
СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

МОСКВА.

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о, Пименовская улица, соб. д.
1900.

Дозволено цензурою. Москва, 19 августа 1900 г.

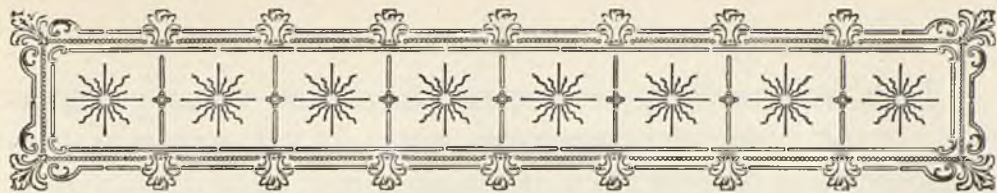
2007053889

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
У голодающихъ	1
Пожалѣемъ!	150
О пожертвованіяхъ	159
Мой отчетъ	163
Хлѣбные запасы	172

ОГЛАВЛЕНІЕ ИЛЛЮСТРАЦІЙ.

Л. Н. Толстой на Дону съ крестьянами	26
Волостное правленіе с. Патровки	42
Наша главная квартира въ с. Патровкѣ	48
Въ столовой	57
Обозъ съ благотворительнымъ хлѣбомъ	64
Церковь с. Патровки	78
Сидѣлки больницъ для тифозныхъ	81
Выносъ умершаго отъ тифа изъ церкви с. Патровки	85
Похороны тифознаго	87
Тифозная больница	90
Мазанка Семена, занесенная снѣгомъ	97
Кладбище съ новыми крестами весной 1892 года	101
Видъ с. Патровки	117
Снѣга 1892 года въ Самарской губерніи	118
Провѣрка списковъ	139
Одна изъ сельскихъ улицъ (порядковъ), какія онѣ теперь въ Самарской губерніи. Мазанки, занесенныя снѣгомъ. Снимокъ сдѣланъ мной въ 1899-мъ голодномъ году	166

У голодающихъ.

Записки *) изъ поры голода въ 1891—92 годахъ.

«Силень смиреньемъ, богать нишетой».

Русская пословица.

Давно уже я собирался привести въ порядокъ и собрать въ одно цѣлое находившіеся у меня, и на бумагѣ и въ памяти, матеріалы изъ времени голода 1891—92 годовъ, который мнѣ пришлось близко наблюдать въ самомъ, чуть ли не худшемъ, его проявленіи, но до сихъ поръ не удавалось сдѣлать этого по разнымъ причинамъ. Одною изъ главныхъ такихъ причинъ являлось то, что слишкомъ еще свѣжо было въ памяти все недавно пережитое и не хотѣлось или, скорѣе, невозможно было опять начать переживать тяжелое время въ воспоминаніяхъ. Нервовъ и силъ бы не хватило.

Теперь сдѣлать это будетъ легче, — къ тому же и кстати, такъ какъ мы переживаемъ голодъ, мѣстами не уступающій собою прежнему. Опять пришлось открывать столовые для нуждающихся въ той же мѣстности, гдѣ онѣ у насъ были тогда; опять мнѣ пришлось видѣть тамъ же слезы, жалобы и болѣзни.

Прошло восемь лѣтъ съ голоднаго года, а положеніе народа той мѣстности, о которой идетъ рѣчь, сказать по правдѣ, не измѣнилось къ лучшему...

*) Были напечатаны въ «Вѣстникѣ Европы» 1899 года.

Такъ какъ я буду имѣть въ виду одно только видѣнное, испытанное и пережитое мною, то и надѣюсь, что воспоминанія эти будутъ не излишни.

Тѣ, кто интересуется жизнью нашего народа, не можетъ не интересоваться и переживаемыми имъ бѣдствіями.

Къ несчастію, голодные годы у насъ не рѣдкость; къ несчастію, еще, быть-можетъ, не одинъ такой годъ придется намъ пережить, и эти мои записки, въ которыхъ я расскажу также о дѣятельности частныхъ лицъ во время голода, могутъ послужить справочною книгой тѣмъ, кому придется и въ будущемъ заниматься такою помощью народу. А такая помощь, мнѣ кажется, долго еще будетъ для насъ необходима и послужитъ однимъ изъ главныхъ залоговъ того, что когда-нибудь прекратятся такія наши народныя бѣдствія. Общественное вниманіе, сочувствіе и служеніе народу имѣть не одно только матеріальное значеніе: оно поднимаетъ духъ народа, показываетъ ему, что не вовсе его забросили и забыли. Съ другой стороны, оно связываетъ насъ самихъ съ русской почвой, открываетъ намъ глаза на дѣйствительность, поучаетъ насъ. Ничто въ жизни не научило меня столько, какъ годъ среди голодающихъ. Съ тѣхъ поръ на всю жизнь я уже не могу забыть о нихъ.

Я знаю, что такое эти «голодающіе», знаю и чувствую — хорошо.

Находятся люди, думающіе и говорящіе, что частная помощь развращаетъ народъ, что она излишня. Но я лучше не буду возражать такимъ людямъ. Въ этихъ запискахъ, впрочемъ, найдутся имъ краснорѣчивыя возраженія.

То, что нужда и голодъ продолжаютъ и теперь во многихъ губерніяхъ и въ той же Самарской, со всѣми своими спутниками, — тифами, цынгой, увеличенною смертностью и разореніемъ, — все это только еще ярче ука-

зываетъ на то, до какой степени нужна всякая помощь народу и можетъ ли она развратить его.

Когда и какъ все это кончится? Когда у насъ перестанутъ бѣдствовать и голодать? Трудно отвѣтить на эти вопросы. Каждый старается отвѣчать на нихъ по-своему.

Пусть эти записки и высказанныя въ нихъ мысли хотя отчасти помогутъ уясненію этихъ вопросовъ.

Мѣстами разсказъ мой, быть-можетъ, будетъ однообразенъ, какъ всегда однообразна голая правда, хотя читатель, конечно, и не ожидаетъ отъ него веселья.

Я не могъ не остановиться подробнѣе на нѣкоторыхъ пунктахъ для болѣе полной характеристики описываемаго мною края, такъ какъ она остается справедливою и для его настоящаго положенія.

О впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ мною изъ поѣздки нынѣшняго 1899 года въ Самарскую губернію, я писалъ въ одной изъ статей, напечатанныхъ въ «С.-Пет. Вѣд.», и потому не буду здѣсь повторять ихъ*).

I.

Лѣтомъ 1891 года, въ іюль, мнѣ пришлось провести нѣсколько недѣль въ Самарской губерніи, въ мѣстности, находящейся какъ разъ на границѣ двухъ уѣздовъ—Бузулукскаго и Николаевского. Я заѣхалъ сюда послѣ путешествія по Волгѣ, отчасти чтобы повидать степи, которыхъ не видалъ съ дѣтства, отчасти чтобы встрѣтиться съ однимъ нашимъ знакомымъ Б., жившимъ здѣсь и арендовавшимъ въ Николаевскомъ уѣздѣ казенный участокъ земли. Противъ участка Б., но уже въ Бузулукскомъ уѣздѣ, находилось имѣніе моего отца и хуторъ, въ которомъ жилъ управляющій. Я остановился на нашемъ

*) Статьи 1899-го года о голодѣ помѣщены въ концѣ этой книги.

хуторѣ. Здѣсь я познакомился въ первый разъ съ положеніемъ и нуждой Самарской губерніи.

Уже тогда, въ іюлѣ, было ясно, что надвигалась неминуемая гроза. Все лѣто стояла нестерпимая и невиданная до того засуха. Съ самой весны солнце безжалостно палило, сжигая подъ собой послѣдніе остатки растительности. Земля накалилась и растрескалась, какъ громадная печь, и за день нагрѣвалась такъ, что по ночамъ не остывала. Мѣстами на южныхъ склонахъ появились такія трещины въ землѣ, что въ нихъ свободно проходила нога. Хлѣбъ почти весь пропалъ. Травы были такъ плохи, что мѣстами ихъ совсѣмъ не косили. Пришла рабочая, или «страдная пора», а работъ нигдѣ не было и не предвидѣлось. Мужики собрали—кто 20—30 пудовъ съ своихъ посѣвовъ, нѣкоторые больше, а большинство и менѣе. Пшеница у многихъ не вернула и сѣмянъ. На десятинѣ ея убирали пуда 3—4, а высшее, что дала десятина ржи, было 15—20 пудовъ. Яровые хлѣба въ большинствѣ случаевъ совсѣмъ пропали, не взошли, и, проѣзжая степью, только по кое-гдѣ торчавшимъ изъ земли тощимъ, низкимъ кисточкамъ можно было догадаться, что здѣсь было посѣяно просо.

Сравнительно порядочно получили со своихъ посѣвовъ только тѣ изъ крестьянъ, кто сѣялъ на «крѣпкихъ земляхъ». Но такихъ было очень немного. Во-первыхъ, крѣпкихъ, т.-е. отдохнувшихъ, не распаханыхъ земель давно уже нѣтъ въ крестьянскихъ обществахъ; во-вторыхъ, чтобы арендовать подобныя у крупныхъ землевладѣльцевъ, нужны деньги, которыхъ также у крестьянъ не было.

Поэтому уже въ іюлѣ 1891 года было совершенно ясно, что большая половина крестьянскаго населенія Самарской губерніи или, по крайней мѣрѣ, той части ея, которую мнѣ пришлось видѣть, собрала съ новаго урожая самое ничтожное количество хлѣба или, скорѣе, не со-

брала ничего. Съ ранней осени началась страшная нужда, а потомъ и голодъ. Но тутъ нужно сказать, хоть кратко, о времени, предшествовавшемъ голодному 91 году, чтобы яснѣе представить себѣ общую картину населенія описываемой мѣстности.

Начну со времени перваго заселенія края.

Поселенцы, явившіеся въ Самарскую губернію, нашли здѣсь нетронутую, дѣвственную, богатѣйшую почву. При самой ничтожной затратѣ труда степи давали имъ сначала баснословные урожаи. Двѣсти пудовъ съ десятины лучшей пшеницы-бѣлотурки было обычнымъ явленіемъ. Новые поселенцы живо разбогатѣли. Они понастроили себѣ просторныхъ бревенчатыхъ избъ, крытыхъ тесомъ, завели хорошихъ лошадей, быковъ и жили припѣваючи. Достаточно было проѣхать бороной по полю, и оно давало громадный урожай. Цѣна пшеницы доходила до 20 к. за пудъ *).

Но вотъ проходитъ нѣсколько десятковъ лѣтъ—и картина замѣтно измѣняется. Населеніе увеличивается больше чѣмъ вдвое, земля выпаживается, травы становятся хуже, крестьяне бѣднѣютъ. Въ селахъ вмѣсто деревянныхъ срубовъ—преобладающей постройки—является мазанка съ земляной крышей, неурожаи повторяются все чаще и чаще, начинается нужда.

Между тѣмъ крестьяне все такъ же продолжаютъ относиться къ землѣ, все такъ же сѣютъ пшеницу подъ борону, все такъ же надѣются на то, что, «можетъ-быть, нынче уродитъ Господь». Но ни нынче, ни завтра, Господь больше не даетъ урожая, и все хуже становится крестьянское житье. Навозъ изъ-подъ скотины продолжаетъ сжигаться въ формѣ кизяка изъ года въ годъ; народъ продолжаетъ оставаться безъ должной помощи, безъ энергичныхъ руководителей. Нѣсколько лѣтъ подъ рядъ передъ

*) Къ тому же времени относится возникновеніе въ этой мѣстности секты молканъ.

91 годомъ стоитъ засуха, что еще больше вліяетъ на плохіе урожаи, и тѣмъ подрываетъ окончательно крестьянское хозяйство. И вотъ наступаетъ засуха 91 года.

Когда я ѣхалъ по степи, я еще не зналъ ничего о положеніи народа тѣхъ мѣстъ. Я не думалъ о немъ и не интересовался имъ. Но, разъ пріѣхавъ въ Самарскую губернію, нельзя было не принять близко къ сердцу тамошняго положенія дѣлъ. Народъ въ одинъ голосъ уже вопилъ о своемъ горѣ. Только и разговоровъ было, что о приближавшемся голодѣ.

Говорили о томъ, что надо бѣжать изъ Самарской губерніи, переселяться на новыя мѣста, итти къ «китайцу»; говорили,—не въ народѣ, а въ извѣстной части интеллигенціи,—что будутъ безпорядки, бунты; говорили о томъ, что Россія обращается и обратится въ Сахару; говорили еще многое, что кому въ голову приходило.

Положеніе народа было дѣйствительно ужасно. Страшно было подумать и представить себѣ, что впереди еще цѣлый длинный годъ и всѣ эти сотни тысячъ народа были уже теперь безъ хлѣба.

А жара все пекла, и солнце, какъ вчера, такъ и сегодня, проходило по безоблачному сѣрому и туманному отъ раскаленнаго воздуха, но чистому, безъ одного облачка, небу. Скотину держали по домамъ, люди забивались въ тѣнь, куда могли, и никуда почти не выходили, потому что и не зачѣмъ было.

Въ поляхъ было голо, какъ и въ пустынѣ.

Помню, разъ я выѣхалъ утромъ верхомъ въ степь. Я заѣхалъ довольно далеко, такъ что пришлось возвращаться въ самый полдень. Никогда не забуду я этого полдня. Я ѣхалъ шагомъ, и тѣмъ не менѣ сильная киргизская лошадь моя была вся въ мылѣ и мокрая.

Въ степи было безлюдно. Жуткая ширь голыхъ полей дрожала вокругъ меня въ раскаленномъ, переливавшемся

волнами, воздухъ. Мнѣ страшно захотѣлось пить. Дорого бы я далъ за глотокъ воды.

Я замѣтилъ невдалекѣ бѣлѣвшій шатеръ жнецовъ и подѣхалъ къ нему. Какой-то человѣкъ лежалъ въ немъ ничкомъ, и видны были только его ноги. Я окликнулъ его. Онъ зашевелился и привставъ выглянулъ на меня. Я попросилъ у него напиться.

— Вода-то больно нехороша, — сказалъ онъ: — мутная.

— Хоть какой-нибудь, — сказалъ я, — тутъ некогда разбирать.

Мужикъ досталъ изъ дальняго угла шатра глиняный горшокъ съ водой и вынесъ мнѣ. Вода дѣйствительно была отвратительная. Но лучшей нигдѣ поблизости не было, и надо было пить ее не сомнѣваясь. Большинство колодцевъ, рѣчекъ и прудовъ высохло за лѣто до послѣдней капли.

— Вотъ спасибо, — сказалъ я, жадно напившись и подавая обратно мужику горшокъ: — легче стало. А ты что же лежишь здѣсь? Отдыхаешь?

— Отдыхать-то не отъ чего, — сказалъ мужикъ. — Что работать? Нѣтъ ничего. Вотъ смотри...

И онъ показалъ мнѣ рукой на ближнее поле.

— Вотъ крѣпкая, самая настоящая земля, — продолжалъ онъ, — и то пудовъ восемь пшеницы и того со всей не собрали. Не знаю ужъ, и что дѣлать станемъ. Бѣды! Конецъ пришелъ народу.

И онъ началъ говорить все то же самое, что всѣ говорили, т.-е. что приходитъ народу конецъ, что коли не будутъ кормить его отъ «комитета», то всѣ умрутъ голодною смертию.

— Надолго ли своего хлѣба хватить? — спросилъ я его.

— На двѣ недѣли, пожалуй, хватить, а больше нѣтъ, — съ улыбкой ироніи надъ своею судьбой отвѣтилъ онъ.

— А рожь ты сѣялъ? — еще спросилъ я.

— Нѣтъ, пшеницу.

— Почему же не рожь? Она легче и лучше вѣдь родится даже въ засуху.

— Лучше-то—лучше, да все думаешь: Господь уродить, пшеница те не рожь, дороже стоитъ; за зѣмли развѣ дешево платимъ?

И онъ лѣниво пошелъ назадъ въ свой шатеръ.

— Что же дѣлать станешь?—еще сказалъ онъ оттуда, устанавливая драгоцѣнный горшокъ съ водой: — не родится хлѣбъ, да и все тутъ. Конецъ народу приходитъ, — повторилъ онъ убѣжденнымъ голосомъ, въ которомъ слышались безнадежная тоска и беспомощность и отчаяніе.

Я тронулъ лошадь и шагомъ поѣхалъ домой. Рысью невозможно было ѣхать: лошадь не шла быстрее.

II.

Осенью того же 1891 года, когда я пріѣхалъ изъ деревни въ Москву, въ университетъ, вездѣ уже, и въ обществѣ и въ печати, шли толки о наступившемъ и угрожавшемъ еще худшими бѣдами голодѣ.

Но надо сказать, что толки эти были еще нерѣшительные, имъ мало вѣрили, и вообще обществомъ еще очень смутно понималось истинное положеніе народа и размѣры бѣдствія. Были люди и органы печати, которые говорили, что вовсе голода нѣтъ и что выдумали его неблагонадежные и безпокойные нарушители общественнаго порядка.

Но правда и со дна моря выносить, и вотъ понемногу все точнѣе и подробнѣе стали проникать въ общество свѣдѣнія изъ голодныхъ мѣстъ. Привозили и распространяли ихъ очевидцы, пріѣзжавшіе изъ неурожайныхъ губерній; печатались они и въ газетахъ. Слухи о томъ, что

земства уже помогаютъ народу, но что помощь ихъ далеко недостаточна, что крестьяне ѣдятъ хлѣбъ съ разными примѣсями, въ родѣ глины, отрубей, желудей и т. д., что уже мѣстами съ самой осени появились эпидеміи, — ходили всюду, проникая и въ высшія сферы.

Въ университетѣ у насъ также много говорили о голодѣ. Были одиночные студенты, которые уже начали сборы въ пользу голодающихъ, пуская въ ходъ среди товарищей такъ называемыя «лавины». Эти лавины были воззванія съ просьбой пожертвовать извѣстную сумму и передать воззваніе еще двумъ знакомымъ, которые бы, въ свою очередь, еще пожертвовали и каждый передалъ бы это воззваніе еще двумъ своимъ знакомымъ. И такъ безъ конца. Но, насколько мнѣ извѣстно, изъ этихъ лавинъ ничего, кромѣ грѣха и путаницы, не выходило. Лавина гдѣ-нибудь завязала и уже не возвращалась больше къ пустившему ее. Были студенты, которые, пріѣхавъ изъ голодныхъ губерній, много рассказывали о положеніи народа; но въ общемъ интересы голода совершенно заслонялись въ университетѣ другими интересами, и студенты, какъ будто мало, или во всякомъ случаѣ недостаточно, принимали къ сердцу народную бѣду. Такое впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ, получилъ я.

Въ октябрѣ картина голода стала для всѣхъ еще яснѣе. Многія частныя лица уже отправились въ неурожайныя мѣста помогать голоднымъ, въ газетахъ появились воззванія изъ разныхъ губерній, и уже откровенно рассказывались въ нихъ ужасы бѣдствія, и обсуждались вопросы и мѣры борьбы съ нимъ. Правда, какъ я сказалъ, взяла свое. Въ это же время и я получилъ письмо изъ Николаевского уѣзда отъ моего знакомаго Б., который подробно описывалъ мнѣ, что дѣлалось вокругъ него въ двухъ сосѣднихъ уѣздахъ и въ тѣхъ мѣстахъ, которыя я посѣтилъ лѣтомъ. Вотъ что онъ писалъ мнѣ между прочимъ:

«Я отвѣчаю вамъ на вашъ вопросъ, что у насъ дѣлается. Вы сами видѣли урожай нынѣшняго года. То, что мы предполагали, наступило. Ни у кого нѣтъ хлѣба уже давно. Земство помогаетъ недостаточно. Народъ распродаетъ скотъ, имущество, сбрую, платье и ходитъ, другъ у друга прося милостыни. Начинаются болѣзни, воровство и всѣ послѣдствія голоданія. Чувствую полное безсиліе помочь имъ. Приѣзжайте къ намъ. Можетъ-быть, удастся вамъ хоть что-нибудь сдѣлать. Чѣмъ все это кончится, трудно предвидѣть».

Это письмо взволновало меня. Свѣдѣнія изъ знакомыхъ мѣстъ, отъ знакомаго человѣка, описывающаго кратко и внушительно положеніе дѣлъ, освѣтили мнѣ голодъ еще ярче. До этого письма я не думалъ ѣхать самъ въ Самарскую губернію. Оставить университетъ, науку, всю мою московскую новую жизнь студента казалось слишкомъ крупнымъ шагомъ. Самое большее, что я думалъ сдѣлать сначала, это собрать денегъ и послать ихъ голодающимъ. Но письмо отъ Б. подняло меня самого.

«Мало собрать имъ денегъ, нужно самому поѣхать къ нимъ, самому жить среди нихъ, — тогда можно помочь, какъ слѣдуетъ».

Эта мысль не давала мнѣ покоя, и вотъ мой отъѣздъ въ Самарскую губернію рѣшился самъ собой. Я чувствовалъ, что тамъ я въ сто разъ нужнѣе, чѣмъ здѣсь, въ университетскихъ аудиторіяхъ, въ тысячу разъ больше сдѣлаю, — и я уже не колебался больше. Я собралъ денегъ, сколько могъ, и оставилъ Москву. Я не зналъ, что выйдетъ изъ моей поѣздки. Зналъ, что на собранные двѣсти рублей я мало что могъ сдѣлать. Но у меня было горячее, искреннее желаніе помочь голодающимъ, и я вѣрилъ, что все остальное «приложится».

До Самары было около двухъ сутокъ по желѣзной дорогѣ. Путь лежалъ черезъ всю полосу пораженныхъ

неурожаемъ губерній: Тульская, Рязанская, Тамбовская, Пензенская, Саратовская и Самарская губерніи,—всѣ, какъ извѣстно, голодали. Я ѣхалъ въ третьемъ классѣ. Поѣздъ нашъ шелъ очень медленно, постоянно задерживаясь на станціяхъ вслѣдствіе загроможденія путей товарными поѣздами съ продовольственнымъ хлѣбомъ. Разговоры въ вагонахъ шли все о томъ же голодѣ, о хлѣбѣ, о народномъ бѣдствіи въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ. Помню, послѣ Ряжска вошелъ къ намъ въ вагонъ купецъ, рассказавшій слѣдующій случай. Былъ онъ на базарѣ, торговалъ хлѣбъ. Вдругъ подходитъ къ нему мужикъ, молодой, выдергиваетъ у него изъ руки кошелекъ съ деньгами и бѣжитъ. Отбѣжавъ шаговъ пять, онъ самъ остановился. Его поймали сейчасъ же.

— Зачѣмъ ты это воруетъ? Что ты, съ ума сошелъ: днемъ воровать, да еще не хорониться?—спрашиваютъ его.

— Посадите, — говоритъ мужикъ, — Христа ради, въ острогъ: все-таки тамъ поить, кормить будутъ, да крыша будетъ надъ головой, — дома нѣтъ ничего.

И заплакалъ сердечный.

Купецъ ударилъ его раза два по шеѣ и отпустилъ съ миромъ.

— Зачѣмъ же вы его побили? — спросилъ я у купца, — вѣдь его жалко.

— Такихъ, сударь мой, жалѣть, такъ что жъ будетъ?—отвѣчалъ съ негодованіемъ купецъ: — разбой будетъ. Развѣ можно?

Помню еще мужика съ мѣшкомъ за спиной. Онъ сѣлъ къ намъ на одной изъ станцій, уже въ Тамбовской губерніи.

— Вотъ и домой ѣду опять, — началъ онъ сейчасъ же рассказывать, обращаясь ко всѣмъ своимъ сосѣдямъ за разъ. — Что жъ? Нѣтъ нигдѣ работы. Говорили, въ Тульской губерніи есть. Задаромъ проѣздили. Тутъ сказали: у графа есть — опять нѣтъ ничего. Эхъ, Господи! Мыта-

ришься, мытаришься по свѣту... Были деньжонки, теперь послѣднія проѣздилъ. То надо билетъ, а то угостить надо того, кто, думаешь, силу имѣетъ, — кто на работу можетъ произвести. Да нѣтъ, видно, никакими средствами до дѣла не доберешься.

Мужикъ былъ въ шапкѣ, сдвинутой на затылокъ. Изъ рта его несло водкой.

— Такъ-то, милый человѣкъ! — продолжалъ онъ, взглянувъ на меня и мотнувъ головой. — Вѣдь какая штука выходитъ нехорошая. Я, къ примѣру, въ Тульскую губернію ѣздилъ работишки искать, а вонъ тотъ человѣкъ, скажемъ, къ намъ въ Воронежъ ѣдетъ. Или, къ примѣру, я тутъ въ Тамбовской дѣла ищу, а тамбовскій мужикъ у насъ по барскимъ экономіямъ толкается. Ну, что жъ тутъ?

И мужикъ взмахнулъ руками и ударилъ себя длиннымъ рукавомъ полушубка по колѣнямъ.

Помню еще жалкихъ, нищихъ дѣтей, вошедшихъ просить милостыни въ Пензенской губерніи; помню, какъ кондукторъ грубо выгналъ ихъ и какъ мальчишка, одѣтый въ рубище, заплакалъ и сталъ ѣжиться еще больше отъ горя и холода, пряча красныя ручонки въ худые рукава.

Помню, какъ четыре кондуктора товарныхъ поѣздовъ, немножко подвыпившіе, ѣхали съ нами смѣнять гдѣ-то товарищей и жаловались, что имъ послѣднее время такъ трудно приходилось, что они иногда по трое сутокъ подрядъ не спали и не сходили съ поѣздовъ.

Помню однообразныя и такъ хорошо знакомыя всѣмъ намъ картины Россіи, проходившія мимо въ окнѣ вагона: поля, поля и поля, и среди нихъ — жалкія деревни; потомъ опять поля безъ конца.

Наконецъ, я пріѣхалъ въ городъ Самару.

Здѣсь я рѣшилъ остановиться на день или два, чтобы, во-первыхъ, лучше познакомиться съ тѣмъ, какая и гдѣ

организована помощь народу, кромѣ земской ссуды, и, во-вторыхъ, откуда, какъ и почему можно купить хлѣба. Въ то время губернаторомъ въ Самарѣ былъ А. Д. Свербеевъ, нашъ знакомый, и я поѣхалъ къ нему, рассчитывая, что отъ него я скорѣе и вѣрнѣе всего узнаю положеніе дѣлъ.

А. Д. принялъ меня очень любезно, но когда узналъ, что я приѣхалъ съ крайне жалкими средствами, выразилъ сомнѣніе, чтобы я могъ что-либо существенное сдѣлать съ моими несчастными двумя сотнями рублей.

Я на это возразилъ ему, во-первыхъ, то, что если я только десять человѣкъ прокормлю, или даже только помогу имъ, то и этимъ я буду счастливъ и сдѣлаю то, что мнѣ и хотѣлось; во-вторыхъ, что было бы очень плохо, если бы каждый изъ насъ отчаивался въ своихъ силахъ и не ѣхалъ на голодъ, потому что помощь наша сравнительно ничтожна. А. Д. не сталъ больше расхолаживать меня и, пожелавъ мнѣ успѣха, просилъ не пропагандировать ничего зловреднаго въ народѣ, что я искренно ему обѣщалъ. Въ тотъ же день онъ пригласилъ меня къ себѣ обѣдать и вечеромъ присутствовать на засѣданіи губернскаго попечительства Краснаго Креста съ архіереемъ, администраціей, земскими начальниками и другими его членами. Это засѣданіе ярко осталось у меня въ памяти. Я стоялъ въ сторонѣ, наблюдалъ и слушалъ разговоры собравшихся лицъ въ одной изъ просторныхъ комнатъ губернаторской квартиры. Обсуждали всевозможные вопросы о хлѣбѣ, о работахъ, о кормѣ скота, о врачебной помощи больнымъ; но бѣда была въ томъ, что нужда была настолько велика, что каждый просилъ въ свое попечительство больше, чѣмъ оно могло получить, и потому все сводилось на засѣданіи уже не къ тому, чтобы лучше облегчить бѣдствіе въ извѣстномъ мѣстѣ, а только къ тому, чтобы каждому просившему удѣлить хоть немножко, хоть что-нибудь на нужды его

участка. Мнѣ показалось также, сравнительно съ тѣмъ, что я чувствовалъ, что члены попечительства недовольно горячо относились къ голоду, недовольно болѣли душой за голодающихъ, и это впечатлѣніе окончательно заставило меня отрѣшиться отъ мысли соединить мою будущую дѣятельность съ мѣстной дѣятельностью, а, напротивъ, утвердило въ рѣшеніи оставаться совершенно самостоятельнымъ. Передъ тѣмъ, какъ идти къ губернатору обѣдать, днемъ я отправился на городской базаръ, гдѣ, мнѣ сказали, была устроена пекарня и продавался дешевый хлѣбъ. Говорили, что цѣлый день на базарѣ передъ лавкой, откуда продавался этотъ хлѣбъ, стояла толпа голоднаго народа. Это была правда. На базарѣ мнѣ сейчасъ же бросилось въ глаза то мѣсто, гдѣ кучнѣе стѣснился народъ. Я подошелъ къ толпѣ. Многіе покупали хлѣбъ; другіе стояли подлѣ, завистливо смотря на счастливецъ, купившихъ его. Большинство народа, собравшагося тутъ, было очевидно изъ деревень, что можно было видѣть по деревенскимъ полушубкамъ и валенымъ сапогамъ. Нѣкоторые изъ покулавшихъ хлѣбъ тутъ же принимались его ѣсть. Я подошелъ къ лавкѣ и купилъ нѣсколько фунтовъ хлѣба, чтобы подать мужикамъ и бабамъ, показавшимся мнѣ особенно жалкими. Но не успѣлъ я сдѣлать этого, какъ толпа народа окружила меня, прося и ей купить хлѣба. Я сталъ покупать и раздавать — пока не удовлетворилъ многихъ.

Скоро послѣ этого случая мои домашніе прочли въ газетахъ, что въ Самарѣ на базарѣ появился какой-то человекъ въ тулупѣ, раздававшій хлѣбъ голоднымъ. Я записываю здѣсь этотъ случай не для того, чтобы похвастаться, не для того, чтобы выставить себя благодѣтелемъ, и, вообще, я прошу читателя съ самаго начала не думать, что я предпринялъ писать эти записки изъ тщеславныхъ побужденій, — сохрани меня, Боже! — я

пишу ихъ, какъ я уже сказалъ сначала, не съ этою цѣлью и описанный случай я привожу только, какъ характерный для тогдашняго времени и положенія города Самары, который былъ полонъ голоднаго народа, пришедшаго сюда изъ деревень и искавшаго себѣ кусокъ хлѣба милостыней или работой. По всѣмъ улицамъ сновали взадъ и впередъ деревенскіе полушубки, заходя въ магазины; а за рѣкой, въ отдаленномъ кварталѣ, эти люди въ полушубкахъ ночевали, чтобы на другой день итти обратно домой, гдѣ, по крайней мѣрѣ, они знали, кому они могли заложить эти свои полушубки, и знали, что дома родня подѣлится съ ними послѣдней краюшкой.

Я былъ въ этомъ отдаленномъ кварталѣ гор. Самары и бесѣдовалъ съ пришлымъ голоднымъ народомъ.

Дѣйствительно, положеніе его было не сладко. Здѣсь они не могли оставаться—работъ не было и плохо подавали; дома—нужда страшная, хотя и подавали лучше. Позднѣе въ Самарѣ были организованы болѣе широкія общественныя работы, которыя успѣшно заняли и прокормили нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Не знаю, вышло ли что-нибудь въ смыслъ полезныхъ результатовъ изъ этихъ работъ. Копали берегъ рѣчки Самарки, расширяя и углубляя бухту. Работали и ночью при свѣтѣ фонарей. Однажды, поздно вечеромъ, я навѣстилъ мѣсто этихъ работъ. Что-то особенное, волшебное и непривычное глазу было въ этихъ черныхъ, копавшихся въ темнотѣ, человѣческихъ фигурахъ, освѣщенныхъ огнями.

Пробывъ день въ Самарѣ, я поѣхалъ дальше по оренбургской желѣзной дорогѣ до станціи «Богатое», откуда мнѣ предстояло проѣхать до мѣста на лошадахъ около 70—80 верстъ.

III.

Разстояніе отъ станціи «Богатое» до хутора, конечно, нельзя сдѣлать въ одну запряжку; на полудорогѣ всегда приходится отдыхать нѣсколько часовъ, и отдыхъ этотъ съ давнихъ поръ, съ тѣхъ поръ еще какъ въ дѣтствѣ моемъ мы проѣзжали здѣсь,—принято дѣлать на хуторѣ Сѣдышевыхъ, отстоящемъ отъ Богатаго верстахъ въ тридцати-пяти. Замѣчательна здѣсь степь. Не доѣзжая, можетъ-быть, съ версту до Сѣдышевыхъ, видна, конечно, только въ ясную погоду, станція какъ на ладонкѣ, хотя она и отстоитъ отсюда въ тридцати слишкомъ верстахъ. Степь гладка какъ скатерть. Дальше, подвигаясь къ хутору Б. и къ Николаевскому уѣзду, мѣстность становится уже не такой плоской. Начинается волнистость и пригорки, которые дальше переходятъ уже въ ярко обозначенныя возвышенности отроговъ Общаго-Сырта, составляющаго водораздѣлъ между Волгой и Ураломъ.

Изъ Самары, доѣхавъ до Богатаго опять въ третьемъ классѣ и опять слыша разговоры все о томъ же, я нанялъ со станціи ямщика, уже знакомаго мнѣ съ лѣта, старичка Григорія Ивановича, и поѣхалъ.

До мѣста отдыха, хутора Сѣдышевыхъ, надо проѣзжать всего только черезъ одну деревню, село Лещово. Проѣзжая сельской улицей, я замѣтилъ кое-гдѣ раскрытыя крыши, встрѣтилъ нѣсколькихъ нищихъ-побирушекъ съ сумками—вотъ и всѣ признаки голода. Зато разговорчивый Григорій Ивановичъ всю дорогу рассказывалъ мнѣ о мужицкой нуждѣ. Онъ зналъ, конечно, какъ и каждый кругомъ, положеніе народа до подробностей. Зналъ, насколько помогаетъ земство, насколько мало этой помощи, зналъ и про Красный Крестъ, и про общественныя работы, про разные другіе случаи и послѣдствія нужды, про воровство, болѣзни, про цѣны на лошадей и другую скотину, однимъ

словомъ, зналъ все. Его рассказы подготовили меня къ тому, что я потомъ встрѣтилъ на дѣлѣ. Григорій Ивановичъ много жаловался и на свою участь, на то, что свою парочку разношерстныхъ лошадей ему кормить нечѣмъ и что врядъ ли онъ додержитъ ее до весны.

На хуторѣ Сѣдышевыхъ милый Савелій встрѣтилъ меня. Савелій—это одинъ изъ хозяевъ хутора, мужикъ лѣтъ тридцати-пяти, необыкновенно симпатичный, съ красивымъ, здоровеннымъ и чистымъ лицомъ, съ добрыми, улыбающимися глазами, съ фамиллярными ласковыми манерами. У Сѣдышевыхъ нѣсколько сотъ десятинъ своей земли, свой хуторъ, Савелій торгуетъ скотиной, и они живутъ хорошо. Это крестьяне-собственники, выселившіеся изъ села хуторяне самарской губерніи, составляющіе самый отраднѣйшій и утѣшительный элементъ и видъ тамошняго населенія. Это самые сильные и энергическіе мѣстные люди, застрѣлыщики народа, показывающіе ему его будущій путь, главные культиваторы края. Выселяясь изъ селъ, строя себѣ хутора среди голой степи, они прудятъ здѣсь пруды, роютъ колодцы, сажаютъ лозины, разводятъ скотъ, навозятъ землю.

Савелій встрѣтилъ меня, и сейчасъ же, по его мановенію, закипѣлъ самоваръ въ кухнѣ, гдѣ жили стряпка и работники отдѣльно отъ хозяйской половины; жена Савелія, такая же, какъ и онъ, спокойная, простая и крупная, накрыла столъ скатертью съ разводами и стала ставить на него медъ, баранки, молоко, сахаръ, чай. Старикъ, старшій братъ Савелія, Гурій, съ больными ногами въ валенкахъ, которыхъ онъ и лѣтомъ съ себя не снимаетъ, подсѣлъ ко мнѣ, живо интересуясь моимъ пріѣздомъ и горячо сочувствуя народному бѣдствію. Онъ сталъ сейчасъ же рассказывать, какую нужду терпятъ въ ихъ селѣ, и просилъ меня вспомнить потомъ и помочь его бѣднѣйшимъ односельчанамъ.

Отдохнувъ у Сѣдышевыхъ и накормивъ лошадей, мы поѣхали съ Григоріемъ Ивановичемъ дальше.

Все яснѣе и яснѣе теперь, по мѣрѣ приближенія къ хутору Б., складывалась у меня въ представленіи картина голода. Самара, желѣзная дорога до Богатаго, Григорій Ивановичъ, Сѣдышевы — вездѣ набиралось новое. Теперь до хутора Б. оставалось верстъ сорокъ, какъ я считалъ. По пути лежало нѣсколько селъ, между прочими Землянки и Патровка — два села, гдѣ мнѣ потомъ ближе всего приходилось соприкасаться съ нуждой. Оба села эти принадлежатъ къ типу большихъ современныхъ селъ самарской губерніи, и потому интересно остановиться на ихъ внѣшнемъ видѣ подробнѣе. Оба они лежатъ по берегамъ рѣчки Сѣзжей, притока Самарки, жалкой рѣчки, съ безобразными обвалившимися берегами, почти пересыхающей лѣтомъ. Въ Землянкахъ около 650 дворовъ, въ Патровкѣ — около 450. Изъ этихъ тысячи ста дворовъ, можетъ-быть, сто дворовъ имѣютъ видъ болѣе, не скажу — приличный, богатый или культурный, а болѣе похожій на строенія, въ которыхъ могли бы жить люди. Остальная тысяча представляетъ изъ себя или уцѣлѣвшія отъ стараго добраго времени раскрытыя, полуразвалившіяся деревянныя избы, безъ дворовъ и безъ сѣней, — это меньшинство, — или крошечныя мазанки съ земляными крышами, съ отверстіями вмѣсто оконъ не больше четверти ширины и высоты, съ землянымъ поломъ, если вы заглянете во внутренность мазанки. Посреди этихъ, разбросанныхъ по двумъ сторонамъ рѣчки, жилищъ возвышаются въ этихъ селахъ церкви: въ Землянкахъ большая, хотя недостроенная, кирпичная и еще маленькая, деревянная, въ Патровкѣ — тоже деревянная; красуются зданія волостныхъ правленій и еще два-три порядочныхъ дома; на прилегающихъ буграхъ стоятъ мельницы-вѣтрянки, растопыривъ свои мрачныя крылья. Вотъ и все.

Солнце уже садилось за холмы Общаго-Сырта, когда я подъѣзжалъ въ хутору Б. Подъ послѣднюю горку Григорій Ивановичъ стегнулъ кнутомъ своего сѣраго коренного, и мы хорошей рысью спустились внизъ, въ долину рѣчки Мочи, составляющей границу Бузулукскаго и Николаевского уѣздовъ. Мы живо переѣхали черезъ плотину пруда Б.; такимъ образомъ, изъ одного уѣзда мы въѣхали въ другой и, къ немалому волненію всего хутора, стали подъѣзжать къ дому.

Хуторъ Б. состоитъ изъ нѣсколькихъ деревянныхъ строеній—дома, амбаровъ, рабочихъ избъ и скотныхъ дворовъ. Большой прудъ запруженъ внизу. Кучи темнаго княка, въ формѣ усѣченныхъ пирамидъ, стоятъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ за дворами, подъ плотиной и за домомъ. Мы подкатили къ крыльцу.

Я выѣзъ изъ плетушки и пошелъ къ двери. Б. увидалъ меня въ окно и выбѣжалъ ко мнѣ навстрѣчу. Не буду описывать всѣхъ нашихъ разговоровъ съ нимъ. Довольно того, что въ этотъ вечеръ и на слѣдующій день утромъ я до конца и безъ труда теперь узналъ все, что мнѣ нужно было знать. Я узналъ, что народъ получаетъ отъ земства 30 фунт. хлѣба на ѣдока зерномъ, исключая работниковъ и дѣтей; что этой ссуды хватаетъ всего на 10—15 дней, потому что, во-первыхъ, изъ 30 фунт. зерна получается меньше муки и потому, что за помоль этой муки мельники берутъ изъ тѣхъ же 30 фунт. хлѣбомъ же; во-вторыхъ, ѣдятъ земскій хлѣбъ и работники и дѣти, потому что работники всѣ дома и работъ имъ никакихъ нѣтъ, а дѣтямъ тоже надо было ѣсть что-нибудь. Я узналъ, что громадная половина крестьянъ уже теперь осталась безъ лошадей, которыхъ они распродали за безцѣнокъ; что они распродаютъ остальной скотъ, закладываютъ имущество, одежду—все, что только можно. Я узналъ, что всѣ безлошадные крестьяне платили тѣмъ же хлѣбомъ,

какой они получали отъ земства, еще за подвозъ его въ село со станціи, такъ что еще меньше имъ оставалось на продовольствіе. Я узналъ, увидѣлъ и самъ попробовалъ тотъ хлѣбъ съ примѣсью глины и земли, который ѣли во многихъ мѣстахъ и котораго у Б. было нѣсколько образчиковъ. Я узналъ, что въ сосѣднихъ селахъ уже свирѣпствовалъ брюшной тифъ; что нѣкоторые крестьяне покупали дешевыхъ лошадей и солили ихъ себѣ на ѣду, считая это выгоднѣе, чѣмъ хлѣбъ (за лошадь въ 12—15 пудовъ платили рублей 5, а за столько же пудовъ муки надо было заплатить втрое); въ сосѣднемъ же селѣ крестьяне воровали другъ у друга хлѣбъ изъ амбаровъ, потому что другого выхода имъ не было.

На хуторѣ Б. день и ночь стояла толпа голодающихъ; не успѣлъ я пріѣхать, какъ домъ былъ окруженъ ими. Но разговоры съ ними мы отложили до утра. Тѣмъ не менѣе, всю ночь, которую я почти не спалъ, слышны были голоса подъ окнами, просившіе нараспѣвъ милостыню: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, подайте Христа ради!» Приходили такъ ночью на хуторъ Б. въ продолженіе всей осени; многіе тутъ даже ночевали, дожидаясь утра. Б. широко раздавалъ милостыню народу, но признался мнѣ, что у него бы ненадолго хватило хлѣба, если бы онъ сталъ удовлетворять всѣхъ просившихъ.

Пока мы сидѣли съ нимъ разъ вечеромъ за самоваромъ, человѣкъ, по крайней мѣрѣ, двадцать подошло къ низкимъ окнамъ одноэтажнаго домика, прося милостыню. Б. отсылалъ ихъ всѣхъ на кухню.

— Сегодня ужъ что-то особенно много, — говорилъ онъ мнѣ растерянно: — видно узнали, что вы тутъ, и прямо сюда за спасеніемъ. Вѣдь голодные!

«Хорошо спасеніе, — думалъ я на это съ горечью, уже чувствуя мое безсиліе передъ моремъ нужды, открывшимся передо мной; — спасеніе въ моихъ двухстахъ-то рубляхъ?!»

Когда на другое утро я проснулся, Б. вошелъ въ мою комнатку и объявилъ, что меня уже дожидается народъ.

— Много?—спросилъ я.

— Порядочно, — отвѣтилъ мнѣ Б., двумысленно улыбаясь, — выходите, увидите.

Я одѣлся и вышелъ черезъ кухню и заднее крыльцо на большой крытый дворъ. Уже въ кухнѣ я шелъ проталкиваясь мимо какихъ-то мужиковъ и бабъ, пришедшихъ въ большое волненіе при моемъ появленіи.

Когда я очутился на крыльцѣ, я глазамъ не повѣрилъ. Весь дворъ былъ полонъ народомъ. Мужики, бабы, старики, дѣти стояли передо мной сплошной черной толпой, человѣкъ въ 400. Сердце мое упало при этомъ зрѣлищѣ. Очевидно, все это были голодные люди, пришедшіе ко мнѣ за помощью, какъ къ послѣднему источнику спасенія. Я сразу понялъ и почувствовалъ это. Въ первый разъ серьезность положенія предстала передо мной во всей силѣ и во всю свою величину. Первые минуты я былъ до того растерянъ, что не могъ выговорить слова.

Въ толпѣ стали шептаться, тихо переговариваться между собою, и мнѣ слышались слова: «онъ? онъ, что ли?»

Они уже вѣрили въ меня, какъ въ своего избавителя. И вдругъ всѣ шапки снялись съ головъ, и вся толпа стала кланяться мнѣ. Многія бабы чуть не попадали на колѣни, но спасибо Б. — онъ остановилъ ихъ во-время. Тогда я рѣшился заговорить и объяснить имъ, чтобы они не надѣялись на меня, что я пріѣхалъ съ малыми средствами и врядъ ли смогу замѣтно облегчить ихъ бѣдствіе.

— Не вы, такъ кто же?—заговорили на это голоса въ толпѣ. — Умираемъ голодной смертью, по три дня не ѣдимъ, ребятишки кричатъ; не дай, кормилецъ, умереть голодной смертью!

Они не хотѣли вѣрить въ мое безсиліе.

— Я сдѣлаю, что смогу, — сказалъ я имъ, — а пока

идите домой и не стойте здѣсь. Сейчасъ я никому ничего давать не буду. Надо прежде узнать, кто нуждается, кто нѣтъ.

— Всѣ нуждаются, — перебила меня толпа, — кто и по-лучше житель, нынче и тотъ нуждается. Были если у кого двѣ лошади, одну уже продалъ, а другую скоро поведетъ. А лошадку-то продать — надолго ли хватитъ? Намедни продалъ жеребенка, хорошій жеребенокъ, за 6 цѣлковыхъ, 4 пуда муки купилъ. Въ недѣлю проѣли. И продать больше нечего остается. «Комитета» (т.-е. земской ссуды) не хватаетъ, отъ Христа мало даютъ. Помираемъ голодной смертью, да и все тутъ.

— Все-таки идите пока домой, — повторилъ я, — тогда узнаете, какая помощь отъ насъ будетъ.

— Куда же мы пойдемъ-то? — раздались жалобные женскіе голоса, — вѣдь дома ребятенки кричатъ, безъ хлѣба сидятъ. А у меня мужикъ третій день въ горячкѣ, — куда же мы пойдемъ-то?

И голоса переходили въ всхлипыванія. Въ толпѣ теперь всѣ заговорили за разъ, рассказывая свои горести и нужды, точно въ первый разъ имъ это досталось на долю, и точно отъ этого имъ могло сдѣлаться легче. Я слушалъ ихъ. «Такъ вотъ они, эти голодающіе, — думалъ я, — голодающіе, о которыхъ говорятъ въ гостиныхъ, о которыхъ пишутъ въ газетахъ, въ пользу которыхъ даютъ концерты, рауты и пляшетъ вальсы наша молодежь!»

Вотъ что значитъ голодающіе.

Мнѣ было и больно и жутко на душѣ, и чувство какого-то волненія и страха передъ ними овладѣло мной.

Я постоялъ еще передъ голодной толпой, послушалъ ея рѣчи и, въ третій разъ повторивъ ей, чтобы она расходилась и не надѣялась очень на меня, я ушелъ въ домъ.

Новое рѣшеніе живо созрѣло во мнѣ. Я рѣшилъ сейчасъ же оставить мои несчастныя деньги Б., попросивъ

его купить на нихъ хлѣба для бѣднѣйшихъ крестьянъ, а самому возвратиться немедленно въ Москву за бѣлыми средствами. Нужно было еще найти себѣ товарищей, такъ какъ я понялъ, что одному здѣсь нечего было дѣлать, а то, что я видѣлъ, настолько подняло мой духъ, что я былъ увѣренъ теперь, что соберу для голодающихъ, помогу имъ какими бы то ни было путями. Писать воззваніе въ газетахъ, собирать деньги съ знакомыхъ, наконецъ, просто ходить по московскимъ богатымъ домамъ, звонить по подъѣздамъ, прося для голодающихъ,—всѣ эти способы представлялись мнѣ возможными. Во мнѣ поднялось чувство, какое поднимается въ душѣ человѣка при видѣ пожара. Увидѣвъ, что загорѣлось, онъ не думаетъ больше о томъ, прибѣгутъ ли на пожаръ другіе люди, или нѣтъ, онъ знаетъ, что они прибѣгутъ, и потому его дѣло не объ этомъ заботиться, а его дѣло — только кричать изо всѣхъ силъ, что тамъ горитъ, кричать и звать туда на помощь. Я такъ и сдѣлалъ. На другой день я ѣхалъ обратно на станцію Богатое на парѣ лошадокъ, которую далъ мнѣ Б.

— А что, если вы не вернетесь къ намъ изъ Москвы?— спросилъ онъ меня полушутя при прощаніи.

Я ничего на это не отвѣтилъ ему.

Но здѣсь надо рассказать о небольшомъ происшествіи на кухнѣ Б. послѣ того, какъ толпа голодающихъ наконецъ оставила ее и дворъ и хуторъ и разошлась по домамъ.

На печкѣ, въ кухнѣ, у хозяйки дома Б. стояло четыре большихъ горшка прекрасной сметаны. Когда голодающая толпа разсѣялась, всѣ эти четыре горшка оказались пустыми. Кухарка Б. не могла надивиться чуду. Но чудо это сейчасъ же объяснилось. Татаринъ-конюхъ Б. видѣлъ, какъ нѣсколько бабъ, выйдя изъ кухни, забѣжали за кучи кизяка и тамъ, присѣвъ на корточки, ѣли что-то

бѣлое и густое, сначала палочками, потомъ просто пальцами другъ у дружки изъ кармановъ. Нетрудно было догадаться, что такое они ѣли. Стоя въ кухнѣ, бабы, пользуясь тѣснотой, незамѣтно наполнили густой сметаной свои карманы и потомъ, голодные, сейчасъ же стали ѣсть ее.

Хозяйка дома Б. потужила о своей сметанѣ, потужила и о неблагодарности крестьянъ, ворующихъ у нихъ, тогда какъ они имъ помогали, а мы съ Б. были тронуты исторіей пропажи сметаны и еще больше прониклись сочувствіемъ къ положенію несчастныхъ голодныхъ бабъ и всего народа.

IV.

Стало-быть, я опять уѣхалъ въ Москву. Проѣхавъ неизбежныя двое сутокъ по желѣзной дорогѣ, я снова очутился въ Хамовническомъ переулкѣ. Прошло немного времени съ тѣхъ поръ, какъ я выѣхалъ отсюда, а настроеніе и нашей семьи и всего общества уже замѣтно измѣнилось. О наступившемъ голодѣ уже не говорили, а кричали теперь, какъ о страшномъ, давно не бываломъ бѣдствіи; отовсюду сыпались пожертвованія; воззваніе за воззваніемъ печатались въ газетахъ. Въ одномъ изъ такихъ воззваній, написанномъ моею матерью, было упомянуто и мое имя, и то мѣсто, гдѣ я намѣревался помогать народу.

Вскорѣ послѣ приѣзда моего въ Москву я получилъ отъ Б. увѣдомленіе, что въ Бузулукѣ лежатъ кучи денежныхъ пакетовъ на мое имя. Кромѣ того, къ отцу шли довольно дружныя пожертвованія, и онъ обѣщалъ мнѣ удѣлять часть ихъ для самарскихъ голодающихъ. Самъ онъ тогда собирався ѣхать на Донъ, въ имѣніе нашихъ хорошихъ знакомыхъ Раевскихъ, гдѣ, по ихъ словамъ, нужда была также очень велика.

Увѣрившись въ томъ, что средства теперь у меня бу-

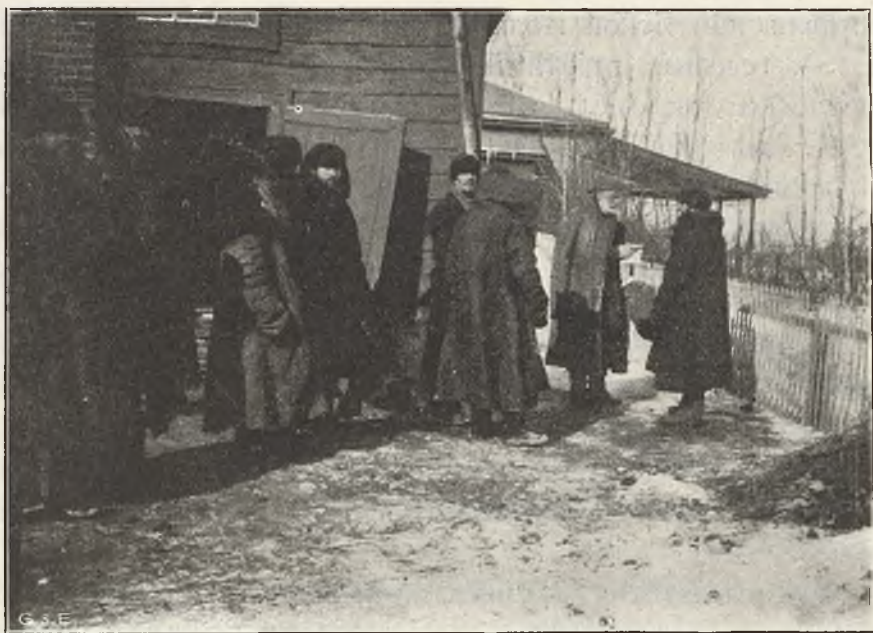
дуть, и предполагая, что по мѣрѣ расширенія моей дѣятельности они будутъ притекать, я отчасти успокоился на этотъ счетъ и сталъ думать объ осуществленіи второй цѣли возвращенія въ Москву—о приисканіи себѣ товарищей. Я думалъ, что найду ихъ среди студентовъ, но въ этомъ я ошибся. Товарищъ, поѣхавшій со мной на голодъ, былъ человѣкъ, который всего менѣе, по моимъ ожиданіямъ, рѣшился бы на это. Это былъ тогдашній нашъ управляющій Ясной Поляны, И. А. Б., человѣкъ еще молодой, веселый, пріятный, — однимъ словомъ, товарищъ, лучше котораго нельзя было придумать. Кромѣ того, что И. А. былъ мнѣ хорошо знакомъ, кромѣ того, что онъ подходилъ ко мнѣ годами, онъ уже имѣлъ сельскохозяйственный и житейскій опытъ, чего у меня еще тогда было очень мало и что было необходимо при предстоявшей намъ дѣятельности.

Снарядившись въ дорогу, собравъ еще денегъ, сколько можно было, захвативъ съ собой аптечку лѣкарствъ для больныхъ, мы выѣхали изъ Москвы, черезъ Тулу, съ тѣмъ, чтобы заѣхать на день или два въ Тульскую и Рязанскую губерніи, на мѣста, гдѣ начиналъ тогда свои столовые мой отецъ.

Заѣхать сюда я рѣшилъ, во-первыхъ, чтобы на дѣлѣ увидеть и познакомиться со столовыми, которыя ~~отецъ~~ считалъ наилучшей формой помощи голодающимъ; во-вторыхъ, изъ простаго любопытства—посмотрѣть нужду здѣшнихъ крестьянъ и сравнить ее съ нуждой самарской. Не буду долго останавливаться на этихъ дняхъ,—скажу только, что столовые мнѣ понравились, хотя я вовсе не нашелъ ихъ единственной возможной формой помощи, и скажу еще, что нужда народа на Дону мнѣ показалась ничтожной въ сравненіи съ тѣмъ, что я видѣлъ въ Самарѣ.

Тамъ народъ исключительно земледѣльческій, живетъ исключительно на то, что ему родитъ земля; здѣсь—другое

дѣло. Здѣсь нѣтъ деревушки, гдѣ бы съ давнихъ поръ не было развито какого-нибудь отхожаго промысла, гдѣ бы издавна народъ не зарабатывалъ на сторонѣ, вслѣдствіе невозможности прокормиться на своихъ малыхъ надѣлахъ. Поэтому неурожай здѣсь гораздо менѣе чувствителенъ, чѣмъ въ приволжскихъ глухихъ губерніяхъ, гдѣ отхожіе промыслы очень мало или совсѣмъ не развиты.

Л. Н. Толстой на Дону съ крестьянами.

Кромѣ того, крестьяне Тульской и Рязанской губерній рѣзко отличаются отъ крестьянъ самарскихъ тѣмъ, что послѣднихъ не коснулось вліяніе крѣпостного права. Вслѣдствіе этого крестьяне первыхъ губерній, хотя и представляютъ изъ себя людей гораздо менѣе свободныхъ и независимыхъ въ гражданскомъ отношеніи, зато въ трудные періоды гораздо легче переносятъ свои напасти, издавна привыкнувъ къ нимъ, привыкнувъ къ постоянной, напря-

женной борьбѣ за существованіе. Это — вторая причина, почему голодовки переносятся здѣсь легче. Третьей причиной можно назвать большую густоту населенія, сравнительно съ населеніемъ приволжскихъ губерній, близость Москвы и другихъ большихъ промышленныхъ городовъ, а также сосѣдство большого количества помѣщичьихъ хозяйствъ съ промышленными учрежденіями, въ родѣ крахмальныхъ, винныхъ, кирпичныхъ и другихъ заводовъ, а иногда просто широко развитыхъ сельскихъ хозяйствъ, требующихъ большого числа рабочихъ рукъ. Въ подтвержденіе этой послѣдней причины могу вспомнить то, что въ тѣхъ деревняхъ, которыя я посѣтилъ на Донѣ, сравнительно небольшое число взрослыхъ мужиковъ-работниковъ было дома, остальные всѣ были на заработкахъ.

Въ Самарѣ мужики всѣ сидѣли по домамъ всю зиму.

Поэтому я могу смѣло сказать, что на Донѣ я не видѣлъ голода, настоящаго, кричащаго, какой видѣлъ въ Самарѣ; послѣ той голодной толпы, осадившей насъ на хуторѣ Б., мнѣ показалось даже, что грѣхъ помогать здѣсь, когда тамъ такое страшное бѣдствіе. Это было мое непосредственное, первое впечатлѣніе. Истина, что нужда была здѣсь не такой сильной, какъ тамъ, подтвердилась потомъ и тѣмъ, что въ Тульской и Рязанской губерніяхъ не было, напр., цынги, или были только единичные случаи ея, тогда какъ въ приволжскихъ губерніяхъ этою болѣзнью болѣли цѣлыя семьи, цѣлыя села.

Въ Самарской губерніи мы кормили почти всѣхъ подъ рядъ въ нашихъ столовыхъ, такъ какъ всѣ подъ рядъ были голодны — и молодые, и сильные, и старые, и больные. И иначе намъ нельзя было поступать.

На Донѣ кормили въ «сиротскихъ призрѣніяхъ», т. е. столовыхъ, только стариковъ и лѣтей, слабыхъ и одинокихъ; другіе стыдились сами итти въ столовые.

Но довольно объ этомъ. Я, можетъ-быть, возвращусь

къ Дону въ одной изъ слѣдующихъ главъ; пока же вернусь къ нашему путешествію.

Въ г. Самарѣ и на этотъ разъ намъ пришлось остановиться.

Надо было справиться о цѣнахъ на хлѣбъ, найти людей, черезъ которыхъ можно было купить или выписать этотъ хлѣбъ, получить часть благотворительныхъ денегъ, переведенныхъ сюда въ банкъ, и сдѣлать еще кое-какія дѣла. Оказалось, что въ Самарѣ теперь уже дѣйствовалъ другой губернаторъ, бывший вице-губернаторъ и уже знакомый мнѣ, А. С. Брянчаниновъ. Мнѣ пришлось нѣсколько разъ видѣться съ А. С., и онъ, выказавъ мнѣ большое участіе, далъ цѣнныя рекомендаціи къ лицамъ, могущимъ быть намъ полезными и услугами которыхъ мы потомъ широко воспользовались. Между этими лицами главное мѣсто занималъ г. Кеницеръ, имѣющій въ Самарѣ складъ земледѣльческихъ машинъ, человѣкъ дѣльный и много потрудившійся въ голодный годъ.

На самарскихъ улицахъ и въ этотъ мой пріѣздъ я замѣтилъ тѣ же кучки людей въ полушубкахъ, изъ деревень, просившихъ милостыню у городскихъ прохожихъ; и въ этотъ разъ меня поразило равнодушіе мѣстнаго населенія къ этимъ непривычнымъ, казалось имъ, побирушкамъ; поразило, какъ выгоняли ихъ изъ магазиновъ приказчики, сердито крича имъ, что нужно работать. Но работъ и тогда было недостаточно, и большинству народа ничего не оставалось, какъ нищенствовать.

Съ кѣмъ я еще познакомился здѣсь въ этотъ разъ — это съ знаменитымъ купцомъ и милліонеромъ самарскимъ, Аржановымъ, теперь умершимъ, къ которому я поѣхалъ узнать, нѣтъ ли у него продажнаго хлѣба и не пожертвуетъ ли онъ чего-нибудь отъ себя для голодающихъ. Аржановъ владѣлъ въ Самарской губерніи многими сотнями тысячъ десятинъ, доставшихся ему, конечно, чуть ли

не даромъ, и не однимъ десяткомъ милліоновъ капитала. Это одинъ изъ главныхъ представителей мѣстныхъ землевладѣльцевъ-богачей изъ крестьянъ. У него былъ свой домъ въ Самарѣ.

Подѣхавъ къ этому дому, я увидѣлъ на улицѣ двухъ людей, разговаривавшихъ между собой у воротъ.

— Здѣсь живетъ Аржановъ?—спросилъ я ихъ.

— Здѣсь, — отвѣтилъ мнѣ одинъ изъ нихъ, уже старый старикъ, съ зеленой бородой, одѣтый въ оборванное пальто и плохую фуражку.—А вамъ что?

— По дѣлу нужно,—отвѣтилъ я,—скажите обо мнѣ, пожалуйста?

Старый человѣкъ, отвѣчавшій мнѣ, пошелъ въ ворота. Другой, помоложе, посоветовалъ мнѣ позвонить въ крыльцо. Черезъ минуту мнѣ открылъ дверь тотъ же человѣкъ съ зеленой бородой.

— Пожалуйста,—сказалъ онъ спокойно.

— Я вошелъ въ переднюю, раздѣлся, и старикъ провѣлъ меня въ маленькую комнатку, съ клеенчатымъ обтрепаннымъ диваномъ, изъ котораго до полу висѣла мочалка.

— Что же, доложите господину Аржанову,—сказалъ я старику, который теперь стоялъ около меня и пытливо смотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— Я самый,—сказалъ старикъ.—Что вамъ?

Я скрылъ мое изумленіе и, назвавъ фамилію, сказалъ, зачѣмъ пріѣхалъ.

Хлѣба продажнаго у Аржанова не было; когда же я попросилъ у него денегъ для голодающихъ, онъ, повидимому, удивился и долго не отвѣчалъ мнѣ.

— Нѣтъ,—наконецъ сказалъ онъ тихо,—нѣту для нихъ ничего.

Я простился съ нимъ и уѣхалъ.

Потомъ только я уже узналъ объ извѣстной всѣмъ

скудости Аржанова, и, когда я подумалъ о его крестьянскомъ происхожденіи, о всей его прошлой жизни, мнѣ показалось понятнымъ, что ему было дико пожертвовать что-нибудь голодающимъ, съ которыхъ онъ всю свою жизнь самъ только всячески тащилъ и благодаря которымъ составилъ свои милліоны.

Зато, какъ мнѣ рассказывали, въ утѣшеніе себѣ онъ по праздникамъ одѣвался нищимъ и ходилъ на церковную паперть, откуда изъ мѣшка раздавалъ настоящимъ нищимъ черный хлѣбъ.

Пробывъ въ Самарѣ сутки, мы ночью выѣхали отсюда и на слѣдующее утро, часовъ въ восемь, пріѣхали на нашу станцію.

Григорій Ивановичъ, мой старый знакомый, одинъ стоялъ у задняго станціоннаго крыльца, вѣроятно, рассчитывая на мой пріѣздъ. Когда я вышелъ къ нему и, поздоровавшись съ нимъ, взглянулъ на его знакомыхъ мнѣ лошадей, теперь запряженныхъ гусемъ въ санки, меня поразила ихъ необычайная худоба.

— Что же это ты лошадей сморилъ?—сказалъ я старику.—Да мы на такихъ никогда не доѣдемъ до мѣста.

— Доѣдемъ, — смущенно отвѣчалъ Григорій Ивановичъ.—Что станешь дѣлать? корму нѣтъ, самому ѣсть нечего доходитъ. Вотъ все васъ дожидался, ужъ съ недѣлю выѣзжаю.

Жаль мнѣ было обижать старика, но по виду своему его лошади рѣшительно не могли довести насъ, и нужно было найти другого ямщика. Я обратился за этимъ къ начальнику станціи, но онъ объяснилъ мнѣ, что другихъ лошадей ни у кого по близости не было, и намъ поневолѣ приходилось ѣхать съ Григоріемъ Ивановичемъ. Опять мы вышли къ нему на заднее крыльцо станціи.

— Да что вы! когда не довезутъ! Куда угодно довезутъ,—сталъ утѣшать насъ старикъ, ударяя на «о» и обра-

довавшись тому, что мы должны были ѣхать съ нимъ, — сморены маненько, да ничего, добѣгутъ. Я кормилъ ихъ, нарочно васъ дожидаясь.

Хорошо же онъ, бѣдный, кормилъ ихъ, бѣдныхъ: на нихъ оставалась кожа да кости!

И мы поѣхали.

Опять длинная, скучная дорога въ 60—70 верстъ. Опять степи, но теперь бѣлыя отъ снѣга и яркія подъ блестящимъ надъ ними солнцемъ; опять тѣ же жалкія громадныя села, тѣ же раскрытыя избы.

Но солнце недолго свѣтило намъ.

Мы проѣхали верстъ пять, и небо нахмурилось. Начался крупный снѣгъ. Мы ползли чуть не шагомъ все время. Только изрѣдка Григорій Ивановичъ понукалъ лошадей, и нѣсколько шаговъ мы ѣхали рысью. Снѣгъ между тѣмъ все валилъ и валилъ, и на дорогахъ его уже было на четверть. Мы тащились весь день и только къ вечеру, сбившись съ дороги, пріѣхали ночевать въ одно село, отстоящее, какъ я потомъ узналъ, отъ хутора Сѣдышевыхъ верстахъ въ десяти. Дальше продолжать путь было невозможно. Буранъ вылъ на дворѣ страшный. Мы остановились ночевать въ избѣ у одного молоканина. Я хотѣлъ было ѣхать дальше; помню, что по молодости я даже сердился, что не было лошадей во всемъ селѣ, которыя бы могли везти меня дальше, но, несмотря на мою горячность, пришлось покориться судьбѣ. Мы ночевали на полу, въ горницѣ. На другое утро опять поѣхали. Буранъ не переставалъ. Только къ вечеру второго дня, останавливаясь и кормя нашихъ жалкихъ лошадей во всѣхъ селахъ, мы дотащились, наконецъ, до Патровки, мѣста моего будущаго пребыванія.

Ярко, какъ сейчасъ помню, чувство, испытанное мной, когда мы въѣхали въ первую улицу села Патровки, съ темными, мрачными, не освѣщенными избами налѣво, съ

открытой, безконечной степью съ правой стороны, гдѣ выль вѣтеръ и крутилъ буранъ.

Жутко стало на душѣ.

Я пріѣхалъ сюда изъ Москвы, изъ теплаго, богатаго дома, отъ удобствъ культурной жизни—въ первобытную, заброшенную всѣми степную деревню. Здѣсь — холодъ, морозъ, снѣгъ, буранъ, болѣзни, нищета, голодъ. Тамъ...

— Куда ѣхать те?—неожиданно обратился ко мнѣ Григорій Ивановичъ, выводя меня изъ задумчивости и полудремоты.

— Къ Симону Егоровичу, молоканину. Знаешь?—спросилъ я.

— Знаю,—отвѣтилъ Григорій Ивановичъ.

И, къ удивленію нашему, онъ тутъ же сталъ заворачивать налѣво лошадей. Впрочемъ, я потому и назвалъ Симона, что его изба была ближе другихъ, здѣсь, на первой же сельской слободѣ, и потому еще, что онъ усиленно приглашалъ меня къ себѣ не разъ прежде.

Лошади остановились передъ запертыми воротами. Мы пріѣхали.

V.

Наконецъ, я могъ успокоиться и начать дѣло послѣ столькихъ дорожныхъ мытарствъ. Хотя въ первую минуту пріѣзда чувство, не скажу — страха, а именно жуткости, серьезности положенія—овладѣло мной,—я былъ всетаки радъ тому, что мы на мѣстѣ и больше никуда намъ ѣхать не нужно было.

Первое мрачное впечатлѣніе, полученное мною при пріѣздѣ въ Патровку, и первое чувство, испытанное въ ней, скоро смягчились другими.

Первое семейство, въ которое мы попали, къ счастью, оказалось не голодающимъ и далеко не мрачнымъ.

Григорій Ивановичъ слѣзъ съ саней и пошелъ стучать-ся въ Симоновы ворота.

— Кто тамъ?—скоро раздался чей-то молодой голосъ на дворѣ.

— Мы, — отвѣтилъ Григорій Ивановичъ, — отвори скорѣй!

Работникъ Симона вышелъ къ намъ, подбѣжалъ къ санямъ, близко всмотрѣлся въ мое лицо и, вѣрно, узнавъ меня, кинулся отворять ворота.

Мы вѣхали во дворъ.

Симонъ Егоровичъ сейчасъ же самъ выскочилъ изъ мазанки-кухни, въ которой теперь онъ жилъ съ семьей, вмѣсто большой избы. Онъ сталъ немилосердно суетиться, улыбаться и ввелъ насъ въ мазанку, полную народомъ. Онъ былъ, очевидно, очень польщенъ и взволнованъ тѣмъ, что я выбралъ его для нашего первого ночлега.

Семья Симона состояла изъ больной старухи-жены, лежавшей за перегородкой, изъ двухъ дѣвокъ-дочерей и солдатки-снохи съ двумя дѣтьми. Конечно, не прошло и четверти часа, какъ неизбѣжный самоваръ кипѣлъ уже для насъ на столѣ, и солдатка внесла на синихъ тарелкахъ всякихъ сластей, баранокъ, изюма, меда, пряниковъ, выкрашенныхъ фуксиномъ.

Насъ посадили на почетныя мѣста къ столу, и мы стали пить чай.

Забылъ сказать, что не успѣли мы вѣхать къ Симону на дворъ, какъ толпа народа уже окружила насъ. Вѣсть о нашемъ приѣздѣ, вѣроятно, молніей облетѣла село. Но Симонъ круто обошелся съ любопытными и всѣхъ живо разогналъ, заперевъ за ними ворота. Потомъ онъ, самодовольно улыбаясь, снова вошелъ въ избу и, сѣвъ противъ насъ на лавку, заварилъ чай и сталъ угощать насъ. Скоро живая бесѣда завязалась между нами. Симонъ любилъ поболтать, и конечно съ нами это было ему особенно лестно.

— А чѣмъ же это твоя старуха хвораешь? — спросилъ его И. А., оглядываясь на перегородку, откуда кряхтѣла больная, и, вѣроятно, вспоминая свою аптечку. — Давно?

— Давно ужъ. Головой болить и животомъ, — отвѣтилъ Симонъ. — Года ужъ, силъ мало...

— И на ѣду охоты нѣтъ, — сказала сама старуха изъ-за перегородки, — и въ ноги вступаетъ, вотъ и лежу все... Что дѣлать!

— Я тебѣ завтра дамъ лѣкарства, — рѣшительно объявилъ старухѣ И. А., — примешь съ водой утромъ на-тошакъ.

Старуха стала трогательно благодарить.

— Хворыхъ много, — заговорилъ между тѣмъ Симонъ, сложивъ руки на колѣняхъ и все улыбаясь, хотя вовсе не о чемъ было улыбаться теперь. Таковую же — не то лукавую не то ласковую — улыбку я замѣчалъ потомъ у многихъ молоканъ. Происхожденіе ея, конечно, надо искать въ исключительномъ положеніи ихъ секты, въ ихъ отношеніи къ людямъ и къ себѣ, въ ихъ сознаніи собственнаго достоинства и превосходства надъ другими.

— Во всемъ селѣ все хворые, — продолжалъ Симонъ, — горячка, что ли: головы болятъ, животы. Померло порядочно даже народу. У насъ и то четверо за осень. А бѣдность... не приведи Господи! Мы вотъ богачи считаемся, намъ и отъ земства не даютъ, а какіе мы богачи?! Только что двѣ пары быковъ есть на хуторѣ? Дома тоже ѣсть нечего доходитъ. А народъ бѣдствуетъ — бѣды..., не наподаешься милостыни. Цѣлый день изъ утра все народъ и народъ. Намедни нарочно считали, сколько разъ подавали, — такъ 68 кусковъ подали. Куски уже стали поменьше нарѣзать, и то хлѣба не напекешься...

И Симонъ тихо засмѣялся.

Въ избѣ было душно и жарко. Пахло дымомъ кизяка. На полочкѣ въ углу лежала Библія въ черномъ кожаномъ

переплетѣ. Я видѣлъ, что И. А. съ удивленіемъ оглядывалъ непривычную ему обстановку русской избы безъ образовъ въ углу.

— А отчего вы молоканами называетесь?—спросилъ онъ неожиданно у Симона.

— Что это?—спросилъ Симонъ, какъ будто не слыхавъ.

— А. И. хочетъ знать, что такое молокане, отчего вы такъ называетесь?—спросилъ я.

— О!..—произнесъ Симонъ.

Очевидно, ему не хотѣлось говорить о затронутомъ предметѣ.

— Это вы у Василія Константиновича спросите, поживете тутъ: онъ хорошо все знаетъ, начетчикомъ у насъ, — сказалъ онъ, немного подождавъ.

Какъ я узналъ послѣ, Симонъ плохо зналъ букву писанія и, хотя посѣщалъ иногда молоканскія собранія, однако мало интересовался религіозными вопросами.

Разговоръ скоро опять перешелъ къ голоду. Мы спрашивали, Симонъ отвѣчалъ и рассказывалъ.

— А ужъ васъ какъ ждали тутъ,—говорилъ онъ со своей улыбкой.—Ну, теперь, небось, все село взбаламутилось, и чего-чего ни болтали,—что будто царскій вы крестникъ, да на каждый дворъ по сту рублей привезете—бѣды. Народъ вѣдь голодный—чего-чего ни наплететъ не ѣмши.

Симонъ среди разговора потягивалъ съ блюдечка горячій чай, забѣленный непременно кипячеными сливками, по мѣстному обычаю, и, улыбаясь все время, щурилъ свои голубые глазки.

— А вотъ у насъ тутъ воровство была, амбарья все вертѣли, амбарьевъ съ 12 провертѣли. Такъ ужъ били ихъ, ужасъ; такъ прямо, какъ вышли изъ волостной со сходу, и они тутъ были, воры, стало-быть, пятеро ихъ, такъ и зачали колотить—бѣды; одного, самого зачинщика,

такъ просто до крови, до полусмерти избили, и по головѣ и по спинѣ; лежить, говорятъ, съ тѣхъ поръ, не подымается, все чахнетъ.

— Кто же билъ?

— Да кто, всѣмъ обществомъ просто били, всѣ били.

— Вѣдь это же нехорошо! Неужели никто не заступился?

— Какое заступленіе! за что же я заступаться буду, когда онъ мнѣ амбарья вертитъ. Съ тѣхъ поръ и шабашъ, ни одной покражи не было.

— И ты билъ ихъ?—спросилъ я.

— Ну, зачѣмъ же! Нѣтъ; я этого не люблю.

— Значить, не всѣ били?

— Нѣтъ—много, много, всѣмъ обществомъ.

— Что же, судить ихъ будутъ?—спросилъ я.

— Какъ же, только нескоро—весной, говорятъ, а куда отсидѣли, дома теперь живутъ.

— И этотъ, избитый, дома? Что же онъ, поправился?

— Да кто жъ его знаетъ; не знаю я, не хочу и говорить.

Видно было, что ни Симону ни кому другому на селѣ не интересно было, живъ или умеръ, здоровъ или все чахнетъ избитый обществомъ воръ.

Послѣ чая оказалось, что Симонъ приготовилъ намъ еще цѣлый ужинъ. Это тоже по обычаю. Сперва чайку, молъ, надо попить—такъ себѣ, побаловаться, а тѣмъ временемъ мы приготовимъ ѣду, и тогда уже только вы начнете ѣсть, какъ слѣдуетъ, когда въ самоварѣ не останется больше воды, на тарелкѣ—баранокъ, а въ желудкѣ—мѣста.

Я очень удивился, когда солдатка, убравъ все со стола, стала снова заставлятъ его разными кушаньями. Дѣлать было нечего, и мы стали ужинать. Симонъ ѣлъ съ нами. Странно было видѣть русскаго мужика, садившагося за столъ не крестясь.

Сперва мы ѣли превкусную похлебку, потомъ студень, потомъ пшеничную кашу. И всему этому оказалось мѣсто въ нашихъ желудкахъ послѣ двухъ сутокъ на холодѣ. Симонъ накормилъ насъ прекрасно, по-богатому, какимъ онъ считался и какимъ былъ на самомъ дѣлѣ рядомъ съ другими.

Было уже поздно, и надо было ложиться спать.

На завтра предстояло много дѣла: найти квартиру, достать списки селъ Патровской волости, ѣхать на хуторъ къ Б., котораго мнѣ нужно было видѣть; вообще предстояло начало всего—самое трудное и страшное. Мы рѣшили лечь спать на полу. Намъ постелили кошмы, дали подушекъ, и мы растянулись. Я съ товарищемъ—рядомъ, головами къ остывшей уже лежанкѣ, или «голанкѣ», какъ называютъ по-мѣстному эти печки. Симонъ—за нами къ уголку; старуха—одна за перегородкой на кровати; солдатка и дѣвки Симоновы—на печкѣ; ребята—подъ лавку, головами около насъ.

Позднѣ вошелъ въ избѣ молодой мужикъ, Симоновъ работникъ. Онъ до этого все время возился со скотиной. Работникъ легъ около ребятъ.

Лампу мы не тушили, а только завернули. Симонъ былъ въ самомъ благодушномъ расположеніи духа. Онъ былъ очень доволенъ, что мы у него, что онъ такъ накормилъ насъ. Онъ лежалъ и болталъ.

— Ну, а хлѣбъ у тебя есть свой?—спросилъ я его.

— Да только что на участкѣ Б. сѣялъ, а то плохо,—отвѣчалъ онъ пѣвучимъ голоскомъ.—Ну, хлѣба-то хоть, я не толкую, хватить, а корму нѣтъ: это покупать, пожалуй, придется, либо крыши раскрывать; ужъ и сейчасъ много травятъ; лошади, главное дѣло, одолѣваютъ. Быкъ никогда того не съѣстъ, что лошадь пожретъ... Да, изъ корму больно плохо нынче... Не знаю, что и дѣлать... Раньше много лучше мы жили. Сравнить даже нельзя...

А сейчас что? И все это чугунок надѣлала, она, невѣрная... Кабы чугунок не было, возили бы мы хлѣбъ по старинѣ, извозничали, и хлѣбъ бы нашъ тутъ былъ бы, не продавали бы, и чугунок въ чужія страны не увезла бы.

— Безъ чугунок вы бы теперь всѣ съ голоду умерли,— замѣтилъ на это И. А.:—она одна васъ и спасаетъ, сейчасъ же хлѣбъ подвозить.

— Она спасаетъ, она и разорила, — продолжалъ Симонъ;—конечно, и земли были раньше лучше, и народу меньше; сейчасъ—ишь сколько расплодилось народу...

Мнѣ страшно хотѣлось спать, и я закрылъ глаза, но только что я сталъ успокаиваться, слушая Симонову болтовню, какъ почувствовалъ, что что-то щекочетъ мнѣ лицо и шею, точно что-то живое бѣгаетъ по мнѣ. Я привсталъ и увидалъ, что весь полъ, весь И. А. и я самъ были покрыты прусаками, стремительно мчавшимися по насъ. Какъ только завернули лампу, они выползли на просторъ.

Долго я не могъ заснуть отъ нихъ, и мы все ворочались съ И. А. съ боку на бокъ.

— Вотъ бѣда-то!—сказалъ наконецъ И. А., искренно огорченный, что не можетъ заснуть.—Экая пропасть ихъ у васъ! Вонъ еще летятъ!

— Чего это?—отозвался Симонъ уже сонливомъ голосомъ.

Симоновы дѣвки и солдатка вдругъ громко фыркнули и покатались такимъ дружнымъ смѣхомъ, что даже старуха за перегородкой замычала что-то и заворочалась.

— А вонъ еще пара летитъ!—шутилъ И. А., приподнимаясь на кошмѣ.—Смотри, смотри, какъ катятъ! Вѣдь это совсѣмъ бѣда!

Солдатка съ дѣвками еще громче покатались. Симонъ тоже заразился ихъ смѣхомъ и сталъ хохотать, трясясь всѣмъ тѣломъ.

— Божьи твари, это ничего,—сказалъ онъ наконецъ.— Чего ихъ бояться. Они не вредятъ.

— А въ уши залѣзутъ,—говорилъ И. А.,—или въ ность да въ ротъ. Нечего сказать—не вредятъ. Фу, пропасть какая, и жирные какіе!

Опять поднялся хохотъ въ избѣ. Смѣхунъ напалъ на всѣхъ, даже на больную старуху, дѣтей и работника. А божьи твари все бѣгали по насъ, и только часа въ два ночи мы заснули.

VI.

Утромъ, когда мы проснулись, оказалось, что, какъ тогда на хуторѣ, громадная толпа голоднаго народа дожидалась меня. Я сейчасъ же одѣлся и вышелъ къ ней, опять прося ее разойтись и не ожидать отъ меня помощи, пока я самъ устрою ее. Теперь ужъ я не испытывалъ такого безпомощнаго чувства передъ множествомъ пришедшаго ко мнѣ народа,—у меня уже было довольно средствъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, помочь бѣднѣйшимъ, и впереди еще ожидались пожертвованія изъ разныхъ источниковъ.

Послѣ чая мы отправились къ Шихабалихъ, вдовѣ недавно умершаго кабатчика, бузулукской мѣщанкѣ, въ избѣ которой, по словамъ Симона, намъ удобнѣе всего можно было устроиться жить. Когда мы втроемъ вышли на улицу, толпа народа, не послушавшаяся меня и не разошедшаяся, двинулась за нами. Изъ всѣхъ избъ смотрѣли на насъ любопытныя лица, пока мы проходили.

Утро было морозное и ясное. На дорогѣ лежалъ снѣгъ чуть ли не по колѣно.

Изба Михайловны Шихабалихи, какъ звали нашу будущую хозяйку, дѣйствительно оказалась уютной на видъ и намъ понравилась. Деревянная, еще новенькая, съ тремя окнами на улицу, съ зелеными ставнями, съ высокимъ

крыльцомъ и тесовой крышей, она выдѣлялась своимъ видомъ среди другихъ построекъ. Михайловна предложила намъ большую половину, съ двумя окнами, сама же хотѣла перейти въ меньшую. Кромѣ того, для нашихъ людей, какъ сказала Михайловна, могъ служить чуланъ и сѣнцы подлѣ нашей горницы. Тамъ же въ сѣняхъ стояла, устьемъ къ намъ, русская печь.

Мы сговорились съ Михайловной, хотя о цѣнѣ и не упомянули—я зналъ, что она попроситъ меньше того, что я ей дамъ,—и въ то же утро рѣшили перейти къ ней жить, попросивъ Симона перевезти сюда отъ него наши вещи. Потомъ я опять вышелъ на улицу. Нѣсколько человѣкъ окружило меня со словами:

— Помогите, Христа ради! Три дня не ѣли. Умираемъ голодною смертию.

Мнѣ пришлось и такимъ пока отказывать. Толпа, стоявшая на улицѣ, еще выросла. Впереди стоялъ староста, съ мѣдною медалью на груди.

— Съ прибытіемъ вашего сіятельства! — началъ онъ, подходя ко мнѣ и снимая шапку.

Голось у него простой, ласковый, лицо добродушное, съ окладистой черной бородой; въ рукѣ онъ держалъ костыль.

— Заждались васъ, вашего сіятельства,—продолжалъ онъ,—бѣдствуетъ народъ рѣзко. Показалась вамъ квартира-то? («показалась» значило «понравилась»). А то тутъ еще хорошій домъ есть.

Я сказалъ старостѣ, что мнѣ другой квартиры ненужно, что я уже сошелся съ хозяйкой, и попросилъ его вести меня къ волостному писарю, у котораго мнѣ нужно было взять списки домохозяевъ. Староста охотно побѣждалъ впереди меня, размахивая своимъ костылемъ. Я пошелъ за нимъ. За нами двинулась и толпа народа. Опять тутъ были мужики и бабы и ребята. А. И. остался дома. Симонъ пошелъ со мной.

— Писарь, должно, въ волости, — сказалъ староста, — туда надо.

— Ну, туда, конечно.

Около зданія волостного правленія тоже стоялъ народъ. Дѣйствительно, все село взбаламутилось, какъ сказалъ Симонъ. Пока я шелъ, опять то и дѣло подбѣгали ко мнѣ люди изъ тѣхъ, вѣроятно, кто былъ поголоднѣе, и просили хлѣба.

— Сюда, сюда, милочекъ! — заговорилъ староста, указывая мнѣ входъ въ волостную. — За мной, милочекъ!

Мы такъ и прозвали старосту «милочкомъ» за его привычку приговаривать на каждомъ шагу это слово.

Я прошелъ сѣни и вошелъ въ волостное правленіе, биткомъ набитое народомъ, на этотъ разъ только мужиками. Увидавъ меня, толпа разступилась, оставляя мнѣ широкій свободный проходъ къ столу. Тамъ подлѣ окна сидѣлъ на стулѣ какой-то скелетообразный, крупный человѣкъ, въ драповомъ пальто и съ болѣзненнымъ желтымъ лицомъ.

— Здравствуйте! — сказалъ я, обращаясь ко всему сходу.

— Здравія желаемъ, ваше сіятельство! — проговорило мнѣ въ отвѣтъ нѣсколько бравыхъ солдатскихъ голосовъ.

Что-то непріятное кольнуло меня при этомъ. И въ ту же минуту вся толпа мужиковъ съ шумомъ опустилась и стала передо мной на колѣни. Я совсѣмъ растерялся. Одинъ я стоялъ, да тотъ худой человѣкъ въ пальто сидѣлъ на стулѣ у стола.

Это былъ волостной писарь, какъ я потомъ узналъ. Мнѣ стало неловко и стыдно, досадно.

— Встаньте ради Бога! — обратился я къ мужикамъ. — Зачѣмъ вы это?

— Благодаримъ, благодаримъ, — громко и внушительно заговорила толпа, — за неоставленіе!

— Встаньте!—уже съ сердцемъ сказалъ я.

Но они все еще не поднимались. Эта минута, что они стояли передо мной на колѣняхъ, показалась мнѣ за цѣлый часъ.

— Ну и я стану, что же будетъ? — сказалъ я, тоже опускаясь на колѣни передъ народомъ.

Тогда они снова зашумѣли и встали на ноги.

Я прошелъ къ столу, познакомился съ волостнымъ писаремъ и сѣлъ около него. Сейчасъ же онъ выложилъ передо мной кучу денежныхъ повѣстокъ отъ жертвовате-

Волостное правленіе с. Патровки.

лей. Потомъ я просилъ его дать мнѣ необходимые списки населенія селъ Патровской волости и, пригласивъ его зайти ко мнѣ вечеромъ со старшиной, старостой и сельскими писарями, я всталъ и пошелъ было къ двери. Но тутъ сходя еще удержалъ меня.

— Ваше сіятельство, ваше сіятельство! — заговорило нѣсколько голосовъ.

— Что? — спросилъ я.

Оказалось, что патровское общество выбрало изъ своей среды двухъ солдатъ-гвардейцевъ, которыхъ желало

отправить въ Петербургъ ходоками, къ кому — оно само еще не знало, — но, одно слово, въ Петербургъ съ прошеніемъ о помощи. Общество даже собрало денегъ на дорогу ходокамъ, хотя и не хватало имъ что-то около 17-ти рублей, которые долженъ былъ доплатить я. Кромѣ того, я долженъ былъ дать адресъ и рекомендательное письмо къ кому-нибудь изъ моихъ петербургскихъ знакомыхъ, который бы, въ свою очередь, содѣйствовалъ ходокамъ проникнуть и передать дальше волостной приговоръ и просьбу. Таковъ былъ планъ, задуманный обществомъ и внушенный имъ, вѣроятно, тѣми же двумя ловкими и умными солдатами, красавцами-гвардейцами, которые теперь на вытяжкѣ стояли передо мной въ толпѣ мужиковъ и всѣмъ видомъ своимъ говорили, что они ребята честные, прямые, сильные, рѣшительные и дойдутъ, куда угодно.

Сначала я отнесся скептически къ выдумкѣ общества, но потомъ, вспомнивъ, что попытка не пытка, я подумалъ, что, можетъ-быть, дѣйствительно было бы не лишнимъ написать письмо къ одному моему товарищу по гимназіи въ Петербургѣ, который, можетъ-быть, сумѣлъ бы какъ-нибудь и съ своей стороны помочь патровскимъ крестьянамъ и провести ихъ къ людямъ, сильнымъ міра сего.

Я стоялъ, соображая, передъ толпой, смотрѣвшей на меня въ ожиданіи.

— Охъ, не похвалить насъ земскій! — вдругъ проговорилъ со вздохомъ староста-милочекъ, косясь на мужиковъ. — Вотъ достанется мнѣ за это на орѣхи.

— За что это? Ишь чего вздумалъ!

— Что жъ, когда наше начальство не слушаетъ насъ, — глухо заговорили въ толпѣ голоса, — не помирать же въ самомъ дѣлѣ?.. Что-жъ земскій? Вонъ всего разъ и былъ за осень... Вамъ, говорить, даютъ... А что даютъ?.. Вы, говорить, жители остались. А какіе мы жители?.. Не похвалить?! Эхъ ты!

— Достанется на орѣхи, — тѣмъ не менѣе еще разъ вздохнулъ простоватый милочекъ.

Я сказалъ сходу, что подумаю о его просьбѣ, и вышелъ изъ волости.

Около нашей избы я засталъ И. А., стоявшаго на улицѣ среди толпы народа. Онъ бесѣдовалъ, разспрашивая, а народъ отвѣчалъ, какъ мнѣ тогда на хуторѣ, въ нѣсколько голосовъ за разъ.

— Ну, что? — спросилъ я И. А., подойдя къ нему: — какъ находите нужду?

— Ужасъ, ужасъ, что такое! — отвѣтилъ онъ мнѣ, очевидно искренно пораженный тѣмъ, что услышалъ. — Ну, куда же сравнить рязанскую нужду со здѣшней! Это прямо голодъ, настоящій, страшный, а тамъ только обыкновенная нужда.

Я сказалъ И. А., что у меня много дѣла и вопросовъ къ Б. и что надо найти лошадей, чтобы ѣхать къ нему на хуторъ.

— Лошадей? — своей веселой и услужливой манерой повторилъ И. А., — сейчасъ раздобудемъ.

И онъ бодро пошелъ куда-то по деревенской улицѣ.

Черезъ полчаса мы уже ѣхали къ Б. на хуторъ на парочкѣ тощихъ почтовыхъ лошадей.

— А пока вы были въ волости, — говорилъ мнѣ И. А. дорогой, — все приходили къ намъ наниматься разные люди. Не нужно ли лакея, или повара, или кучера? Всякій народъ тутъ есть. И все больше солдаты. Конечно, я всѣхъ прогналъ. Я нашелъ кухарку для насъ, и больше никого намъ не нужно. У Михайловны мужикъ-работникъ. Антонъ тоже можетъ кое-что дѣлать для насъ.

Конечно, я вполне согласился со всѣми распоряженіями И. А. и одобрилъ ихъ.

Кстати объ этомъ мужикѣ Антонѣ, о которомъ упомянулъ И. А.

Никогда не забуду моего чувства недоумѣнія передъ нимъ и его необыкновенными рѣчами.

Это былъ мужикъ лѣтъ уже пятидесяти, черный съ просѣдою, небольшой ростомъ, съ маленькими всегда блестѣвшими голубыми глазками и крошечнымъ носомъ. Раньше онъ былъ въ «жителяхъ», имѣлъ пару лошадей, корову. За послѣдніе годы все спустилъ и, наконецъ, нанялся въ работники.

Неурожай послѣдняго лѣта окончательно вышибъ его изъ числа самостоятельныхъ хозяевъ. Антонъ дошелъ до того, что онъ и амбаришка и платье заложилъ, чтобы какъ-нибудь прокормить многочисленную семью. И, несмотря на все это, онъ былъ не только совершенно покоенъ, не только не горевалъ какъ будто, глядя на свое положеніе, но по прежнему шутилъ и улыбался, покуривая свою любимую трубочку.

Намъ, пріѣхавшимъ тогда къ нимъ, голодающимъ, и заранѣе готовымъ сочувствовать ихъ нуждѣ и убиваться вмѣстѣ съ ними передъ ихъ несчастіями, было необыкновенно странно такое отношеніе этихъ Антоновъ къ своей участи. Но они, видно, умнѣе насъ.

— Что жъ, слезами и жалобами не поможешь, — говорилъ Антонъ съ убійственнымъ хладнокровіемъ философа, не выпуская трубки изъ рта. — Скотину распродали, имущество заложили, теперь и сами умирать будемъ, смерти дожидаться. Что подѣлаешь?

Проехавъ снѣжною степью 15 верстъ, мы пріѣхали на хуторъ. Первое, что разсказалъ намъ Б., это—что только что привели къ нему башкира, укравшаго у него же сѣно. Б., конечно, отпустилъ вора, но воръ былъ все-таки обиженъ тѣмъ, что отняли у него сѣно, которое онъ укралъ. Такъ что Б. пришлось отдать ему сѣно.

Я привезъ съ собой волостные списки къ Б. и сталъ провѣрять ихъ съ нимъ вмѣстѣ, отмѣчая бога-

тыхъ крестьянъ въ родѣ Симона, не нуждавшихся въ помощи

Б. хорошо зналъ мѣстный народъ, былъ человекъ ему сочувствовавшій и непристрастный, поэтому онъ лучше другихъ могъ указать степень нужды чуть ли не каждой семьи. Но я не ограничился одними его разъясненіями. Вечеромъ этого же дня я еще провѣрилъ списки съ моими гостями,—писаремъ, старшиной и старостой. Около двадцати или тридцати именъ, не больше, было зачеркнуто нами въ числѣ 450 домохозяевъ села Патровки, какъ не нуждавшихся въ помощи; остальные же всѣ нуждались, по общему голосу. Въ спискахъ было обозначено число скотины въ каждомъ дворѣ, число ѣдоковъ, число наличнаго хлѣба, размѣръ земской ссуды. Все это приходилось взвѣшивать и принимать во вниманіе. Такъ называемые богатые дворы при этомъ очень жаловались на то, что имъ было отказано въ ссудѣ и что поэтому имъ приходится распродавать скотину и разоряться. Я вполне раздѣлялъ это чувство обиды съ ними и думаю, что отказъ имъ въ ссудѣ былъ большою ошибкой земства въ тотъ годъ, повлекшей за собой лишнее уничтоженіе скота въ губерніи.

Поэтому, въ концѣ дѣятельности, когда время подходило къ веснѣ и средства у насъ все прибавлялись, мы не боялись пускать въ столовые членовъ и такъ называемыхъ достаточныхъ семействъ, зная, что если человекъ вонъ изъ дома, то въ домѣ больше остается и этотъ излишекъ идетъ на кормъ какой-нибудь несчастной коровѣ или лошади.

Вернувшись отъ Б., какъ я уже сказалъ, я долго занимался съ волостнымъ начальствомъ и только поздно вечеромъ отпустилъ его.

Бѣдный волостной писарь оказался чахоточнымъ въ послѣдней степени, жалкимъ человекомъ, одной изъ

тѣхъ многихъ жертвъ нашей средней интеллигенціи, попавшихъ въ глухую деревню, къ народу не приставшихъ и отъ прежнихъ условій отставшихъ, одинокихъ и несчастныхъ: Писарь не вѣрилъ въ опасность своей болѣзни и, когда спрашивали его о ней, онъ отвѣчалъ равнодушно, что ему лучше, или что онъ совсѣмъ здоровъ.

Наконецъ, мы остались съ И. А. одни послѣ цѣлаго дня, полного движенія и новыхъ впечатлѣній. На столѣ у насъ лежала куча бумагъ. Тутъ были и списки нашей волюсти, и прошенія о помощи изъ другихъ селъ, успѣвшихъ узнать о насъ, и прошенія отъ разныхъ отдѣльныхъ лицъ.

— Какъ же мы будемъ помогать? — спросилъ я у И. А. — Что лучше: столовые или простая раздача муки? Вѣдь если открывать столовые на всю эту громаду народа, нужно чуть ли не всѣ избы обратить въ столовые.

Мы долго бесѣдовали объ этомъ вопросѣ и въ концѣ концовъ такъ и не пришли къ опредѣленному отвѣту на него. Мы рѣшили пока начать и то и другое: отзывать на нужду такъ, какъ она этого будетъ требовать, и ждать, чтобы самое дѣло указало намъ наилучшіе формы и пути.

Прежде всего нужно было устроить нѣсколько пекаренъ въ селахъ, чтобы можно было продавать изъ нихъ дешевый хлѣбъ; нужно было сосредоточить въ этихъ пекарняхъ побольше силъ, чтобы отсюда хлѣбъ могъ также итти въ столовые и чтобы этимъ облегчилось дѣло послѣднихъ, такъ какъ никакая хозяйка не могла управиться съ печеніемъ хлѣбовъ на 60—70 человѣкъ, да еще съ варкой горячаго; нужно было раздать, когда получится первый хлѣбъ изъ Самары, хоть по десяти фунтовъ бѣднѣйшимъ жителямъ волости, потому что земскій хлѣбъ они давно доѣли и побирались, а до слѣдующаго «комитета», какъ они называли эту земскую ссуду, оставалось еще цѣлыхъ двѣ недѣли.

Вотъ главное, что предстояло намъ на первое время. Кромѣ того, надо было подписать сейчасъ же нѣсколько сотъ повѣстокъ и отправить ихъ завтра въ Бузулукъ.

Въ тотъ же вечеръ я написалъ письмо въ Петербургъ къ бывшему моему товарищу Ш., додалъ 20 рублей ходокамъ на дорогу, и на другой же день они оставили Патровку.

Ихъ поѣздка удалась.

Нашлись добрые, отзывчивые люди въ Петербургѣ,

Наша главная квартира въ с. Патровкѣ.

которые выслушали ихъ съ сочувствіемъ и потомъ хорошо помогли.

Проѣздивъ дней десять, ходоки, очень довольные, вернулись въ Патровку со множествомъ интересныхъ для меня рассказовъ.

Когда въ тотъ вечеръ я легъ спать на новой квартирѣ, оказалось, что изба Михайловны, съ виду уютная, была на дѣлѣ далеко не такой; съ полу и изъ стѣнъ такъ дуло, что я, напрасно стараясь закутаться одѣяломъ, взялъ

наконецъ мой тулупъ и, завернувшись въ него, легъ. Къ тому же пахло кизячнымъ угаромъ отъ печки, а вмѣсто прусаковъ оказались клопы, которые хотя тоже были божьими тварями, но были еще непріятнѣе первыхъ.

VII.

На слѣдующее утро первое, чѣмъ мы занялись, было пріисканіе подходящей избы для нашей пекарни. Такая изба нашлась тотчасъ же. Это была пустая бревенчатая съ забитыми окнами хата крестьянина, не жившаго дома и ушедшаго куда-то, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, искать счастья. Его братъ, оставшійся хозяиномъ въ Патровкѣ и жившій рядомъ въ жалкой мазанкѣ, охотно сдалъ намъ большую избу подъ пекарню, конечно, за самую ничтожную цѣну. Эта изба была длинная, въ четыре или даже пять оконъ на улицу, сѣнями, чуланомъ и маленькимъ дворомъ. Но бѣда была въ томъ, что печка въ ней давно развалилась и приходилось класть новую. Впрочемъ, для пекарни это было во всякомъ случаѣ необходимо.

Пекарню мы предполагали открыть возможно большую, такъ что и печь надо было класть громадную. Сейчасъ же явились къ намъ печники, мѣстные молодые крестьяне — опять солдаты, предлагая свои услуги. Чего было лучше! Помню одного маленькаго коренастаго солдата, потомъ главнаго завѣдывавшаго пекарней и главнаго пекаря. Кажется, звали его Федоромъ. Это былъ уже женатый мужикъ лѣтъ 35, съ окладистой русой бородой, умными, сѣрыми глазами и съ солдатскими манерами и выправкой. Онъ тоже сильно бѣдствовалъ, какъ и всѣ въ селѣ, и съ необыкновенной охотой, готовностью и энергіей взялся за предложенную ему работу. Онъ сейчасъ же все понялъ, сообразилъ, какую надо печь класть, откуда взять мате-

ріала, чего это будетъ стоить, сколько печка будетъ выпекать хлѣба въ сутки, гдѣ этотъ хлѣбъ будетъ стѣтъ, гдѣ его будемъ вѣшать, гдѣ и какъ мѣсить и т. д. Съ двумя-тремя товарищами у него закипѣла работа. Дня черезъ четыре все было уже готово, и пекарня пошла въ ходъ. Я не могъ налюбоваться и нарадоваться на Ѳедора и его товарищей. Бывало придешь въ пекарню, войдешъ въ сѣни—вездѣ, на потолкахъ и въ углу, навалены кучи свѣжеиспеченныхъ хлѣбовъ. Идешъ дальше. Въ первой половинѣ избы стоитъ громадноє корыто, въ которомъ двое или трое молодцовъ своими сильными, засученными до плечъ мускулистыми руками, на которыхъ жилы напруглись, мѣсятъ тѣсто. Рубахи и лица ихъ бѣлыя отъ муки, выраженія оживленныя, бодрья. Въ воздухѣ такъ вкусно пахнетъ ржаной мукой и кислотоватымъ запахомъ ржаной закваски. Ѳедоръ тамъ, у устья печи, ворочаетъ лопатой. Отломишь краюшку свѣжаго хлѣба и начнешъ ѣсть. Нынче еще больше выпекли пекаря, такъ что на десять столовыхъ будетъ хватать. Работали иногда и по ночамъ.

Часто, когда я входилъ, или выходилъ изъ пекарни, голодные нищіе - побирушки окружали меня, прося хлѣба. Первые дни мы подавали имъ отсюда, но потомъ перестали, потому что толпа народа ежедневно стала собираться здѣсь, ожидая подачки.

Я сказалъ, что не могъ нарадоваться на нашу пекарню, не могъ налюбоваться ея работниками, которые всѣ до одного человѣка были солдаты.

Скажу здѣсь кстати, что солдаты вообще были одними изъ лучшихъ нашихъ помощниковъ, самыми честными, надежными и ловкими исполнителями, за все время пребыванія на голодѣ. Солдатами были наши пекаря, солдатами же были потомъ многіе, завѣдывавшіе столовыми; сельскіе писаря, фельдшеры, всѣ лучшіе люди въ дерев-

нѣ — изъ солдатъ. Конечно, есть и исключенія изъ этого правила, но правило остается все же правиломъ. Не да-ромъ въ карточной игрѣ въ короли «солдатъ» стоитъ выше «мужика». Я видѣлъ и испыталъ это на дѣлѣ. Съ солдатомъ можно дѣло имѣть, можно ему объяснить, по-ручить ему что-нибудь, спросить съ него. Съ мужиками другое дѣло. Мужика спросишь бывало:

— Эй, милый человѣкъ, скажи пожалуйста, это куда дорога ведетъ?

Не разъ мнѣ случалось на это получать такой отвѣтъ. Мужикъ остановится, посмотритъ на васъ какъ на какое-нибудь чудище съ другого свѣта, сдвинетъ шапку на ухо, запуститъ подъ нее пальцы и протянетъ бессмысленно, но внушительно:

— О... о... о...

И пойдетъ дальше, точно онъ дѣло сдѣлалъ и отвѣтилъ вамъ на вашъ вопросъ въ лучшемъ видѣ.

Отъ солдата вы уже навѣрное никогда не получите такого отвѣта.

Солдатъ же, гвардейцевъ, отравило, какъ уже сказано, патровское общество ходоками въ Петербургъ, и, конечно, только благодаря ихъ развитости и извѣстнаго рода умѣнію держать себя, говорить, вообще умѣнію жить, какъ говорятъ французы, они добились толку. Тамъ выслушали и поняли ихъ.

Говорятъ, что солдатъ — это порченый мужикъ; да, конечно, но все-таки этотъ порченый мужикъ въ деревнѣ считается и стоитъ выше своего не порченного сосѣда.

Наладивъ работы въ пекарнѣ, мы вышли съ И. А. по селу знакомиться, съ внѣшней стороны, съ положеніемъ народа.

Вездѣ было то же самое. Хлѣбъ комитетскій доѣли, своего нѣтъ, скотину распродали, завтра поведутъ продавать послѣднюю. Ъли хлѣбъ да воду въ большинствѣ до-

мовъ, во многихъ избахъ лежали уже тифозные больные, хотя тогда еще не въ сильной степени. Соломенные крыши, гдѣ были такія, почти всѣ были уже стравлены скотиной. Во многихъ домахъ хлѣбъ былъ съ примѣсами, больше изъ лебеды, а въ иныхъ мазанкахъ—и изъ глины. Хлѣбъ этотъ, когда его ѣли, хрустѣлъ во рту, точно вы жевали сахаръ.

Теперь все время за нами по селу, куда бы ни шли, шла и толпа народа.

Наша изба постоянно, съ утра до вечера, была окружена голодающими, и такъ продолжалось всю зиму до самаго отъѣзда.

Признаюсь, это осадное положеніе наше не всегда было легко переносить.

Нужно было прежде всего привыкнуть къ нему, выучиться забывать, что тамъ тебя дожидаются, тогда только можно было спокойно выпить чашку чаю. Но трудно привыкнуть къ этому, особенно въ первое время и свѣжему человѣку, особенно, когда знаешь, зачѣмъ дожидаются тебя всѣ эти просители.

Въ началѣ нашего пребыванія на голодѣ чувство полного безсилія, чувство физической невозможности намъ однимъ помочь морю голодавшего кругомъ народа не разъ овладѣвало нами. Это претяжелое чувство. Къ счастью, съ первыхъ же дней нашей дѣятельности мы нашли себѣ облегченіе отъ него. Оно состояло въ сознаніи необходимости вѣрить людямъ, довѣрять тѣмъ, которые бы могли помогать народу вмѣстѣ съ нами. И особенно усиливалось это сознаніе, когда почему-либо являлось недовѣріе къ людямъ, когда, прежде чѣмъ начать помощь, хотѣлось самому хорошенько разузнать получше нужду. Тогда чувство безсилія, о которомъ я сказалъ, доходило до крайней степени: «ну, когда же и какъ я могу провѣрить одинъ всѣхъ этихъ просившихъ и нуждавшихся?»

Поэтому, съ первыхъ же дней нашей дѣятельности на голодѣ мы взяли за непремѣнное правило довѣрять людямъ, вѣрить и тѣмъ, кто просилъ, а главное, если такіе—солдатъ ли, староста, писарь и т. д.—желали и могли помогать вмѣстѣ съ нами народу, надо было принимать ихъ помощь сейчасъ же, съ благодарностью и съ полнымъ довѣріемъ. Если священникъ просилъ хлѣба для своего прихода, надо было послать ему хлѣбъ и вѣрить, что онъ наилучшимъ образомъ его распредѣлитъ, откроетъ столовые именно на тѣхъ, на кого надо.

Довѣріе къ людямъ было главнымъ залогомъ успѣха нашего дѣла въ тотъ годъ. Только благодаря этому довѣрію, мы могли расширить помощь голодавшему народу на широкій районъ.

Обойдя село, мы вернулись съ И. А. домой и застали у насъ Б., пріѣхавшаго съ своего хутора.

У Б. была своя изба въ Патровкѣ, и онъ предложилъ намъ перейти въ нее, какъ въ болѣе просторную и удобную. Эта изба, бывшая раньше подъ кабакомъ, стояла теперь пустой и на болѣе открытомъ и бойкомъ мѣстѣ, чѣмъ наша; она могла быть вся въ нашемъ распоряженіи; въ ней, по всѣмъ вѣроятіямъ, не было клоповъ, и потому, поблагодаривъ Б., мы приняли его предложеніе съ радостью. На другой же день мы перешли на новую квартиру.

Но потомъ я не разъ жалѣлъ, что оставилъ избу Михайловны. Все-таки у нея было теплѣе, чѣмъ въ нашемъ новомъ помѣщеніи, и особенно въ чуланѣ, гдѣ мы, по глупости нашей, спали. Однако мы оставались въ избѣ Б. до конца и уже никуда не переѣзжали изъ нея.

Только на третьи сутки къ вечеру послѣ своего отъѣзда вернулся почтарь изъ Бузулука, привезя съ собой кучу денежныхъ пакетовъ на мое имя.

Въ жизни моей я еще не получалъ никогда такого множества писемъ за разъ.

До поздней ночи сидѣли мы съ И. А., распечатывая конверты и считая деньги.

Были интересныя, трогательныя письма отъ жертвователей — они всѣ хранятся у меня до сихъ поръ, — были письма, смутившія меня.

Напримѣръ, одна дама просила отдать посылаемые ею 20 рублей женщинѣ такихъ-то лѣтъ, беременной первымъ ребенкомъ. Ну, гдѣ мнѣ было искать по селу такой бабы?

Были письма слишкомъ длинныя, съ длиннѣйшими разсужденіями о томъ, какъ страдаетъ бѣдный народъ, а мы веселимся, которыя тоже было довольно тяжело читать до конца, особенно когда предстояло завтра и всю зиму возиться съ этимъ страдающимъ народомъ. Были люди, просившіе о «немедленномъ увѣдомленіи» ихъ въ полученіи денегъ, что также было нелегко. Впрочемъ, большинство писемъ было кратко и многія трогательны, какъ уже сказано, особенно письма бѣдныхъ людей, всегда болѣе добрыхъ и чуткихъ, чѣмъ богатые. Были пожертвованія отъ крестьянъ, фабричныхъ и ремесленниковъ.

Часть полученныхъ денегъ мы тогда же отправили въ Самару въ уплату за хлѣбъ, часть оставили въ Патровкѣ на расходы, платя изъ нихъ возчикамъ, подвозившимъ хлѣбъ со станціи, за помоль ржи, за топливо въ столовая, за пшено, капусту и другой приварокъ, который находили на мѣстѣ, т.-е. въ окрестныхъ селахъ.

VIII.

Прошло дней десять, и за это время мы уже до конца успѣли познакомиться съ мѣстной нуждой и могли теперь составить себѣ болѣе вѣрное понятіе о томъ, какъ удобнѣе и лучше помогать народу.

Прежде всего, получивъ первую партію хлѣба, при-

шло раздавать его самымъ нуждающимся зерномъ и мукой, по 10—15 фунтовъ на ѣдока. Но такими нуждающимися оказалось громадное большинство крестьянъ, исключая все тѣхъ же, давно всѣмъ извѣстныхъ и отмѣченныхъ нами сначала 20—30 домовъ такъ называемыхъ богачей. Это было сдѣлано нами, когда столовые еще были не открыты и когда народъ кругомъ насъ страшно бѣдствовалъ безъ всякой помощи, дотягивая время до слѣдующей земской выдачи. Потомъ, особенно въ ближнихъ селахъ, намъ уже не пришлось прибѣгать къ этой формѣ помощи, потому что здѣсь было открыто нами всего больше столовыхъ, которыя вмѣстѣ съ земской ссудой составляли если не достаточную, то все же крупную поддержку. Въ другихъ же селахъ, болѣе отдаленныхъ, не разъ приходилось за голодный годъ прибѣгать къ выдачѣ, зерномъ и мукой, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда нужда была запущена, когда некому было довѣрить дѣло столовыхъ и когда не хватало у насъ самихъ средствъ на приварокъ и топливо.

Столовые, какъ онѣ ни хороши, все-таки гораздо дороже простой выдачи хлѣбомъ, рожью или мукою. Особенно же дорого онѣ обходились въ Самарской губерніи, благодаря главнымъ образомъ топливу. Топлива въ селѣ было мало и продавали его по довольно высокой цѣнѣ.

Вотъ короткая табличка того, что стоили намъ столовые сравнительно съ выдачей въ нашей Патровской волости. Изъ 6.000 ея населенія нужно было пустить въ столовые около 1.500, чтобы мало-мальски обезпечить волость. Если считать въ каждой столовой по 40 человѣкъ, то всѣхъ столовыхъ нужно было около 40. Онѣ стоили по 84 рубля каждая въ мѣсяцъ, слѣдовательно, всѣ $40 \times 84 = 3.360$ рублей. Если же выдавать по 10 фунтовъ хлѣба на ѣдока, даже всѣмъ 6.000 крестьянъ, это стоило бы только 1.500 рублей, считая хлѣбъ по рублю за пудъ, какъ онъ въ среднемъ намъ и обходился.

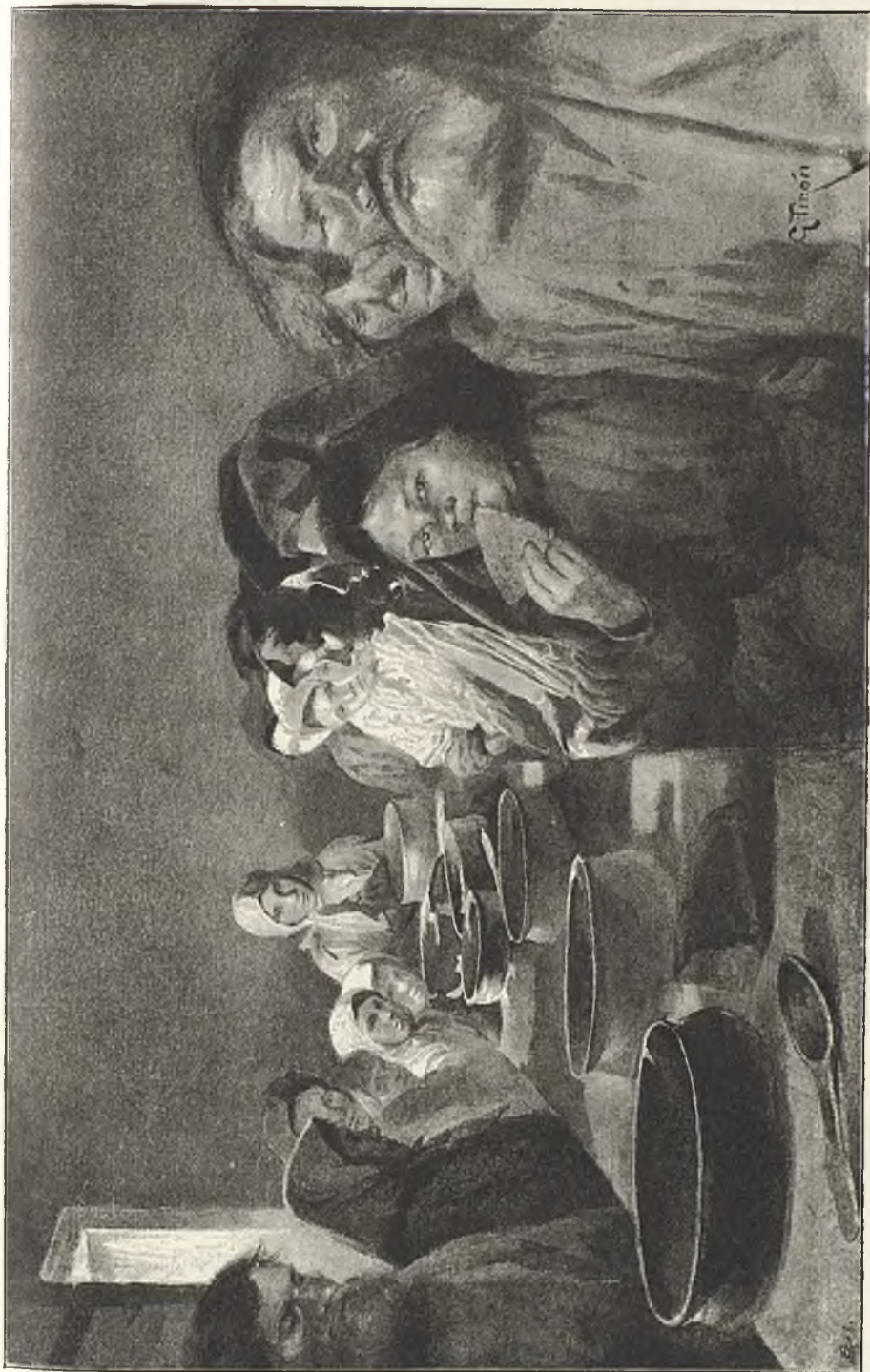
Эти соображенія не разъ наводили насъ на мысль, за время нашей дѣятельности, что не лучше ли было бы тратить деньги прямо на хлѣбъ и раздавать его, чѣмъ на указанные выше лишніе расходы въ столовыхъ. Но послѣдующій опытъ все-таки убѣдилъ насъ въ противномъ.

211 Столовые, кромѣ того, что онѣ прямо достигаютъ цѣли того, кто поѣхалъ кормить голодныхъ, т.-е. насыщать ихъ здоровой пищей, имѣютъ еще громадное общественное и психологическое значеніе, которое особенно дорого.

Во-первыхъ, нуждающіеся люди видятъ въ нихъ искреннее попеченіе о себѣ добрыхъ людей, стоящее настоящаго вниманія и труда, и это ободряетъ и поддерживаетъ ихъ духъ; во-вторыхъ, въ столовыя богачи и сытые не пойдутъ, тогда какъ зерна или муки всякій приметъ, даже и не нуждающійся, и, въ-третьихъ, столовыя собираютъ голодный народъ вмѣстѣ, служатъ мѣстомъ его общенія, чѣмъ вносятъ собой въ тяжелые года бѣдствія элементъ оживленія и утѣшенія въ народную жизнь и среду.

Поэтому столовыя, хотя и въ два слишкомъ раза дороже стояція, чѣмъ простая выдача, всегда останутся лучшей формой помощи голодающимъ, пока они у насъ не переведутся. Я былъ противъ нихъ сначала, но потомъ, наученный опытомъ, увидалъ ихъ дѣйствительную пользу и значеніе, и теперь стою за нихъ. Возраженіе, которое дѣлаютъ противъ нихъ и которое я дѣлалъ, что въ нихъ кормятъ людей дѣсыта, тогда какъ рядомъ въ селахъ или сосѣднихъ уѣздахъ есть нечего людямъ, несправедливо. Коли кормить, такъ ужъ кормить дѣсыта, такъ чтобы спасти и отъ болѣзней, отъ цынги и отъ тифа, а не понемножку и не недѣсыта, только потому, что есть на свѣтѣ еще худшіе голодные.

Тогда можно дойти и до раздачи по фунту или зерну хлѣба на брата, что уже будетъ нелѣпо.

Въ столовой.

Проживя, какъ сказано, въ Патровкѣ дней десять, мы уже начали помощь. Роздали хлѣбъ, открыли пекарню, откуда продавали теперь дешевый хлѣбъ, а покупали его у насъ бойко; открыли первыя столовыя.

Сначала мы рассчитывали пускать ровно по сорока человѣкъ въ каждую, но потомъ вышло иначе, и въ каждой набиралось по разному числу людей: въ одной сорокъ, въ другой 50, въ третьей 60 и такъ до 80-ти. Для варева были нарочно устроены печурки съ большими котлами, которые вмазывались въ нихъ сверху. Иначе варить горячую пищу въ чугунахъ было бы слишкомъ хлопотно хозяйкамъ и хозяинамъ, потому что въ нашихъ столовыхъ тѣ и другіе занимались ими. Мужики почти всѣ были дома, работъ и дѣла у нихъ никакихъ не было, и потому они охотно брали на себя роль «завѣдущихъ». Такихъ «завѣдущихъ» у насъ къ концу зимы набрались сотни.

Въ столовыя шли всѣ, и все новые и новые голодные просились въ нихъ. Мы пускали по мѣрѣ открыванія ихъ.

— Три дня не ѣли, ребятенки кричатъ, умираемъ голодною смертію, запишите ради Христа нашихъ,—съ утра до вечера продолжали раздаваться вокругъ насъ просьбы. И приходилось только поспѣвать за ними.

— «Три дня не ѣли? Возможно ли это, правда ли это, или только слова?»

Я не разъ спрашивалъ себя это и, признаться, не вѣрилъ, чтобы людямъ приходилось дѣйствительно такъ плохо, что они ничего не ѣли по три дня. Но очень скоро я повѣрилъ и въ это; увидѣлъ, что даже такое положеніе было возможно въ тотъ годъ.

Я вошелъ разъ, не помню уже зачѣмъ, въ одну избу; мужика не было дома. Дома была только баба, сидѣвшая одна на печкѣ, окруженная кучей бѣлоголовыхъ ребятъ. Я разговорился съ ней.

— А лошади есть?—спросилъ я ее между прочимъ.

— Одна осталась,—отвѣчала баба,—только хазяинъ на ней по сбору уѣхалъ.

И баба улыбнулась мнѣ, Богъ знаетъ почему.

— Ну, а хлѣбъ есть дома?

— Вонъ краюшка осталась,—отвѣтила баба, указывая на кусокъ хлѣба на полкѣ, — сама третій день нынче не ѣмъ, ребятенкамъ приберегаю. Хозяинъ, ужъ не знаю, куда и заѣхалъ. Буранъ на дворѣ. Вотъ мы на печкѣ съ ними и сидимъ, дожидаемся.

И баба опять мнѣ улыбнулась и ласково положила обѣ руки на головки своихъ ребятъ. Лицо ея было широкое, сильное, красивое, зубы бѣлые, какъ снѣгъ, и глаза свѣтились. И я понялъ, что она не лгала мнѣ. Въ этомъ я былъ увѣренъ. Она дѣйствительно третій день не ѣла, эта мать, спасая отъ голода своихъ дѣтей. Хлѣба осталась краюшка, мужа дома нѣтъ, продать нечего, итти за помощью некуда, да и какъ ей отойти отъ ребятъ? Что же оставалось ей, какъ не терпѣніе, какъ не лишеніе себя послѣдняго куска?

И теперь у меня бѣгаютъ мурашки по тѣлу при воспоминаніи объ этой бабѣ. И я повѣрилъ тогда и увидѣлъ самъ, какъ люди не ѣдятъ по три дня, да еще при этомъ улыбаются свѣтлой, почти счастливой улыбкой.

Вотъ гдѣ надо искать героевъ, сильныхъ, мужественныхъ людей, особенно женщинъ, съ волей и характеромъ. Только подойдите къ народу, взгляните въ него внимательно—и вы насмотритесь тамъ на нихъ вдоволь. Въ каждой деревушкѣ живутъ они, никѣмъ незамѣченные и непонятые. Падая, отчаиваясь, мучаясь, заброшенные, забытые нами, вынося все то, что только можетъ вынести человѣкъ, они живутъ и борются и умираютъ, наконецъ, завѣщая сыновьямъ своимъ ту же борьбу и то же горе.

Чѣмъ больше открывали мы столовыхъ, тѣмъ все-таки слабѣе становился голодный вопль вокругъ насъ. Во вся-

комъ случаѣ тѣмъ меньше просили о хлѣбѣ наши патровскіе, и вмѣсто нихъ ходоки или «маломочные» изъ другихъ сосѣднихъ селъ и деревень стали осаждать насъ. Вездѣ былъ такой же голодъ. Надо было, по мѣрѣ силъ и средствъ, откликаться всюду.

— Вашего сіятельства, вашего сіятельства, — цѣлый день раздавались у меня въ ушахъ два надоѣвшихъ, доводившихъ меня иногда до отчаянія, слова, сказанныя то робкимъ, то умоляющимъ голосомъ.

— Вашего сіятельства, не дай умереть голодною смертію!

И мы все принимали прошенія, приговоры, списки, но часто съ безнадежнымъ чувствомъ безсилія всѣмъ помочь.

И вотъ незамѣтно подошелъ день Рождества Христова. Какъ мы его провели тогда? Какъ провелъ его голодный народъ?

По деревенскимъ улицамъ ходили нищіе, чуть ли не цѣлыми толпами. Въ этотъ день никто уже имъ не отказывалъ, каждый пускалъ къ себѣ Христа славить и подавалъ кусокъ побольше противъ кусочка обыкновеннаго дня.

И въ нашу избу цѣлый день входили побирушки съ сумками за спинами и славили Христа короткой пѣснью-молитвой. Въ числѣ ихъ приходилъ и Андрюшка, мальчикъ лѣтъ десяти, уже прежде къ намъ не разъ прибѣгавшій за милостыней. Необыкновенный это былъ мальчишка, съ глазами голубыми и свѣтлыми какъ небо, съ тоненькимъ бойкимъ голоскомъ, наивный, шустрый, смысленный. Онъ всегда радовалъ меня своимъ приходомъ. Одѣтъ онъ былъ плохо, въ сѣренькую худую поддевку и съ материнскимъ платкомъ на головѣ поверхъ шапочки и въ лапоточкахъ.

Въ первый разъ онъ вошелъ къ намъ скромный и жалкій, сталъ у двери и протянулъ:

— Подайте Христа ради бѣдному.

Потомъ въ слѣдующіе раза онъ сталъ посмѣлѣе.

— Дайте хлѣбца, — говоритъ онъ попросту: — дома ѣсть нечего. Доѣли весь.

И мы ему давали, конечно.

У Андрюшки былъ отецъ, здоровенный мужичина, спавшій на печкѣ всю голодную зиму и заявившій, что онъ никуда съ печки не тронется потому, что все равно работы нѣтъ, а его Андрюшка да еще комитетъ гораздо лучше и вѣрнѣе прокормятъ его, чѣмъ онъ самъ. И Андрюшкинъ отецъ выдержалъ характеръ и пролежалъ такъ до весны. Я изъ любопытства разъ зашелъ къ нему и увидалъ только то, что зналъ раньше. Зато мать Андрюшкина показалась мнѣ рядомъ съ своимъ здоровеннымъ хозяиномъ жалкимъ, болѣзненнымъ существомъ, насилу боровшимся съ трудною жизнью. Кромѣ Андрюшки, у нея было еще человѣкъ пять дѣтей малъ мала меньше. Андрюшка былъ старшимъ.

— Эка, хорошо какъ у тебя, — говорилъ онъ мнѣ, когда совсѣмъ осмѣлѣлъ съ нами, и мы пускали его въ нашу избу, какъ завсегдатая, — грамотки по стѣнамъ, столикъ стоитъ, шкапикъ (грамотки были — безчисленные бумаги, прошенія, повѣстки, карты и т. д., которыя для удобства мы развѣшивали по стѣнамъ). Вотъ у насъ нѣтъ ничего.

— А милостыни ты много собираешь? — спрашивали мы его.

— Будетъ съ насъ, — отвѣчалъ онъ скороговоркой, — сыты всѣ: и отецъ, и мать, и ребята. Слава Богу, не оставляютъ добрые люди.

— Какъ же ты милостыню просишь? — спрашивалъ Андрюшку И. А.

— Какъ? — и Андрюшка начиналъ лукаво улыбаться.

— Приду въ избу, стану, — продолжалъ онъ, — да и скажу: подайте ради Христа хлѣбца кусочекъ голодному человѣку.

Эту фразу онъ протягивалъ жалобнымъ голосомъ.

— А если не подадутъ, — добавлялъ онъ, — скажутъ: Богъ подастъ, — я обернусь къ нимъ, да и скажу повеселѣе: ну, дайте хоть кусочекъ съ ноготочекъ! Засмѣются и подадутъ!

— Ну, а мать, отецъ здоровы? — продолжалъ спрашивать его И. А.

— Мать нездорова, все кровью харкаетъ, — отвѣчалъ онъ наивно.

— А отчего ты въ школу не ходишь учиться? — спросилъ я его какъ-то.

Онъ посмотрѣлъ на меня недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Вишь, подбираюсь, — наконецъ отвѣтилъ онъ почти сердито, хмурия свой лобикъ.

Андрюшка еще любилъ рассказывать о томъ, кто умеръ и сколько столовъ было на поминкахъ умершаго. Въ тотъ годъ покойники многихъ нищихъ прокормили. Помретъ кто, сейчасъ пироги, т. е. хлѣбы пекутъ и народъ кормятъ.

— Вчера семь столовъ было на поминкахъ, — рассказывалъ намъ Андрюшка со вкусомъ, — лапшу варили. Лапша длинная разварилась, такъ съ ложки и висить. Я былъ. А Марина пришла, сѣла за столъ, весь ротъ съ голодухи полный напихала, было удушилась лапшой этой.

Вечеромъ въ день Рождества ко мнѣ явился мужикъ изъ сосѣдняго Николаевского уѣзда и бросился мнѣ въ ноги, какъ только вошелъ. Это всегда неприятно, но часто эти кидающіеся въ ноги оказываются самыми бѣдными и жалкими людьми. Такое же впечатлѣніе произвелъ на меня и этотъ мужикъ. Я повелъ его въ общественный амбаръ, гдѣ у насъ былъ сложенъ хлѣбъ, чтобы дать ему пудъ муки.

Когда онъ получилъ муку, онъ опять упалъ передо мной на колѣни и проговорилъ:

— Не оставитъ тебя Господь, что жалѣешь насъ, грѣш-
ныхъ. Не оставитъ тебя Христосъ.

И онъ съ минутой не поднимался, глядя черезъ меня
куда-то въ пространство.

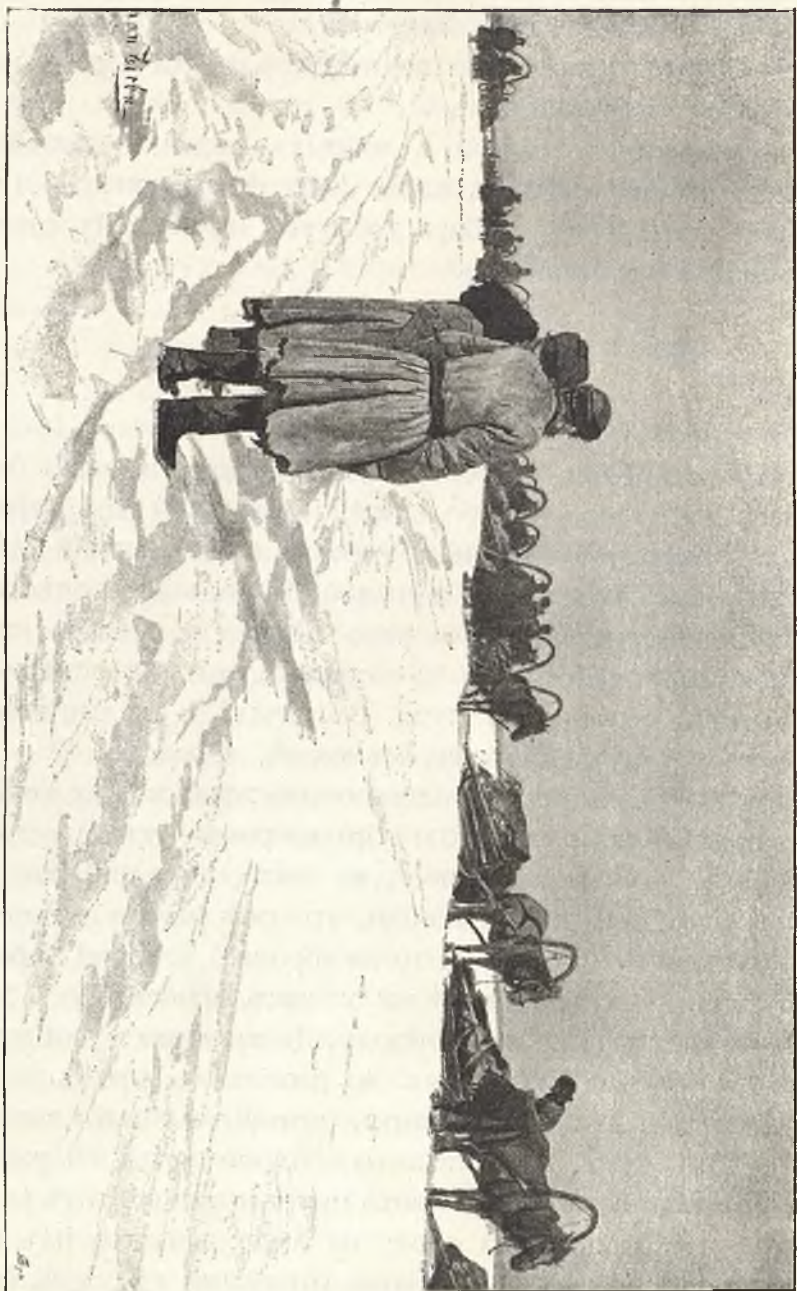
— Не меня благодари, а добрыхъ людей, — сказалъ я
мужику обычную фразу, когда меня благодарили, и я по-
спѣшно пошелъ изъ амбара, тронутый искреннимъ тономъ
мужицкой благодарности.

IX.

На третій или четвертый день Рождества надо было
послать на станцію за большою, присланной мнѣ партіей
хлѣба. Помню, что, по нашему расчету, на прибывшій хлѣбъ
нужно было около 120 лошадей. И вотъ мы повѣстили
по всей волости, чтобы на утро выѣзжало, сколько набе-
рется возчиковъ, обѣщая за подводы, если не ошибаюсь,
по восьми копеекъ съ пуда. Въ началѣ и срединѣ зимы
платили эту цѣну, потомъ, къ веснѣ, дороже.

Возчиковъ набралось только около девяноста человѣкъ.
Они проѣздили на станцію и обратно ровно пятеро сутокъ.
Нѣсколько лошадей на полпути пало, большинство же
остальныхъ было до того худо, что онѣ насилу везли по
15—20 пудовъ на сани по тогда хорошей, гладкой дорогѣ.

Теперь съ каждой недѣлей у насъ прибавлялось хлѣ-
ба, который присылали отовсюду. Десятка два мужицкихъ
амбаровъ были заняты имъ до потолковъ, кромѣ двухъ
общественныхъ. Всѣ мельницы, которыхъ было десятка
полтора въ селѣ, были заняты помоломъ нашей ржи и
ячменя. Мельникамъ тоже плохо приходилось въ тотъ годъ.
Работы не было, корма скоту не было, многихъ ихъ вы-
ключали изъ земскихъ списковъ, отказывая въ ссудѣ, такъ
что они бѣдствовали не меньше другихъ и разорялись.

Обозъ съ богатейшими хвощами.

Помоль нашего хлѣба служилъ имъ небольшимъ подспорьемъ. Мы платили имъ по копейкѣ съ пуда.

Разъ въ сильный вѣтеръ и снѣгъ пошелъ я на одну изъ дальнихъ мельницъ. Какъ все послѣднее время, она была окружена подводами и мужиками.

Громадныя крылья скрипѣли и шибко вертѣлись. Два мельника, отецъ и сынъ, оба бѣлые, вспыленные мукой, вышли ко мнѣ навстрѣчу изъ-подъ мельничнаго навѣса.

— Кончаемъ,—громко сказалъ старикъ-мельникъ, указывая на пустыя мужицкія сани. — На завтра будетъ еще или нѣтъ? Вѣтеръ хорошій. Сыроватъ маненько хлѣбъ те, намедни лучше присылали. Мнѣ къ вамъ можно притти вечеромъ по дѣльцу?

— Приходи, приходи,—отвѣтилъ я, подходя къ мѣшку съ мукой и щупая пальцами ея достоинство. Я уже выучился тогда этой премудрости.

— Распыла немного?—спросилъ я.

— Нѣтъ, ничего... Да безъ этого нельзя,—также громко отвѣтилъ старикъ.

Шумъ отъ жернововъ стоялъ кругомъ въ воздухѣ. Крылья мельницы громко скрипѣли.

— Стало-быть, еще къ вамъ можно присылать?—спросилъ я, слѣдуя за старикомъ во внутренность навѣса,—нынче еще привезутъ шестьдесятъ подводъ, такъ я уже тридцать къ вамъ.

— Ну, ну, что же, присылай, присылай,—отвѣчалъ торопливо мельникъ,—когда не можно. Можно, мы ради.

Я постоялъ около него, нѣсколько минутъ посмотрѣлъ на дружную, веселую работу и пошелъ домой. Но только что я вышелъ изъ мельницы, какъ какая-то баба, вся укутанная и завязанная платками, подбѣжала ко мнѣ сзади.

— Яблочко ты наше садовое, ястребокъ ты нашъ драгоцѣнный, зайди ты къ намъ на минуточку, — заговорила она умоляющимъ, торопливымъ голосомъ, слѣдуя за мной.

Я оглянулся на нее. Лицо ея было мнѣ незнакомо. Морщинистое, худое, изстрадавшееся, какъ тысячи другихъ этихъ бабьихъ лицъ, оно выражало не то безпокойство, не то страхъ, не то сознаніе своего ничтожества и несчастія.

— Что тебѣ?—спросилъ я, останавливаясь.

— Яблочко ты садовое, ягодка наша, — причитывала баба, — взойди ты къ моему сыну на минуточку. Умираетъ сынъ.

— Что же я могу ему сдѣлать?—спросилъ я. — Я пришлю вамъ лучше доктора.

— Нѣтъ, взойди ты къ намъ самъ, ягодка, ну, хоть на минуточку, взгляни только...

Баба такъ пристала ко мнѣ, что я пошелъ за ней, тѣмъ болѣе, что она указала на избу недалеко отъ мельницы, гдѣ она жила.

— Давно хвораетъ сынъ?—спросилъ я ее.

— Давно, давно, третью недѣлю не поднимается, взойди ты только на минуточку, ради Христа, яблочко садовое...

Я вошелъ на минуточку въ избу бабы и взглянулъ на ея больного тифознаго сына.

Онъ сидѣлъ на лавкѣ худой, слабый, свѣсивъ ноги внизъ и, вѣроятно, приподнявшись при моемъ появленіи. У него болѣла голова, повидимому, былъ сильный жаръ, и онъ жаловался на боль во всемъ тѣлѣ. Ему было на видъ не больше тридцати.

Я привожу этотъ случай какъ образчикъ отношенія ко мнѣ народа. Что хотѣла отъ меня эта баба? Дѣйствительно ли она вѣрила въ то, что я взглядомъ исцѣлю ея сына, или просто изъ любопытства она зазвала меня? Богъ ее знаетъ.

Съ этого времени, т.-е. съ Рождества и начала января, болѣзни въ нашей волости все распространялись и дѣла-

лись сильнѣе. Смертность возросла замѣтно, и не проходило теперь дня, чтобы не умирали люди. Въ день двѣ, три смерти были нормальнымъ явленіемъ, а подѣ конецъ, въ худшій періодъ эпидеміи, дошло до того, что въ одной Патровкѣ умирало по 7—8 человѣкъ въ день.

Давно уже я писалъ всюду о болѣзняхъ въ нашей мѣстности, усиленно прося помощи, писалъ въ Москву, писалъ въ бузулукское земство, и вотъ, наконецъ, оно прислало намъ сверхштатнаго молодого врача.

Но что же могъ онъ, бѣдный, одинъ сдѣлать со множествомъ больныхъ кругомъ?

Вотъ количество ихъ по моему личному пересчету въ серединѣ января въ Патровкѣ. Мы обошли все это село изъ двора въ дворъ, сами справляясь, смотря и записывая тутъ же, есть ли больные и сколько ихъ. Село было раздѣлено нами на три части. Въ той части, которую я обходилъ, я нашелъ слѣдующую цифру больныхъ. На 128 дворовъ было съ осени 256 человѣкъ больныхъ. Изъ нихъ 125 человѣкъ выздоровѣло, около 15 умерло, остальные были больны сейчасъ. Они размѣщались въ 46 дворахъ, и большинство ихъ были тифозные.

Отсюда видна степень распространенія болѣзней въ тотъ годъ. Потомъ въ февралѣ и мартѣ болѣзни еще усилились, но тогда ко мнѣ пріѣхалъ цѣлый медицинскій отрядъ, собранный по почину П. Д. Долгорукова, съ двумя врачами, 4-мя фельдшерицами и 2-мя фельдшерами, отрядъ, неутомимо работавшій на эпидеміи до самой весны. Но о немъ—потомъ.

Общій списокъ больныхъ, составленный нами при нашемъ обходѣ, выразился въ цифрахъ: всѣхъ больныхъ на 326 дворовъ было 879, осталось около 400. Я списываю эти цифры съ моей записной книжки 1892 года. Помню, войдешь въ избѣ и спросишь:

— Есть больные?

— Есть,—отвѣчаютъ (всѣ уже знали, съ какой цѣлью мы обходили село),—да вотъ опочиваться стали.

Странное слово, не правда ли? Не то «чиниться», не то «опоминаться».

Входишь въ другую:

— Есть больные?

— Есть, есть, кормилецъ,—у кого нынѣ нѣту! Вонъ старуха помираетъ, вчера съ мужика схоронили.

Много этихъ старухъ и стариковъ померло въ ту зиму.

У меня служилъ солдатъ, бравый унтеръ-офицеръ Андрей. У него отецъ умеръ. Лежалъ на печкѣ все, легъ спать вечеромъ, утромъ нашли мертвымъ. Бѣдный и добрый Андрей слезу проронилъ, рассказывая объ этомъ. Искренно жалѣлъ отца. Семья ихъ была патріархальная, дружная, недѣленая, въ тридцать душъ.

Въ январѣ вмѣстѣ съ болѣзнями, какъ всегда, наступили страшные морозы съ буранами и вѣтрами.

Два мальчика, сироты безъ отца, отправились по сбору изъ одного отдаленнаго села Бузулукскаго уѣзда. Одному мальчику было лѣтъ 12, другому меньше. Они запрягли свою тощую молоденькую лошадку въ сани и поѣхали, надѣясь себя прокормить и лошадь.

Въ степи нагналъ ихъ буранъ. Имъ стало холодно. Они слѣзли съ саней и побѣжали за ними. Дорога замечена, силъ нѣтъ, и вотъ случилось такъ, что лошадь взяла да и убѣжала отъ нихъ, а они не могли ее нагнать. Потомъ, должно-быть, упали сами на дорогу, выбившись изъ силъ, и вотъ на другой день нашли ихъ два замерзшіе трупики въ степи на дорогѣ, подъ снѣгомъ. А лошадь одна домой пришла. Мальчиковъ нашли гдѣ-то недалеко отъ насъ и совсѣмъ близко около одного большого сосѣдняго села. Ихъ пробовали оттереть, но было уже поздно.

Около того же времени больше всего приходило къ намъ просителей изъ другихъ селъ и деревень. Слухъ о

насъ прошелъ по всему уѣзду, и народъ валилъ къ намъ съ вѣрой въ наше всемогущество, съ надеждой, что хоть мы поможемъ.

Помню, пришелъ мужикъ изъ сосѣдняго села, гдѣ живутъ и земскій начальникъ и старшина; рассказываетъ, что хотѣли притти 100 человѣкъ, но побоялись начальства.

— Старшина да земскій въ кутузку сажаютъ,—говорилъ онъ плаксивымъ голосомъ,—чего станешь дѣлать! Какъ просьба, такъ въ кутузку; какъ о нуждѣ станемъ говорить,—ведите, молъ, его въ холодную.

— Хоть бы добрымъ словомъ насъ кто утѣшилъ,—плакалъ передо мной настоящими слезами этотъ мужикъ,—совѣтомъ какимъ, а то, милый мой, какъ станемъ говорить, такъ я, говорить, «васъ всѣхъ съ голоду уморю!» Ты бы хоть общество утѣшилъ теплымъ словомъ, а то плачемъ, всѣ плачемъ, помираемъ съ голоду, да и все тутъ!..

И онъ дѣйствительно плакалъ передо мной, и дѣйствительно пришелъ ко мнѣ не за однимъ хлѣбомъ, а еще за словомъ утѣшенія.

Хотѣлось бы помочь получше и этому мужику, и его односельчанамъ, но пока трудно это было; для одной нашей волости необходимо было заготовить еще 25.000 пуд. хлѣба до весны, а я еще не зналъ, откуда мы наберемъ столько.

X.

Когда узнали, что я поселился въ селѣ Патровкѣ, насъ стали посѣщать разные посѣтители. Раньше другихъ заѣхалъ мѣстный земскій начальникъ, потомъ одинъ изъ уполномоченныхъ отъ Краснаго Креста, князь Краноткинъ, потомъ петербургскій корреспондентъ англійской газеты, Steveni. Первый изъ этихъ посѣтителей произвелъ на меня

невеселое впечатлѣніе: онъ больше курилъ изъ своей длинной трубки, которую вытаскилъ изъ голенища высокаго сапога, и ограничился этимъ, хотя хорошо уже было то, что онъ не сталъ препятствовать мнѣ въ моемъ дѣлѣ. Второй мнѣ былъ пріятель, какъ человѣкъ свѣжій и вѣрно воспринимавшій впечатлѣнія того времени; онъ, между прочимъ, обходя Патровку, зашелъ въ мазанку къ тому самому вору, котораго избило общество за верченіе амбаровъ; кн. Крапоткинъ, заглянувъ къ нему въ печку, конечно, не нашелъ ничего въ горшкахъ, кромѣ воды, которая стояла также налитой на столѣ въ чашкѣ. Третій мнѣ былъ также очень пріятель, но смущалъ насъ тѣмъ, что на немъ было прелегкомысленное пальто англійскаго покроя, а морозы тогда стояли далеко не легкомысленные. Стевени живо отнесся къ положенію народа, фотографировалъ, какъ водится, голодающихъ и обходилъ со мной больныхъ. Онъ написалъ и издалъ въ послѣдствіи книгу на англійскомъ языкѣ, подъ названіемъ: «Through famine stricken Russia». Въ этой книгѣ есть два интересныхъ мѣста. Одно—это, когда Steveni описываетъ, какъ народъ принялъ его за великаго князя, когда онъ пріѣхалъ къ намъ въ Патровку, и какъ онъ самъ пренаивно старался разъяснить народу, что онъ вовсе не великій князь, а простой человѣкъ, корреспондентъ, пріѣхавшій познакомиться съ голодомъ; второе любопытное мѣсто—это та глава, гдѣ Стевени удивляется тому, что, при страшнѣйшей эпидеміи тифа въ уѣздѣ, земская больница въ сосѣднемъ съ Патровкой селѣ была пуста. Стевени спросилъ фельдшера, почему это такъ и отчего три или четыре кровати, имѣвшіяся въ больницѣ, были не заняты. Фельдшеръ отвѣчалъ, что въ ихъ врачебномъ округѣ 80.000 человѣкъ населенія, поэтому если считать, что $\frac{1}{100}$ этого населенія больна, то и тогда нужно 800 кроватей. А больныхъ въ то время было не 1%, а по крайней мѣрѣ 20—30%.

Самымъ частымъ и пріятнымъ нашимъ гостемъ за ту зиму былъ все тотъ же Б. Онъ частенько ѣздилъ къ намъ съ своего хутора и много содѣйствовалъ и помогалъ намъ своимъ спокойствіемъ и знаніемъ народа.

Еще частымъ гостемъ нашимъ былъ башкирецъ Нагимъ. Этотъ пріѣзжалъ къ намъ каждую субботу ночевать потому, что въ воскресенье утромъ ему нужно было ѣхать дальше въ сосѣднее село на базаръ. Нагимъ былъ тоже всегда пріятенъ намъ. Каждую субботу аккуратно у насъ вошло въ привычку, чтобы онъ по вечерамъ, когда всѣ мы уже укладывались спать, рассказывалъ намъ башкирскія сказки. Нагимъ зналъ ихъ много и умѣлъ хорошо говорить.

— Да,—начнетъ онъ, бывало, со вкусомъ,—стало-быть, былъ разъ одинъ царь—ханъ, по-нашему. У этого хана было три сына. Когда умеръ ханъ, взошелъ на престолъ старшій его сынъ. Меньшіе братья ему покорились. Но черезъ нѣкоторое время, отъ внушенія дурныхъ людей—они стали его слушаться и учинять возмущенія. Меньшого брата звали по имени Мерзванъ. Хотя годами онъ былъ моложе всѣхъ, а умомъ обладалъ больше другихъ. Тогда, чтобы старшій братъ не подумалъ, что онъ, Мерзванъ, хочетъ отнять у него власть, рѣшился онъ уйти въ чужія земли.

Дальше слѣдовалъ обстоятельный рассказъ о томъ, какъ Мерзванъ прощался съ друзьями и какъ они просили его оставить имъ на память по себѣ книгу. Мерзванъ пошелъ къ хану просить позволенія написать эту книгу, но ханъ, по совѣту визирей, не разрѣшилъ ему сдѣлать этого, пока онъ не расскажетъ въ большомъ сборищѣ людей содержанія своей будущей книжки. На это Мерзванъ, конечно, согласился, и вотъ на другой день онъ говоритъ длинную рѣчь въ ханскомъ дворцѣ и обличаетъ ею всю ханскую дѣятельность и жизнь.

— Первое, что нужно хану,—говорить между прочимъ Мерзванъ,—это умъ; безъ ума не можетъ быть дѣльнаго правителя. Второе, что ему нужно,—это справедливость. А первая несправедливость — это легкомысліе, и потому легкомысленный ханъ не можетъ править народомъ. Третье, что нужно хану,—это бережливость. Расточительный ханъ не можетъ сохранить не только свое, но и чужое добро. Четвертое, что нужно хану,—это совѣтъ умныхъ и добрыхъ людей. Былъ царь Соломонъ, такъ онъ и то учился мудрости у муравья. Поэтому хану нужно окружить себя хорошими, смысленными людьми, и тогда больше правильности будетъ въ дѣлахъ его.

— А что же теперь у тебя? — спросилъ брата Мерзванъ.—Глупые и пустые люди занимаютъ всѣ должности, а умные сидятъ по угламъ и не участвуютъ въ правленіи.

— Я говорю это вамъ,—обратился Мерзванъ ко всему собранію, — потому что ханъ разрѣшилъ мнѣ говорить; конечно, безъ его позволенія я бы не осмѣлился...

Я со вниманіемъ и интересомъ слушалъ сказки умнаго Нагима и, хотя усталый до смерти отъ хлопотъ дня, но не могъ заснуть, глядя въ темноту нашей избы.

Какой славный былъ этотъ Нагимъ. Онъ умеръ недавно еще не старымъ. Я зналъ его уже давно, чуть ли не съ дѣтства. Онъ пріѣзжалъ къ намъ въ Ясную Поляну дѣлать кумысъ для отца,—онъ служилъ у Б. нѣсколько лѣтъ главнымъ кумысникомъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ башкирцевъ, сознающихъ необходимость руссифицироваться, знать русскій языкъ и грамоту, чтобы не отстать отъ жизни, но неминуемо безвременно погибающихъ отъ трудности бороться, отъ мучительнаго процесса перехода отъ одной культуры къ другой, отъ старыхъ формъ къ новымъ.

Бѣдные башкиры, бѣдныя и всѣ эти иноплеменные наши народности, затертыя среди русскаго моря, слабѣющія и вымирающія. То ли дѣло было раздолье раньше,

хотя тѣмъ же башкирамъ здѣсь, въ степяхъ, по берегамъ Волги и ся притокамъ! Тогда они свободно кочевали по нимъ, держали табуны чудныхъ лошадей, пили кумысъ съ ковыльныхъ богатыхъ пастбищъ, пѣли свои заунывныя дикія пѣсни, ѣли барановъ вволю и славили своего Магомета. Теперь не то; теперь живутъ они въ низкихъ мазанкахъ уже осѣдло, земель убавилось у нихъ въ 100 разъ, нѣтъ ни кумыса, ни барановъ, ни прежней воли. Хоть бы перекочевали они куда-нибудь въ сибирскія степи,—приходитъ невольно въ голову,—можетъ-быть, тамъ имъ было бы просторнѣе и лучше. Или, видно, такъ постепенно и вымрутъ они здѣсь на старомъ своемъ попелищѣ.

А то, бывало, Нагимъ начнетъ рассказывать про Магомета, про то, какъ во время бѣгства его разъ спасли голуби, прилетѣвшіе и сѣвшіе на то дерево, подъ которымъ онъ сидѣлъ. Тогда погоня, увидавъ голубей, подумала, что подъ этимъ деревомъ искать нечего, разъ птицы на него сѣли. Въ другой разъ Магометъ спрятался въ пещеру, а паукъ свилъ паутину у ся входа. Погоня, увидавъ эту паутину, опять отступила, рѣшивъ, что въ пещерѣ, стало-быть, никого не могло быть.

Всѣхъ рассказовъ Нагима я и не припомню; у него была большая память и порядочная начитанность изъ башкирскихъ и арабскихъ книгъ.

Ходили къ намъ и другіе гости. Ходилъ молодой молочанинъ Братковъ, рассказывавшій намъ про свою секту и про самарскихъ мормоновъ; ходилъ сельскій писарь Чиликинъ; приходилъ и батюшка, отецъ благочинный; приходили еще крестьяне изъ богатыхъ; бывалъ старшина. Братковъ—это былъ пріятель моего товарища И. А. Они, бывало, вмѣстѣ усядутся за перегородкой на кровати и начнутъ пѣть мормонскую яко бы пѣсенку.

Я до сихъ поръ помню куплетъ изъ нея, но не знаю, насколько она дѣйствительно мормонская,—это надо спро-

силь у Браткова. Мотивъ пѣсни веселый, и при этомъ надо часто приптыкать ногой, какъ дѣлають, будто бы, мормоны и дѣлалъ П. А. Слова слѣдующія:

Какъ на бѣлой на зарѣ,
На веселой сторонѣ,
Веселитесь, мои други,
Живъ я буду, расскажу,
Вамъ всю правду обнажу!

Братковъ, впрочемъ, мало рассказывалъ опредѣленнаго объ этой таинственной сектѣ, хотя о немъ говорили, какъ о молоканинѣ, имѣвшемъ съ ней сношенія и даже думавшемъ перейти въ нее. Вообще мормоны держатъ себя очень скрытно, собранія ихъ бываютъ при закрытыхъ дверяхъ и окнахъ. Входятъ ли они въ экстазъ, какъ хлысты, во время этихъ собраний, или не желаютъ пускать къ себѣ постороннихъ по другимъ причинамъ, не знаю. Я видѣлъ мормоновъ всего разъ; мнѣ указали на группу ихъ весной на ярмаркѣ. Лица ихъ были худыя съ воспаленными, чувственными глазами и ввалившимися щеками. Ихъ насчитывали въ ближайшихъ селахъ не больше нѣсколькихъ десятковъ. Нѣкоторые жили на хуторахъ.

Писарь Чиликинъ, о которомъ я упомянулъ, былъ мѣстнымъ поэтомъ-публицистомъ. Бывшій солдатъ, съ заячьей, разсѣченной на-двое верхней губой, смѣтливый и вострый на языкъ, онъ выполнялъ очень удачно свою роль. Стихи свои онъ часто читалъ намъ и приносилъ ихъ цѣлое множество. Многія сочиненія его Братковъ и другіе грамотные патровскіе мужики знали наизусть. Особеннымъ успѣхомъ пользовалось въ то время его произведеніе подъ заглавіемъ:

„Миронъ доказчикъ
Всѣмъ ворами приказчикъ“...

Пресловутый Миронъ этотъ во главѣ шайки своихъ товарищей всю осень грабилъ амбары своихъ достаточныхъ

односельчанъ. Это было для нихъ что-то въ родѣ пріятнаго и полезнаго спорта. Каждую темную ночь аккуратно они вертѣли по два, по три амбара, гдѣ, знали, была пшеница. Наконецъ, они попались. Попался самъ Миронъ и выдалъ своихъ товарищей. Ихъ же и било патровское общество.

Вотъ нѣсколько куплетовъ знаменитой патровской сатиры сельскаго писаря Чиликина. Въ первыхъ куплетахъ говорится о томъ, что Миронъ жилъ раньше хорошо съ дядями своими, но потомъ захотѣлъ отдѣлится. Дальше слѣдовало:

Теперь Миронъ самъ хозяинъ,
 Въ домѣ ни скотинки,
 Залѣнился жить въ деревянномъ домѣ
 И очутился въ глинкѣ.
 Спустилъ, что досталось.
 Не прошло и году,
 Голью обозвался
 И хлебаеть воду.
 Эхъ, какъ скоро бока подвело Мирону
 Съ большой голодухи,
 Кишки натошакъ запѣли
 У Мирона въ брюхѣ.
 Немного обождите, это все мы бросимъ,
 Расскажемъ, какъ Миронъ
 Съ товарищами бѣдокурилъ
 Нынѣшнюю осень.
 Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ эти дармоѣды
 Народъ обижали и творили бѣды...

и т. д.

Мало размѣра, зато много юмора. Помню, эти стихи вызывали хохотъ и дружное одобреніе. А самъ авторъ ихъ обливался потомъ отъ конфуза, внутренняго волненія и довольства. Вотъ еще одни короткіе стишки его, характерные для того года. Они относятся къ одному зажиточному мужику сосѣдней съ нами деревни, попросив-

шему отъ насъ помощи. Они были такъ кстати и мѣт-ки, что даже мы обратились съ ними къ этому мужику, когда онъ явился къ намъ. Вотъ они:

Эхъ, дядя Макей,
Грѣхъ тебѣ будетъ,
Когда ты начинаешь
Милостыню удить!
У тебя пара быковъ
И лошадей пятокъ,
Надо тебѣ за это
На лысину кипятокъ!

Это стихотвореніе произвело настоящій фуроръ среди всѣхъ нашихъ служащихъ, и Андрей съ кухаркой и другими бывшими у насъ тогда мужиками пришли въ неописанный восторгъ. Чиликинъ написалъ его экспромтомъ, какъ только появился у насъ Макей, которому, конечно, было тутъ же отказано въ помощи.

— Вотъ такъ Чиликинъ, — одобряли его мужики, — это у насъ такой сочинитель, что бѣды. И какъ складно-то выходитъ! На лысину кипятокъ! Вотъ это вѣрно. Ха! Ха! Молодецъ.

XI.

При возникновеніи новыхъ столовыхъ сперва въ нашей волости, потомъ въ сосѣднихъ, мы считали долгомъ навѣщать и наблюдать за ними.

Завѣдывавшіе столовыми хозяева знали это и другъ передъ дружкой старались отличиться порядкомъ и чистотой и хорошо приготовленнымъ варевомъ. Во всѣхъ столовыхъ, даже въ тѣхъ, гдѣ завѣдывавшими были молokane, передъ тѣмъ, какъ садились за столы, всѣ столовавшіеся пѣли хоромъ молитвы.

Я никогда раньше, живя и зная только наши среднія

губерніи, не подозрѣвалъ, чтобы въ народѣ нашемъ могли составляться такіе молитвенные хоры и чтобы они такъ складно, иногда совсѣмъ хорошо, выходили безъ особенной подготовки и руководителей. Оказалось же, что въ Самарской губерніи въ каждомъ селѣ, въ каждой православной избѣ можетъ составиться такой молитвенный хоръ, и всегда находятся свѣжіе и сильные голоса, благодаря которымъ въ общемъ пѣніе всегда выходитъ складно. Я не зналъ еще такого свойства самарскаго народа, когда начиналъ столовые. Но при открытіи ихъ оно сейчасъ же обнаружилось, неожиданно и пріятно поразивъ меня.

Тогда же въ первый разъ я понялъ силу и могущество нашей церкви, ея дѣятельность и значеніе, понялъ до какой степени народъ нашъ крѣпко слитъ съ ней. Въ столовыхъ пѣли съ такимъ горячимъ чувствомъ, съ такой осмысленностью произнося слова молитвъ, съ такой любовью къ этимъ молитвамъ и значенію ихъ, что нельзя было не умилиться и не притти въ одно настроеніе съ пѣвшею вокругъ тебя крестьянской толпой. Нельзя было не увидеть того, чего я раньше не видалъ и не хотѣлъ видѣть.

Да, я понялъ многое, многое откинулъ и многое принималъ для себя въ тѣ дни пребыванія моего среди народа и я благодаренъ этимъ днямъ, благодаренъ тѣмъ людямъ, съ простой и теплой вѣрой стоявшимъ вокругъ меня.

Говорятъ, что вѣра нашего народа, вѣра—только внѣшняя. Говорятъ, что онъ не знаетъ самъ, во что вѣруетъ. Это неправда. Я самъ видѣлъ ихъ, этихъ сознательныхъ глубокихъ христіанъ, густой толпой наполнявшихъ убогія православныя церкви, самъ видѣлъ, какъ они осмысленно слушали и повторяли слова священниковъ и пѣли дружно всѣ вмѣстѣ любимыя церковныя пѣсни. Я самъ видѣлъ и слышалъ, какъ мужикъ, безграмотный, нишій, повторялъ предо мной всю нагорную проповѣдь наизусть, запомнивъ

ее во время церковныхъ службъ, и какъ слезы катились изъ глазъ этого мужика, когда онъ говорилъ умиленнымъ и находящимъ себѣ въ этихъ словахъ утѣшеніе голосомъ: «А я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ».

Признаться, меня очень поразило все это.

Въ столовыхъ, кромѣ пѣнія молитвъ, столовавшіеся

Церковь с. Патровки.

часто собирались за нѣсколько часовъ до обѣда и занимались чтеніемъ Библіи.

Помню, зашелъ я разъ въ одну изъ столовыхъ въ Патровкѣ, помѣщавшуюся въ деревянной, высокой избѣ. Она была биткомъ набита народомъ, столпившимся вокругъ чтеца. Чтецъ сидѣлъ надъ раскрытой Библией и равномерно громко читалъ. Слава Богу, меня не замѣтили, когда я вошелъ,—замѣтили только стоявшіе сзади,—и чтеніе продолжалось. Я прислушался.

— И прошли семь лѣтъ изобилія, которое было въ

землѣ Египетской,—читалъ по-славянски съ чувствомъ и разстановкой знакомый мнѣ черноволосый солдатъ-хозяинъ,—и наступили семь лѣтъ голода, какъ сказалъ Иосифъ. И былъ голодъ во всѣхъ земляхъ, а во всей землѣ Египетской былъ хлѣбъ.

— Ахъ, Господи, Батюшка, Иисусе Христе,—прошептала съ глубокимъ вздохомъ старушка, стоявшая подлѣ меня, подперевъ щеку правой рукой, а лѣвой поддерживая локоть правой.

— Вотъ и насъ добрые люди такъ-то не оставили,—добавила она, взглянувъ на меня.

— Но когда и вся земля Египетская начала терпѣть голодъ,—продолжалъ чтецъ,—то народъ началъ вопіять къ фараону о хлѣбѣ.

Я долго стоялъ и слушалъ любимый библейскій рассказъ. Когда онъ дошелъ до мѣста:—«И поспѣшно удался Иосифъ, потому что вспикѣла любовь его къ брату его»,—старушка, стоявшая подлѣ меня, стала обильно плакать. Слезы такъ и текли по ея старымъ щекамъ.

— Вотъ и насъ грѣшныхъ,—всхлипывая, повторяла она,—не оставили... Спасетъ Христось.

Чтеніе продолжалось, а я тихонько вышелъ изъ столовой, чтобы не нарушать настроенія, навѣяннаго на слушателей.

И какъ разъ выбрали они соотвѣтствовавшее ихъ положенію мѣсто и съ какимъ пониманіемъ и интересомъ они читали и слушали его.

Меня это искренно и глубоко порадовало тогда.

Отсюда я пошелъ въ больницу, только-что открытую нами, первую больницу для тифозныхъ. Ока уже была полна, и для новыхъ больныхъ не хватало кроватей. Больница эта—простая, просторная, деревянная изба, нанятая нами у мужика. Мы хотѣли достигнуть ея двухъ цѣлей. Во-первыхъ, перевозить сюда тѣхъ больныхъ, у которыхъ

не довольно ухода дома; во-вторыхъ, вообще оставить надъ тифозными болѣе цѣлесообразный, медицинскій надзоръ. Обѣ эти цѣли, мнѣ кажется, были достигнуты нами, особенно позднѣе, когда пріѣхалъ санитарный отрядъ, и при помощи его вмѣсто одной больницы мы могли открыть нѣсколько, а вмѣсто одного доктора у насъ стало ихъ трое, да еще шесть человѣкъ ихъ помощниковъ и помощницъ.

Описывать ли больницу и тяжелыхъ больныхъ въ ней? Всякій, вѣрно, видѣлъ тифозныхъ и знаетъ ихъ угнетенный видъ, полуоткрытые рты съ труднымъ дыханьемъ, закрытые глаза и порой горячечный бредъ.

Въ больницѣ было тихо и чисто. Свѣтило солнце въ окно. Только одинъ больной, которому становилось лучше, привсталъ при моемъ появленіи и протянулъ замогильнымъ голосомъ выздоравливающаго тифознаго:

— Пить хочу, а фельдшеръ все не дастъ напиться...

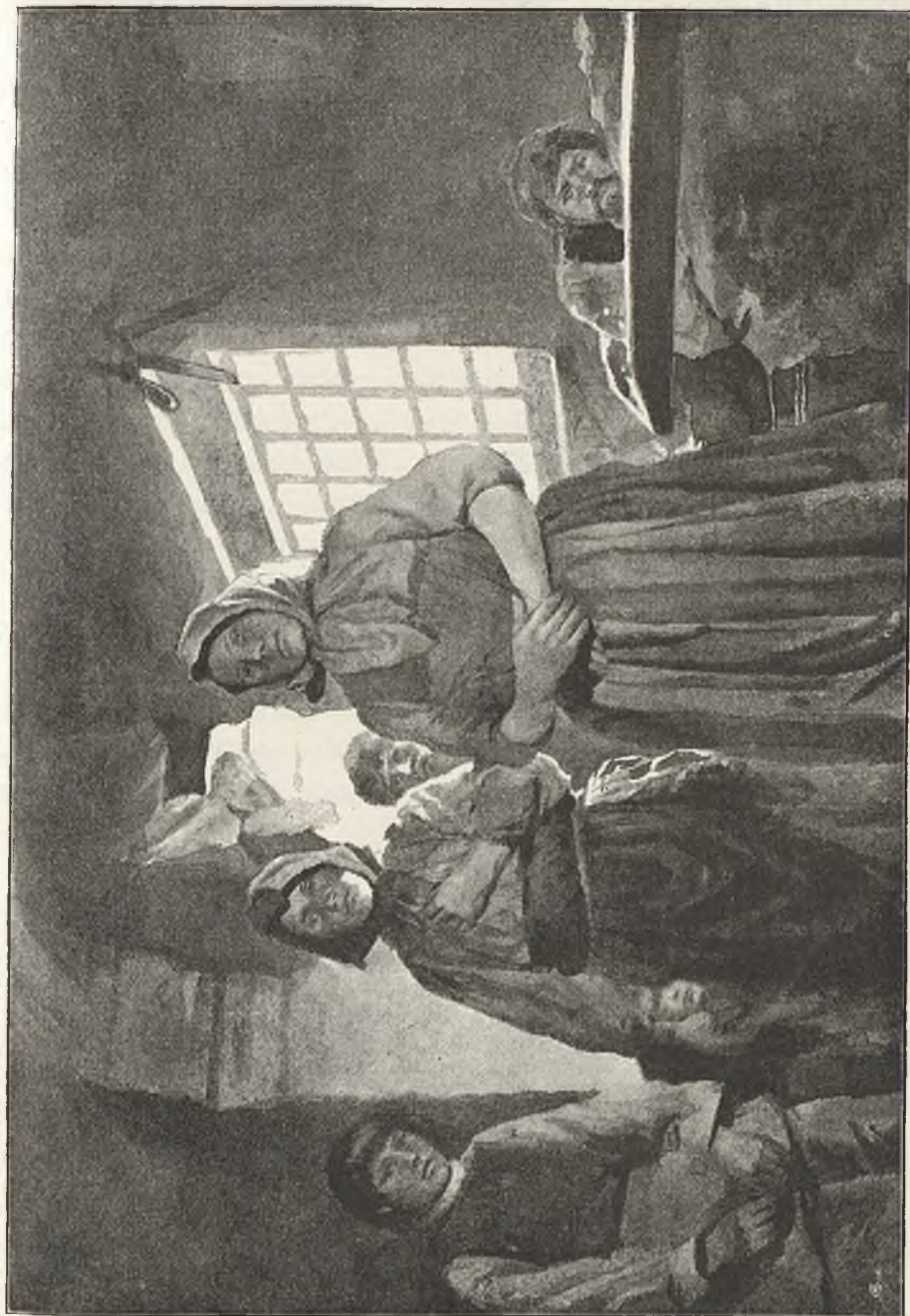
Фельдшеръ Аеиногенъ, или «Финогей», какъ его звали, стоялъ тутъ же и съ доброй улыбкой смотрѣлъ на больного.

— Докторъ не велѣлъ давать пить вволю, — сказалъ онъ мнѣ спокойно.

Я еще нѣкоторое время побылъ, поговорилъ съ фельдшеромъ, и пошелъ изъ больницы.

Подходя къ нашей избѣ, какъ всегда, я увидалъ вокругъ нея кучку разнообразнаго народа. Жалкій татаринъ въ большой шапкѣ и лохмотьяхъ поклонился мнѣ неумѣло, по-татарски. Онъ ничего не сказалъ, но видно было, что онъ просилъ милостыни, помощи. Онъ везъ за собой салазки, въ которыхъ сидѣло двое несчастныхъ, синихъ отъ холода татарчатъ. Несчастная татарка, жена татарина, выскочила въ это время изъ противоположной избы, куда она забѣгала попросить хлѣба.

— Откуда идешь и куда? — спросилъ я татарина.

Сирѣлки больницъ для тифозныхъ.

— Изъ Уральской области, ходили работать искать. Нѣтъ работъ. Домой теперь, въ Симбирскую губернію.

И опять татаринъ неловко поклонился.

Это тоже одна изъ тѣхъ жалкихъ, чужихъ народностей нашихъ, о которыхъ я уже упомянулъ, затерявшихся, погибающихъ, вѣчно страдающихъ вмѣстѣ и среди русскаго населенія. Татары деревень приволжскихъ губерній, осѣдлые татары—это что-то такое безпомощное, такое слабое, что удивляешься еще, какъ они до сихъ поръ борются за существованіе и плодятся себѣ на вящее горе. Мордва, чуваша, вообще финскія народности—эти какъ-то благоразумнѣе, самостоятельнѣе и прочнѣе монголовъ. Хотя тоже голь перекатная, не лучше нашихъ и хуже ихъ въ томъ смыслѣ, что нашъ и голодный, и больной, и нищій не унываетъ, да и какъ ему унывать—все свой родной, расейскій, христіанскій народъ кругомъ—всякій подѣлится послѣднимъ кусочкомъ, а тѣ одиноки, да еще многіе изъ нихъ, къ тому же, язычники.

Я подалъ татарину хлѣба и далъ ему монетку. Онъ трогательно обрадовался. Какая-то баба подбѣжала ко мнѣ.

— Вашего сіятельства, къ вашей милости,—начала она,—не дай умереть...

— Что тебѣ?

Я увидалъ сразу по тону бабы, что не за дѣломъ она пришла.

— Вашего сіятельства, къ вашей милости...

— Вижу, что ко мнѣ. Что скажешь?

— Нѣтъ ли лѣкарствина больному?

— Это у доктора и въ больницѣ...

— А что я хотѣла попросить,—продолжала баба.

— Что?

— Нѣтъ ли одежонки какой сироткамъ...

— Нѣтъ, этого нѣтъ у насъ.

— Ну, хоть рубашонку.

— И этого нѣтъ.

Но баба все не отставала.

— Вашего сіятельства,—продолжала она,—а чайку не дашь хворенькимъ?—Дѣвочка семой день не поднимается.

— Некогда, старуха,—говорю я уже не безъ досады,—оставь пожалуйста.

— А, ну, ну, ну, ну,—говорить она на это, отступая.

Но черезъ минуту ее опять посѣтила какая-то счастливая мысль, и она снова догоняетъ меня.

— Вашего сіятельства... а что я хотѣла съ тобой поговорить,—слышу я сзади тотъ же надоѣвшій голосъ:—онъ зять мой, а живетъ, стало-быть, въ Глинкахъ, лошадка у него, не возьмете на прокормленіе?

— О, Господи Боже мой, да отстанешь ли ты?—наконецъ громко вскрикиваю я, обращаясь къ бабѣ, потому что тутъ еще десять человѣкъ съ прошеніями обступили меня и каждый ожидалъ очереди.

Эти старухи, бабы съ просьбами, хуже осеннихъ мухъ: отъ нихъ ничѣмъ не отдѣлаешься. Она идетъ къ тебѣ просить, какъ идутъ брать билетъ въ аллегри. Авось, молъ, вытащу не пустой. Попрошу того и этого: можетъ-быть, чего-нибудь да дастъ. Намъ, молъ, въ деревнѣ всякая бездѣлица пригодится. И вотъ она пробуетъ счастье.

Но гоните этихъ бабъ съ тысячею просьбъ за разъ, не бойтесь и прикрикнуть на нихъ. Въ этомъ нѣтъ грѣха. Онѣ только путаютъ, мѣшаютъ и своимъ примѣромъ развращаютъ другихъ.

Хотя въ сущности я неправъ въ этомъ. Во-первыхъ, никогда и нигдѣ крикомъ не поможешь; во-вторыхъ, какъ ни надоѣдлива баба съ тысячею просьбъ за разъ, какъ ни мѣшаетъ она вамъ,—по справедливости и если бы было на то время, вамъ все-таки слѣдовало бы выслушать ее и хоть отчасти удовлетворить ея просьбамъ потому, что эта баба дѣйствительно нуждается,—нуждается и въ лѣкар-

ствѣ больному, и въ хлѣбѣ семьѣ, и въ кормѣ скоту, и въ одеженкѣ, и въ чайкѣ, и сахаркѣ. У ней нѣтъ ничего этого, тогда какъ у насъ всего этого въ избыткѣ, и потому она всегда останется правой передъ нами.

Помню разъ, усталый отъ проведеннаго дня, я хотѣлъ уже запереться отъ народа, какъ какой-то мужичекъ вошелъ въ нашу избу и бросился въ ноги.

— Господи, опять, еще просьбы. Когда же это кончится?

Это чувство нетерпѣнія и даже раздраженія противъ просившихъ, долженъ признаться къ стыду моему, поднялось во мнѣ.

Мужикъ всталъ.

— Что тебѣ?—почти крикнулъ я на него, еще больше возмущенный и взволнованный, какъ всегда, этимъ паденіемъ на колѣни.

Мужикъ зарыдалъ вмѣсто отвѣта. Наконецъ, онъ вымолвилъ сквозь слезы и рыданія:

— Кормилецъ, дай на хлѣбъ рыльщикамъ. Сейчасъ только хозяйка померла. Схоронить не на что. Остался одинъ съ сиротами. Въ домѣ нѣтъ ничего...

Я молчалъ. Мнѣ стало до боли стыдно за мою горячность, нетерпѣніе и несправедливость.

Мы дали мужику положенныя сорокъ копеекъ на похороны. Это было уже не въ первый разъ. Иногда мы выдавали на похороны прямо пирогами изъ нашей пекарни.

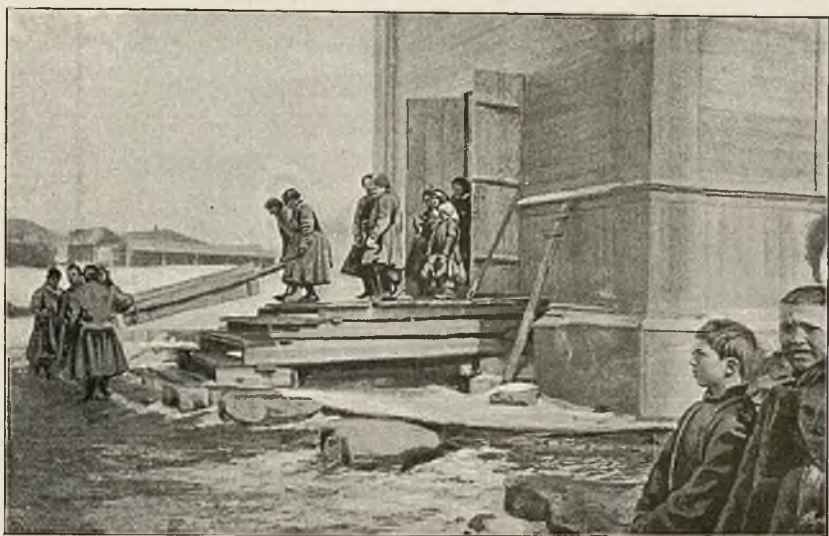
ХІІ.

Подошелъ февраль. Въ концѣ этого мѣсяца и въ слѣдующемъ положеніе народа было наихудшимъ. Страшное развитіе болѣзней отъ усилившихся морозовъ, нужда въ хлѣбѣ и, главное теперь, въ кормѣ скоту стали еще острѣе.

Болѣзни же размножались въ такой прогрессіи, что на меня нашелъ настоящій ужасъ, и я ежедневно писалъ письма во всѣ концы, прося и зовя къ намъ людей на помощь. Но мнѣ долго не отзывались.

Пока былъ только присланъ къ намъ еще земскій врачъ изъ бузулукскаго земства, о которомъ я уже упомянулъ и который, конечно, мало что могъ сдѣлать одинъ.

Тогда я рѣшилъ самъ еще разъ съѣздить въ Москву

Вывозъ умершаго отъ тифа изъ церкви с. Патровки.

за медицинской помощью и новыми товарищами, которые могли бы заниматься нашимъ дѣломъ вмѣстѣ съ нами.

Насъ двухъ съ И. А., разумѣется, далеко не хватало на устройство столовыхъ и наблюдение за ними, такъ какъ нѣкоторыя были открыты нами за 30—40 верстъ. Хотя завѣдовавшими ихъ были, по большей части, священники, которымъ я вѣрилъ, однако все же слѣдовало иногда навѣщать ихъ.

Въ эту мою поѣздку я пробылъ очень короткій срокъ въ Москвѣ. Опять никого подходящаго себѣ тутъ я не

нашелъ и на обратномъ пути опять заѣхалъ на Донъ, къ отцу.

Здѣсь я встрѣтилъ двухъ товарищей, согласившихся ѣхать со мной въ Самару. Одинъ былъ П. И. Б., другой—шведъ Стадлингъ. Конечно, послѣдній не былъ настоящимъ помощникомъ, онъ поѣхалъ въ Самару, чтобы писать оттуда корреспонденціи въ шведскія и американскія газеты, но все же онъ оказался пріятнымъ товарищемъ, а главное, прекраснымъ и добрѣйшимъ человѣкомъ.

Стадлингъ впослѣдствіи издалъ книгу въ Швеціи подъ заглавіемъ: «Изъ голодной Россіи», гдѣ онъ подробно описываетъ голодъ и нашу дѣятельность того года.

На Дону я получилъ то же впечатлѣніе, что и въ первый мой заѣздъ сюда, т.-е. что нужда здѣсь была гораздо слабѣе нужды самарской и что кормили въ столовыхъ отлично. Тифозныхъ въ ближнихъ деревняхъ не было, или были только отдѣльныя заболѣванія. Тифъ распространился мѣстами только къ веснѣ. О цынгѣ и не слыхали. Сподручнаго народа у отца было множество, они жили въ помѣщичьей усадьбѣ Раевскихъ.

Вернувшись въ Патровку, я узналъ, что безъ меня постили насъ двое квакеровъ—Бруксъ и Фоксъ, много сдѣлавшіе для голодающихъ въ тотъ годъ.

Знакома англійское общество съ русскимъ бѣдствіемъ, они добывали деньги и пересылали намъ. Мнѣ было жаль, что добрые квакеры не застали меня въ Патровкѣ,—было бы интересно познакомиться съ ними.

Но что всего больше опечалило меня по возвращеніи на голодъ, это то, что количество болѣзней еще усилилось въ Патровской волости со времени моего отъѣзда. Обидно было сознавать это. Несмотря на наши десять столовыхъ, несмотря на больницу, несмотря на земскую ссуду, голодный тифъ все-таки свирѣпствовалъ здѣсь, да еще какой! Вотъ и говори и думай послѣ этого, что мы слишкомъ

Похороны тифозного.

много помогаемъ, что такъ-называемыхъ достаточныхъ крестьянъ напрасно пускаемъ въ столовые. Можетъ-быть, если бы еще разъ столько же открыть въ Патровкѣ столовыхъ, не было бы здѣсь такой эпидеміи.

Умирали ежедневно. Батюшка, отецъ благочинный, разѣзжалъ день и ночь по больнымъ, напутствуя ихъ. То и дѣло видно было въ окно, какъ онъ проѣзжалъ то туда, то сюда, сидя въ своихъ саняхъ съ поднятымъ кверху громаднымъ воротникомъ шубы и въ громадной шапкѣ на головѣ.

— Что, батюшка, больныхъ все прибавляется?—спрашивалъ я его иногда, встрѣчая на улицѣ.

— Бѣда чистая,—отвѣчалъ онъ своимъ басомъ,—затаскали совсѣмъ, нынче 18 разъ напутствовалъ. Да, главное, бѣднота-то какая. Все такъ ужъ и ѣзжу за ничего. Тамъ когда-нибудь сочтемся съ ними.

Ежедневно провозили въ саняхъ гробы, или проносили ихъ на шестахъ по направленію къ церкви.

Приѣхавъ на мѣсто, новый нашъ товарищъ, П. И. Б., не остался съ нами въ Патровкѣ, а уѣхалъ въ сосѣднюю волость, гдѣ и поселился, въ с. Покровкѣ, верстъ за 25 отъ насъ. Тамъ мы могли открыть теперь новый центръ и складъ хлѣба, что, конечно, упрощало и облегчало дѣло. П. И. Б. прожилъ и проработалъ въ Покровской и сосѣднихъ съ ней волостяхъ до конца голода. Между прочимъ имъ были открыты столовые и въ селѣ Гаршинѣ, гдѣ также сильно нуждались. Шведъ же Стадлингъ остался съ нами и поселился на квартирѣ у чахоточнаго волостного писаря, который отвелъ ему комнату.

Писарь таялъ съ каждымъ днемъ, съѣдаемый своей злой болѣзнью, и къ веснѣ умеръ, оставивъ нестарую вдову.

Иванъ Ивановичъ же, какъ мы прозвали Стадлинга, цѣлый день писалъ свои корреспонденціи, приходя къ

намъ въ избу обѣдать, ужинать и набираться новыхъ впечатлѣній и свѣдѣній. Около того же времени пріѣхалъ къ намъ санитарный отрядъ, собранный по иниціативѣ П. Д. Долгорукова. Большой радостью и успокоеніемъ было для насъ, когда мы наконецъ узнали, что отрядъ этотъ пріѣдетъ именно къ намъ. Я не жалѣлъ писемъ и телеграммъ, въ которыхъ описывалъ нашу эпидемію, желая отрядъ къ намъ зазвать. И вотъ, наконецъ, насъ услышали. Я сдѣлалъ тогда же вторичный подворный обходъ села, записывая число больныхъ въ немъ. Оно оказалось почти вдвое больше прежняго. Цифру этихъ больныхъ я поставилъ въ одной изъ моихъ телеграммъ въ Самару.

Это подѣйствовало лучше всего. Тогда я получилъ отвѣтную телеграмму, извѣщавшую насъ о томъ, что санитарный отрядъ выѣхалъ къ намъ, въ Патровскую волость.

И вотъ онъ пріѣхалъ къ намъ, нашелъ себѣ квартиры и сейчасъ же началъ свою дѣятельность. Врачи ежедневно объѣзжали или обходили больныхъ, желавшихъ перевозили въ больницы, фельдшера и фельдшерицы ухаживали за ними. Пріѣздъ отряда сильно поднялъ общій духъ села, какъ и поднялъ нашъ. Не такъ страшны казались теперь болѣзни, когда каждый зналъ, что есть за нимъ надлежашій уходъ. Даже И. И. Стадлингъ пріободрился.

Отрядъ работалъ самоотверженно и прекрасно. Половина его переболѣла до весны тифомъ, нѣкоторые члены его—очень тяжелой формой, но, слава Богу, никто у насъ не сталъ его жертвой. Одинъ изъ врачей, Т., былъ, впрочемъ, недалекъ отъ смерти, и если бы за каждымъ вздохомъ его и біеніемъ пульса не слѣдили его товарищи врачъ Г. и его помощницы фельдшерицы, то врядъ ли бы Т. поднялся. Послѣ болѣзни онъ изъ здороваго мужчины обратился въ скелетъ, которымъ онъ и смотритъ на группѣ, снятой нами весной въ Самарѣ. Онъ заболѣлъ

уже въ концѣ голода, когда теплая весна стояла на дворѣ. Земскій врачъ изъ Бузулука также перенесъ тифъ. Молодой студентъ медицинской академіи, жившій въ сосѣднемъ селѣ Землянкахъ, тоже болѣлъ имъ; нашъ фельдшеръ Финогей—тоже; три фельдшерицы—тоже одна за другой. Но члены отряда, какъ я сказалъ, такъ внимательно, умѣло и добро относились и ухаживали другъ за другомъ, что всѣ они уцѣлѣли. Эта умѣлость и добросовѣстность ихъ, конечно, обнаруживались одинаково и по отношенію къ больному народу. Я лично тоже похворалъ въ февралѣ чѣмъ-то въ родѣ тифа; жаръ былъ около сорока градусовъ цѣлую недѣлю, но я все время одѣвался и былъ на ногахъ.

Когда мнѣ стало легче и я вышелъ на улицу, нѣсколько просителей мужиковъ и бабъ подошли ко мнѣ, прося чего-то и спрашивая, какъ я себя чувствовалъ. Я сказалъ имъ, что мнѣ лучше, хотя я насилу держался на ногахъ.

— Ну, понятное дѣло, полегчало,—отвѣчали они мнѣ на это,—развѣ тебѣ можно хворать?.. За тебя вонъ весь уѣздъ Богу молить...

Плохо было главное то, что въ комнаткѣ, гдѣ мы спали, былъ въ полу погребъ. Крышка этого подвала была неплотно затворена и изъ-подъ нея дуло немилосердно. Кровать же стояла у меня низкая, безъ матраца, а съ простой натянутой на ней холстиной, какъ разъ надъ подваломъ, такъ что я постоянно студился вмѣсто того, чтобы лучше устроиться или спать на печкѣ, какъ дѣлаетъ это большинство крестьянства въ холодные мѣсяцы зимы. Однако я не поддался болѣзни—некогда было хворать, да и я не представлялъ себѣ, какъ и гдѣ можно бы было лежать больному въ нашей обстановкѣ. Развѣ перевезли бы меня въ больницу. И. А. ничѣмъ не болѣлъ всю зиму... Но возвращаясь къ описанію дальнѣйшей нашей дѣятельности и жизни.

Съ прїѣздомъ отряда, Стадлинга и П. И. Б., еще оживленнѣе пошла наша работа. Отрядъ возился съ больными. Стадлингъ строчилъ корреспонденціи, мы открывали столовые за столовыми.

По вечерамъ мы часто собирались вмѣстѣ и бесѣдовали. Говорили, конечно, все о томъ же голодѣ, о мѣстныхъ нуждахъ и жизни, о томъ, прекращаются или увеличиваются болѣзни; пока количество больныхъ прибавлялось, говорили о томъ, какъ народъ принимаетъ медицинскую помощь, какъ онъ теменъ и въ то же время какъ хорошъ.

Врачъ Т., большой балагуръ и острякъ, иногда веселилъ компанію, рассказывая смѣшныя стороны изъ своей дѣятельности.

— Знаете, нынче я прихожу къ Патринымъ, — говорилъ онъ своимъ могучимъ голосомъ, — у нихъ трое тифозныхъ, спрашиваю у бабы: ну, что, была фельдшерница у васъ? — Была. — Ну, что жъ она? — Да совала, совала чего это подъ мышку, да нѣтъ, не помогаетъ.

И Т. покатывался со смѣха, щуря глаза.

— Вы бы ей дали салицилки, — обращался онъ къ фельдшерницѣ, — онѣ въ это больше вѣрятъ, чѣмъ въ градусники.

— А вчера у меня была баба, — начинала тогда рассказывать одна изъ фельдшерницъ, — дайте, говоритъ, пожалуйста, порошокъ, что ли — они называются — хвореникимъ, а то не поднимаются. Я сначала не поняла, что такое порошокъ, но потомъ сообразила, что слово «порошки» для нихъ равносильно какому-то цѣлебному названію лѣкарства. Ну и дала, конечно.

— Что хуже всего, — продолжались рассказы, — это ихъ діететическія понятія. Сырого молочка достать или капуста для тифознаго — это первое дѣло. Сегодня сапожникъ умеръ въ больницѣ только оттого, что дома жена его напоила сырымъ холоднымъ молокомъ.

— А что такое слово «опочиваться»?—съ улыбкой спрашивала какая-нибудь изъ фельдшерницъ.

Былъ у санитарнаго отряда и винный погребокъ съ собою для себя и для больныхъ; взяли они его, вѣря тому предразсудку, что если пить вино, можно избавиться отъ тифа. Врачи отряда слѣдовали этому предразсудку, но тѣмъ не менѣе Т. не спасся, какъ я сказалъ, отъ жесточайшаго тифа.

XIII.

Хлѣбъ продолжалъ прибывать къ намъ. Добрые люди все больше узнавали о нашей дѣятельности, о нуждѣ въ нашей мѣстности, и вотъ вагоны за вагонами отъ Краснаго Креста, отъ частныхъ лицъ, отъ и черезъ моего отца приходили на станцію Богатое.

Но какъ ни было много ихъ, съ приближеніемъ къ веснѣ забота, что не хватитъ заготовленнаго хлѣба для столовыхъ, становилась все сильнѣе.

Тревожился я и о томъ, что земство не пришлетъ въ время своего хлѣба въ волости, и тогда, отрѣзанные отъ станціи распутицей, мы совсѣмъ заплачемъ. Я даже съѣздилъ въ Бузулукъ къ предсѣдателю управы за этимъ и просилъ его поспѣшить съ заготовкой хлѣба въ волостяхъ на весенніе мѣсяцы. Но тамъ подумали объ этомъ и безъ меня.

Уже приближаясь къ веснѣ, получили мы десятка два вагоновъ съ американской мукой, пшеничной и кукурузной, въ аккуратныхъ, бѣлыхъ и чистыхъ мѣшкахъ, со штемпелями различныхъ штатовъ Колорадо, Онтарио, Квебекъ и другихъ. Эта американская мука имѣла большой успѣхъ у насъ. Изъ нея пекли кукурузныя лепешки, пшеничныя булки, а также мѣсили, или заправляли ею варево, которое отъ этого дѣлалось гуще и питательнѣе.

Стадлингъ, благодаря которому въ Америкѣ узнали о насъ, былъ на верху счастья, когда этотъ хлѣбъ пришелъ къ намъ. Его писанія и прїѣздъ, стало-быть, не пропали даромъ. Но когда онъ узналъ, что изъ кукурузной муки никто не умѣлъ печь хлѣбовъ, онъ огорчился и пошелъ къ попадѣ просить ее испечь пробный кукурузный хлѣбъ и научить печь его другихъ въ селѣ.

Матушка испекла прекрасный хлѣбъ, и Иванъ Ивановичъ былъ въ восторгѣ. Онъ спросилъ меня, какъ по-русски выразить матушкѣ благодарность и одобреніе. Въ то время Стадлингъ еще плохо зналъ по-русски. Я научилъ его, и онъ нѣсколько разъ повторялъ фразу, запоминая ее, прежде чѣмъ идти въ домъ священника.

— Матушка, ви пешете хлѣби хорошо американска мука...—говорилъ онъ десятки разъ подъ рядъ, коверкая русскую рѣчь и очень довольный собой.

Но матушка, конечно, никого не научила печь эти хлѣбы, и кукурузную муку поѣли потомъ, какъ кому пришлось — больше всего лепешками и мѣсивомъ, какъ сказано, а также блинами.

Помню, когда узнали о прибытіи необыкновенной муки въ селахъ, всѣ наперебой хотѣли получить ее хоть немножко. Вотъ, между прочимъ, какое письмо я получилъ отъ гавриловскаго псаломщика въ тѣ дни:

«Сіятельный графъ! Будьте добръ, пришлите, если возможно, съ предъявителемъ сего съ пудикъ американской крупчатки: я отдамъ съ величайшей благодарностью американцамъ, — этому свободному, какъ морская волна народу, — при первомъ урожаѣ въ нашемъ государствѣ. Я занялъ у своего государства 4½ пуда, да вотъ, если вами, сіятельный графъ, будетъ уважена моя просьба, буду американцамъ долженъ 1 пудъ, и все это заплачу—даю слово, даже самому президенту Американскихъ Штатовъ.

«Съ чувствомъ глубокаго почтенія къ вашему сіятель-

ству, села Гавриловки, труженикъ учитель-псаломщикъ, не получающій ничего за свой трудъ, Аквилоновъ. — 30 марта 1892 г.».

Не правда ли любопытное посланіе? Иронія ли тутъ или правдивость,—кто разберетъ. Одно ясно изъ записки псаломщика,—что онъ такой же голодающій, какъ тысячи остальныхъ кругомъ его, учитель такой же бѣднякъ, какъ его ученики, и что въ деревнѣ, какъ я не разъ наблюдалъ, нуждаются и голодаютъ по-своему не одни крестьяне, а также и всѣ близко стоящіе къ нимъ: священники, учителя, учительницы, писаря.

Кромѣ тифа, другая страшная болѣзнь,—цынга, о которой я раньше не имѣлъ понятія и которая больнѣе тифа обидѣла и огорчила меня,—появилась въ то время. Чтобы бороться съ нею, мы выписали капусту, гороху и луку, которые роздали по столовымъ. Но, конечно, мало можно было сдѣлать съ уже запущенной, многихъ одолѣвшей болѣзнью. Къ счастью, однако, въ Патровской волости ея было всего только нѣсколько случаевъ.

Помню, въ первый разъ, когда я увидалъ цынготныхъ больныхъ, я настолько былъ взволнованъ и пораженъ ихъ видомъ, что долго потомъ не могъ успокоиться, къ большому удивленію земскаго врача сосѣдняго села, давно привыкшаго къ этой болѣзни, какъ онъ вѣроятно привыкъ къ голодному тифу и нищетѣ.

Мы вошли съ этимъ врачомъ въ небольшую деревянную избу, носившую названіе больницы для цынготныхъ.

На нарахъ лежали и сидѣли больные. Большинство ихъ были женщины. Одна женщина—помню ее, какъ ссейчасъ—маленькая, въ темномъ платкѣ, съ темными глазами стояла передо мной съ ребенкомъ на рукахъ. Ребенокъ, Боже мой, что это былъ за ребенокъ рядомъ съ нашими, откормленными, толстыми и румяными дѣтьми! Жутко вспомнить.

Синеватая блѣдность одутловатыхъ щекъ, какъ у матери, ввалившіеся, старообразные глаза, ручки, бѣлыя съ синими жилками висѣли какъ плети. Мать и ребенокъ, оба были въ цынгѣ. У матери на ногахъ,—она отвернула намъ шерстяной чулокъ и показала икру ноги,—были темно-синіе громадныя кровоподтеки. То же самое было и со всѣми остальными 8—10 больными, лежавшими здѣсь.

На печкѣ сидѣлъ мужикъ. Крупный, волосатый и черный, онъ сидѣлъ неподвижно, свѣсивъ опухшія, страшныя ноги въ лаптяхъ. Лицо его тоже опухло, какъ отъ водянки. По всему тѣлу у этого мужика были тѣ же зловѣщія страшныя черныя пятна.

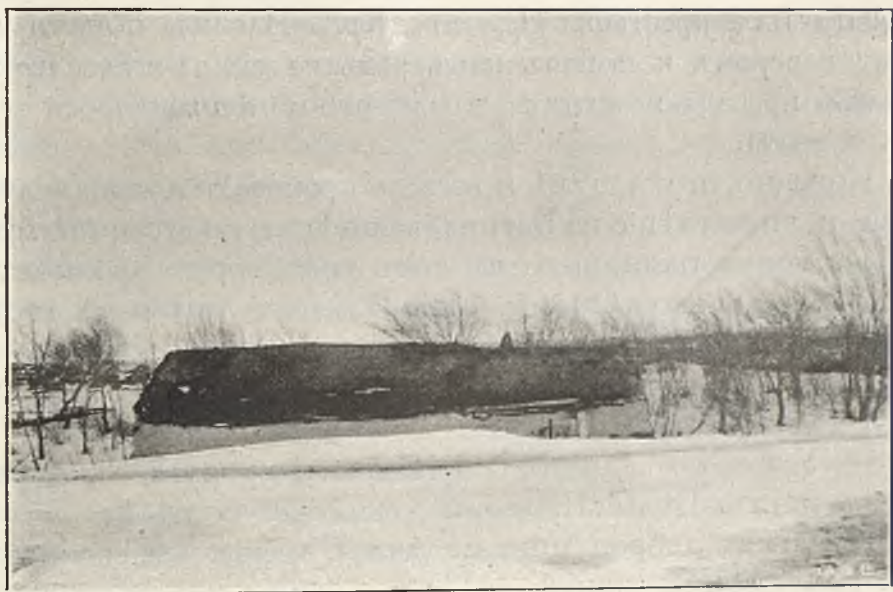
Какая-то апатія, смертельная тоска и безконечное, тяжелое, какъ камень, горе выражались на лицахъ цынготныхъ больныхъ. Они походили на какіе-то еще дышавшіе, еще двигавшіеся, но уже изуродованные, начавшіе разлагаться трупы, дожидавшіеся своего окончательнаго разложенія. И еще нѣсколько дѣтей сидѣло и смотрѣло на меня на нарахъ, сплошь заваленныхъ какими-то бабыми тряпками.

Я не выдержалъ вида ихъ и скорѣе вышелъ изъ больницы. Чувство тоски сжало мнѣ сердце.

И всѣ эти люди больны, страдаютъ только отъ того, что у нихъ хлѣба нѣтъ, что имъ ѣсть нечего, когда у насъ слишкомъ много. Кто испытывалъ это чувство самъ, чувство боли сердечной, раскаянія, негодованія на самого себя и весь міръ людской, при видѣ людскаго страданія, тотъ пойметъ и уже понялъ меня.

Въ томъ же селѣ, гдѣ была эта больница цынготныхъ, случилось около того же времени событіе съ мѣстнымъ шорникомъ, несчастнымъ пришлымъ, или «страннымъ», т.-е. чужимъ, изъ другой губерніи, мужичкомъ Семеномъ, котораго я уже описалъ отчасти въ моемъ разсказѣ: «Вечеръ во время голода».

Этотъ Семенъ въ бреду горячки перерѣзалъ себѣ горло ножомъ. Конечно, онъ сдѣлалъ это не отъ одной только горячки. Кромѣ того, что онъ былъ самъ боленъ, что жена только что встала отъ тифа, что ему ѣсть было нечего, — ему всюду отказывали въ помощи. Земство отказало ему какъ «странному», Красный-Крестъ отказалъ за неимѣніемъ средствъ; наши столовые, въ которыя двое изъ семьи Семена были записаны, пришли на помощь слишкомъ поздно.

Мазанка Семена занесенная снѣгомъ.

Къ тому времени онъ уже свалился въ тифъ. Не удивительно поэтому, что онъ даже и не въ бреду думалъ и желалъ покончить съ собой.

Цѣла ли мазанка этого Семена на берегу рѣчки Съѣзжей въ селѣ Землянкахъ; живъ ли онъ самъ; боленъ ли опять, или ходитъ? Тогда мы, слава Богу, поправили его, перевели въ другую избу, кормили. Мазанка его — это логовище звѣря скорѣе, чѣмъ человѣческое жилище. Хуже

логовниша, потому что грязнѣе, зловоннѣе, нездоровѣе. Но, говорятъ, что человѣкъ—это животное, которое ко всему привыкаетъ. Не думаю однако, чтобы я, наприимѣръ, могъ прожить въ Семеновой мазанкѣ дольше недѣли *).

Вечеромъ, наканунѣ того утра, въ которое мы узнали о томъ, что чуть не зарѣзался Семень, заѣхалъ къ намъ изъ Землянокъ нашъ пріятель, башкирецъ Нагимъ, на обратномъ пути съ базара. Я просилъ Нагима заѣхать въ Землянкахъ на почту, а также къ одному богатому землевладѣльцу изъ крестьянъ С. по дѣлу. Нагимъ попалъ къ нему вечеромъ и попалъ какъ разъ на танцы и веселье по случаю пріѣзда молодого, только-что обвѣнчавшагося земскаго врача.

Конечно, этотъ шумъ и веселье произвели должное дѣйствіе и впечатлѣніе на Нагима, человѣка чуткаго и поэтому горячо сочувствовавшего въ тотъ годъ горю народному.

— А тамъ, что дѣлается, бѣды,—сказалъ онъ намъ, входя въ избу и подавая свѣжую почту,—я скорѣй бѣжать!

И онъ лукаво улыбнулся.

— Гдѣ тамъ? Что?

— У С., тамъ дохторъ пріѣхалъ и супруга, такъ раздѣлка идетъ. Бѣды! Просто-на, скидавай портка!

И Нагимъ добродушно засмѣялся, морща все свое смуглое симпатичное лицо.

— Какъ «скидавай портка»? Что это значитъ?—смѣясь, спросилъ И. А.

— Да плясъ, танцы, вино... — сказалъ Нагимъ своимъ полунасмѣшливымъ тономъ.—Я ужъ скорѣй утекать. Земскій, стало-быть, тамъ, всѣ...

Нагимъ остался у насъ ночевать. Онъ водилъ лошадь продавать на базаръ изъ-за нужды и продалъ ее за 5 рублей. Онъ разсказалъ, что лучшія лошади стоили не дороже

*) Въ послѣднюю поѣздку мою въ Самарскую губернію, къ счастью, я нашелъ Семенову мазанку не обитаемой и узналъ, что самъ Семень живъ и здоровъ.

15—20 руб., а плохія отдавались за 5—6 р. Дѣло въ томъ, что къ этому времени кормъ скотины въ деревняхъ совсѣмъ дошелъ до конца. И тѣ даже, кто побирался на лошадахъ, надѣясь додержать ихъ до весны, должны были теперь продавать ихъ, потому что нигдѣ корму больше не подавали, а купить приступу не было.

Помню, разъ подъѣхали къ нашей избѣ въ Патровкѣ трое мужиковъ въ саняхъ на тощихъ, жалкихъ лошаденкахъ. Робко, испуганно подошли они ко мнѣ (я стоялъ на дворѣ, разговаривая съ другими мужиками) и попросили хлѣбца. Мы подали имъ.

— А можно намъ взять вотъ оскребочки эти?—спросилъ меня одинъ изъ нихъ, указывая на остатки сѣна въ углу, около нашего сарая.

Конечно, я разрѣшилъ имъ это.

Надо было видѣть, какъ набросились эти трое мужиковъ на жалкую труху, оставшуюся отъ нашего сѣна, и наперебой стали загребать ее въ охапки. Вотъ что такое нужда въ кормѣ скоту! Я увидалъ ее теперь наглядно.

Вообще въ этихъ двухъ мѣсяцахъ, въ февралѣ и мартѣ, какъ я уже говорилъ, голодъ, нужда, болѣзни и горе во всѣхъ видахъ дошли до крайняго своего проявленія.

Недостатокъ хлѣба, неимѣніе корма скоту, больные чуть ли не въ каждомъ домѣ, лютый морозъ съ метелями— всего этого вмѣстѣ было довольно, чтобы нагнать уныніе и мрачность на населеніе. Безмолвно и безлюдно было на сельскихъ улицахъ, гдѣ крутилъ буранъ чуть ли не ежедневно; безотрадно и мрачно было въ избахъ. Не было слышно ни громкихъ разговоровъ ни тѣмъ болѣе пѣсней,— въ продолженіе всего года ихъ не пѣли, всѣ чувствовали, что было не до нихъ.

Батюшка, отецъ благочинный, и наши врачи продолжали разѣзжать по больнымъ, все время напоминая собой серьезность и даже опасность положенія.

Бѣлые, досчатые, въ формѣ простой четырехугольной длинной коробки, гробы, которые ежедневно провозили мимо оконъ, еще внушительнѣе подтверждали это, говоря, что нетрудно и каждому попасть въ такой гробъ и проѣхаться въ немъ къ церкви, а оттуда на кладбище.

На фотографіи, снятой Стадлингомъ съ патровскаго кладбища того года, видно множество бѣлыхъ новыхъ крестовъ, поставленныхъ на немъ за ту зиму и весну. То же самое замѣчалось и на всѣхъ остальныхъ сосѣднихъ сельскихъ кладбищахъ. Процентъ умершихъ въ тотъ годъ сравнительно съ обыкновенными годами былъ громаденъ.

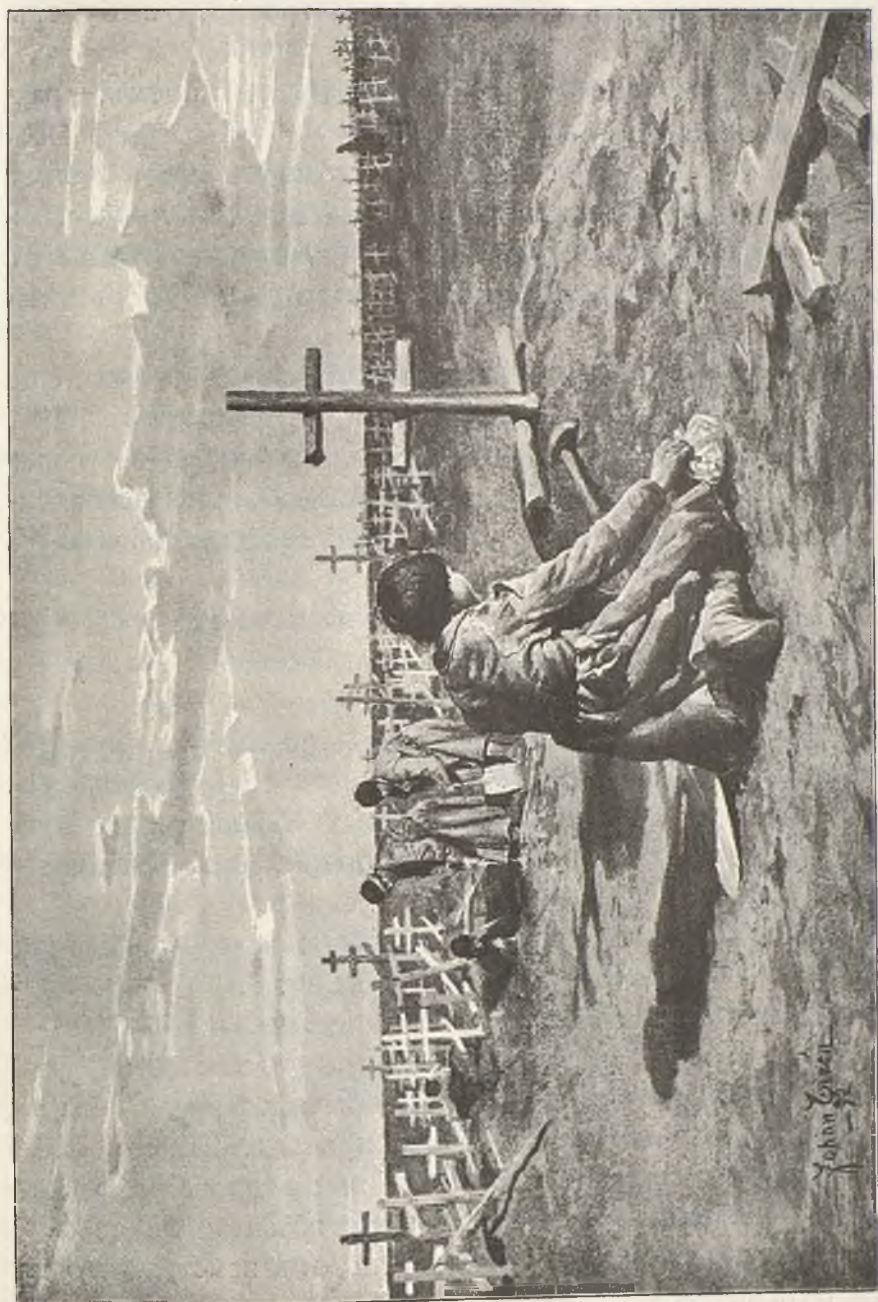
XIV.

Просыпаюсь. Только что открываю глаза, и утренніе сны, какая-то смѣсь настоящей моей жизни съ прошлой, улетаютъ изъ сознанія: сейчасъ же жизнь дѣйствительно-сти захватываетъ меня. Я только что видѣлъ во снѣ что-то про университетъ, про нашу физическую аудиторію, въ которой не было никого и не было потому, что всѣ студенты разѣхались куда-то.

Куда они разѣхались? На голодъ? Ну, да. Я такъ и думалъ сначала. Я былъ увѣренъ, что университетъ опустѣетъ, что вся Москва опустѣетъ, когда узнается страшное бѣдствіе народа.

И вотъ это дѣйствительно случилось. Пустыя лавки, пустая кафедра профессора, одинъ только бюстъ Ньютона смотритъ со стѣны. А я-то зачѣмъ пришелъ въ эту пустую мрачную аудиторію? Неужели я не уѣхалъ со всѣми туда? Я прихожу въ волненіе и просыпаюсь.

Бревенчатая стѣны избы передъ глазами, изъ нихъ сыплется на меня мусоръ съ мертвыми прусаками; сверху рѣдкія доски потолка. Голосъ И. А. слышится изъ прихожей.

Кладбище съ новыми крестами весной 1892 года.

— Я же говорю вамъ, что нѣтъ; понимаете—сейчасъ нѣтъ,—говорить онъ убѣдительно и громко,—а будетъ, сами прїѣдемъ.

— Не дайте умереть, что жъ мы дѣлать станемъ,—раздаются мужицкіе голоса въ отвѣтъ.

Я вскакиваю, нѣскоро одѣваюсь и моюсь надъ моимъ погребомъ и выхожу къ товарищу. Холодъ въ избѣ, какъ на дворѣ. Пахнетъ кизякомъ. Но самоваръ уже кипитъ въ нашей большой комнатѣ, и жена Андрея, спасибо ей, напекла лепешекъ.

— Да ты пойми, что нѣту, понимаешь—нѣту,—все еще убѣждаетъ мужиковъ И. А.,—мы бы съ радостію.

— Ахъ, Господи, — восклицаютъ мужики, — что жъ теперь дѣлать. Стало-быть, приходится вести лошаденку на базаръ! А корова и не поднимается, издыхаетъ, видно.

И въ голосъ мужика прорывается настоящее горе.

— Ну, а ты что?—спрашиваетъ кого-то И. А.

Я выхожу къ нему на помощь.

Толпа народа, какъ всегда, и въ прихожей, и въ сѣняхъ, и на дворѣ. Надо обойти ее всю. Начинаю сначала. Половина народа проситъ о кормѣ, но большинству приходится отказывать, какъ это ни обидно. Что дѣлать, этому бѣдствию мы уже не можемъ помочь.

— Ну, хоть хлѣбца дайте сколько-нибудь,—пристаютъ нѣкоторые,—бѣды. Ни себѣ ни скотинѣ.

— У васъ вѣдь въ столовые записаны.

— На этомъ благодаримъ, кабы не вы, такъ намъ умирать бы,—слышится въ отвѣтъ обычная фраза,—да не хватаетъ. Лошаденку послѣднюю продалъ. Теперь амбаришко хочу продавать. Не купите ли на дрова? А то хомутишко да телѣжонка остались. Не возьмете ли себѣ?

— Да сколько же ты получаешь отъ земства, что ты такъ нуждаешься?

— Сколько? Обыкновенно сколько—по 30 фунтовъ. Да у насъ четверо не получаютъ.

— Почему такое?

— Да я, стало-быть, да еще братъ не получаетъ,—въ работникахъ, потомъ маленькій, да прописной одинъ.

— Какой прописной?

— Да кто жъ его знаетъ. Мы сами не знаемъ, за что его прописали (прописать значило: не записать).

— А что я хотѣла съ тобой погугорить,—подходить ко мнѣ баба.

— Ваше сіятельство, общество села Орѣховки уполномочило насъ къ вашему сіятельству,—говорить солдатъ маломочный, протягивая мнѣ бумагу.

Около часа проходитъ, пока мы, наконецъ, не очищаемъ избу отъ народа.

И. А. запирается на запоръ, и мы пьемъ чай, бесѣдуя о дѣлахъ. Прежде всего надо набрать 150 подводъ, чтобы выслать ихъ на станцію за хлѣбомъ. Надо заняться новыми прошеніями, счетами, впиской новыхъ приходовъ и расходовъ, отвѣтомъ писемъ. Все это занимаетъ довольно времени. Только около полудня я могу выйти изъ дому.

На улицѣ крутитъ буранъ, завываетъ вѣтеръ. Морозъ нестерпимый, сразу за уши хватаетъ. Въ степи и въ мартѣ, когда солнце за тучами, можетъ быть лютый холодъ. Прежде всего я иду къ молодому мужику, одному изъ четырехъ выбранныхъ для провѣрки лошадныхъ и безлошадныхъ дворовъ въ селѣ. Это молоканинъ Братковъ, пріятель И. А. Списки у него уже готовы. Онъ обошелъ все село съ своими товарищами изъ двора во дворъ, спрашивая и смотря самъ. Оказалось, что на 400 крестьянскихъ дворовъ было 230 безъ лошадей. Съ осени было продано изъ села около 800 лошадей. Этого было довольно для меня. По этому примѣру можно было сдѣлать расчетъ, по которому около полумилліона лошадей должно

было погибнуть за зиму въ губерніи. Главной причиной этого была другая ошибка земства, сдѣланная при описи населенія, а именно, зачисленіе каждой головы скота крупнаго и мелкаго за извѣстное количество пудовъ хлѣба. Эта мѣра была рассчитана на прямое разореніе крестьянъ, между тѣмъ, какъ въ полтора раза увеличенная ссуда могла бы еще поддержать отчасти ихъ хозяйство.

Отъ Браткова я захожу въ нѣсколько столовыхъ. Въ первой я застаю народъ за молитвой. Съ улицы еще слышно пѣніе. Поютъ «Царю небесный» и поютъ складно, хорошо. Вхожу въ избу. Народъ видитъ меня и кланяется. Подхожу къ хозяйкѣ, которая, стоя у котла, размѣшиваетъ густой гороховый кулешъ, подправленный кукурузной мукой. Кулешъ кипитъ и вздувается буграми. Садятся за столы. Дежурные,—у насъ заведено, что каждый день двое дежурныхъ изъ столующихся помогаютъ хозяйкамъ,—берутъ чашки, и хозяйка наливаетъ въ нихъ кулешъ. Чашки разставляются по столу. Потомъ раздается уже заранѣе развѣшенный и нарѣзанный на куски хлѣбъ. Все въ порядкѣ, всѣ довольны. Начинается ѣда, сопѣніе и пыхтѣніе. Паръ отъ горячей пищи поднимается надъ столомъ.

— Благодаримъ, благодаримъ!—говорятъ голоса,—оживилъ насъ, нечего сказать, оживилъ, благодаримъ, кабы не вы...

Я выхожу изъ столовой, чтобы не смущать ихъ моимъ присутствіемъ. На улицѣ все тотъ же вѣтеръ. На буграхъ за слободой шибко вертятся крылья вѣтрянокъ. Но туда я не пойду, хотя бы и надо. И. А. жаловался, что крупно мелятъ нашу рожь.

Иду черезъ рѣчку навѣстить больную фельдшерицу. Она въ томъ же положеніи. Лежитъ среди комнаты въ забытіи, и пузырь со льдомъ на головѣ. Ея товарки или врачи по очереди дежурятъ около нея. Ее остригли бѣдную, и вмѣсто громадной темной косы теперь голая го-

лова. Только что выхожу отъ фельдшерицы, батюшка встрѣчается у воротъ. Онъ вышелъ изъ сосѣдней богатой избы. Подъ мышкой у него пирогъ, т.-е. пшеничный хлѣбъ.

— Что, батюшка, какъ болѣзнь? не лучше?

— Нѣтъ, все хуже, — отвѣчаетъ онъ, — старыхъ такъ всѣхъ косить почти, да и молодыхъ стало много порывать. Вчера 23 раза ѣздилъ съ напутствіемъ, да трехъ похоронилъ. Слышали про нашу учительницу-то, тоже свалилась, сердечная! А вонъ видите, еще дожидаются за мной. До свиданія. Что ко мнѣ не гуляете? — дружески и ласково обращается ко мнѣ батюшка на прощаньи, — заходите!

И онъ идетъ куда-то черезъ улицу, прежде передавъ полученный за требу пирогъ своему работнику.

Теперь надо зайти еще къ бѣдной учительницѣ, о болѣзни которой я слышалъ еще утромъ.

Она лежала на своей кровати въ тѣсной, но чистенькой коморкѣ училища, рядомъ съ пустой теперь классной. Какъ и фельдшерица, она была въ забытій и даже при мнѣ бредила что-то. Она болѣла одной изъ самыхъ тяжелыхъ формъ тифа, а именно — сыпнымъ. Около нея сидѣла ея мать, трогательная и растерявшаяся старушка, недавно къ ней пріѣхавшая изъ города.

— Былъ докторъ?

— Вчера былъ, да ужъ очень плоха она, горитъ ужасно, — отвѣчаетъ мнѣ старушка, — сорокъ одинъ градусъ былъ вчера вечеромъ. Боюсь... боюсь я за нее...

И лицо ея выражаетъ безпредѣльную тревогу. Глаза моргаютъ и смотрятъ на больную.

— Вамъ не нужно ли чего-нибудь?

— Лимоновъ нѣтъ ли у васъ, — робко проситъ старушка, — пить проситъ кисленькаго... А тутъ вѣдь нѣтъ ни у кого.

Я обещаю прислать лимоновъ учительницѣ, коли они найдутся у насъ, и выхожу изъ училища. Куча мыслей о томъ, что такое эти наши сельскія скромныя и одинокія учительницы, какъ нелегка ихъ негромкая и вмѣстѣ важная дѣятельность,—наполняетъ голову.

Дома я застаю все то же. Просители и просители все о томъ же. Опять надо выслушивать ихъ.

Потомъ мы обѣдаемъ, а тамъ опять дѣла и дѣла, и, наконецъ, вечеръ. Тогда нашъ сосѣдъ, старый солдатъ Коншинъ, почти каждый день является къ намъ. Громадный ростомъ, съ густымъ грубымъ басомъ, съ неуклюжими движеніями, онъ любитъ похвастаться и помянуть старину. Лицо у него рябоватое, съ длиннымъ носомъ и спутанной сѣдой бородой, которую онъ, въ минуты сознанія собственнаго величія, растягиваетъ на двѣ стороны въ видѣ бакъ. Одѣтъ онъ въ узкій худой полушубокъ и такую же шапку; онъ безлошадникъ и бѣднякъ.

Станетъ онъ, бывало, въ нашихъ дверяхъ въ живописной позѣ и пойдетъ рассказывать. Чего-чего онъ ни наговоритъ! Половину понять нельзя было, да и некогда было его слушать, но кое-что запомнилось отъ него мнѣ навсегда. Сначала начнетъ онъ о голодѣ, потомъ перейдетъ къ солдатскому своему житію, потомъ сведетъ къ мужицкому.

— Что же, — бывало, начнетъ онъ своимъ дюжимъ басомъ, увлекаясь собственной рѣчью, — вотъ я хотъ, возьмемъ. Лошадь проѣлъ, корову проѣлъ, амбаръ проѣлъ, чего же остается? 30 фунтовъ отъ комитету? Да развѣ этимъ пробавишься? Пудъ — и того на двѣ недѣли бы хватило!

Всѣ слова, а особенно слово «пудъ», выходили у Коншина точно пушечные выстрѣлы.

— Васъ не было, — продолжалъ онъ, — такъ вотъ мой мальчишка изъ-подъ сумы не вылезалъ. Да не подають! А внучата кричатъ, все хлѣба просятъ. Что дѣлать? Вый-

дешь вонъ изъ хаты, Богъ съ вами со всѣми, хотъ помн-
райте! Право. Кабы не вы... такъ... и т. д. А какъ народъ
дивится, скажу я вамъ, что вы живете здѣсь, и въ голо-
ву не возьметъ такой диковины. На что мы ему, молъ,
нужны? На что? — Стало-быть, такъ ему хочется помочь
вамъ голодающимъ дуракамъ... Да, плохіе нынче стали мы
жители. Что и говорить. Развѣ такъ мы жили съ отцомъ?
Изба большая, десять лошадей имѣли, плугъ, быковъ, а
теперь что? И куда все подѣвалось — самъ не знаю, про-
пало, исчезло все... А вѣдь первые жители, можно сказать,
были. Сперва раздѣлились, избу большую продали, маза-
нокъ этихъ налѣпили, потомъ года плохіе, ну, и конецъ.
Говорятъ, отъ лѣности народъ въ разореніе приходитъ.
Нѣтъ! Работать, говорятъ, нужно. Да развѣ мы не рабо-
таемъ? Вонъ пошли тамъ лапотники въ плотники, да тол-
ку-то мало вышло, — этимъ Коншинъ намекалъ на лѣс-
ныя общественныя работы, какъ извѣстно, плохо удав-
шіяся повсемѣстно, — себя едва прокормили, да домой всѣ
воротились. А говорятъ — лѣность. Все это за грѣхи Го-
сподъ намъ посылаетъ, — ей Богу!

— У тебя, стало-быть, много грѣховъ, Коншинъ? — спра-
шивалъ старика И. А.

— Грѣховъ? Да порядочно, — добродушно и конфуз-
ливо смѣялся Коншинъ, — грѣховъ больше, чѣмъ хлѣба...

— Какіе же? — допытывался И. А.

— Всякіе... — отвѣчалъ Коншинъ, — вотъ хотъ когда на
Кавказѣ служилъ... Да я на службѣ челоуѣкъ двадцать
этихъ самыхъ ченцовъ перерѣзалъ. А сколько мы ихъ
ауловъ пожгли, сколько скотины угнали да поѣли потомъ.
Страсть. Намъ ротные командиры сами приказывали, что-
бы не церемониться съ ними. Подъ зебры, подъ зебры
молоденькихъ-то... Ей Богу...

— Кого подъ зебры? — спросилъ И. А., не понимая
и смѣясь.

— А ченцовъ этихъ самыхъ, — продолжалъ Коншинъ съ какимъ-то вдругъ проснувшимся въ немъ остервенѣніемъ, — мало ли мы ихъ подушили!.. Разбойники, по дорогамъ грабили... Какъ же? Мы и Уму и Албека брали. Они въ Питеръ послѣдовали подъ висѣлицу... Я самъ ихъ видѣлъ... Я и государя видѣлъ. Подошелъ ко мнѣ, взялъ за пуговицу.

— Съ какого года? — спрашиваетъ.

— Съ 63-го, ваше величество.

— Почему, говоритъ, здѣсь большіе ростомъ?..

И Коншинъ продолжалъ, можетъ-быть, и сочиненную имъ исторію.

Мы слушали его невольно. И образъ его, этого интереснаго деревенскаго дикаря, до сихъ поръ остался ярко въ моей памяти. Одно время онъ выправлялъ должность деревенскаго палача въ Патровкѣ, то-есть сѣкъ народъ, и со вкусомъ рассказывалъ намъ, какъ ловко онъ умѣетъ сѣчь, ровно, ѣдко, такъ, что можетъ управлять рукой по своему желанію. Захочетъ больно ударить—будетъ больно. Не захочетъ—такъ и боли не почувствуетъ преступникъ, а со стороны кажется, что его больно бьютъ.

— Я ихъ много тутъ пересѣкъ, — хвастался Коншинъ, — какъ же! лучше меня никто не могъ!

— Это грѣхъ какой, — замѣтилъ ему И. А., — и не противно это тебѣ было?

— Съ какой практики противно? — грубо возражалъ Коншинъ, — развѣ ихъ не за дѣло сѣкутъ? Такъ и надо мошенниковъ.

Но врядъ ли онъ когда-нибудь интересовался, за что собственно, за какое дѣло онъ сѣкъ народъ. За неплатежъ ли податей, или за другое какое преступленіе.

XV.

Давно звали меня патровскіе молокане посѣтить ихъ собраніе, давно и мнѣ хотѣлось сдѣлать это, но все некогда было. Наконецъ, въ одно воскресенье, утромъ, мы пошли. Собраніе происходило въ одной просторной избѣ, на томъ самомъ порядкѣ, т.-е. слободѣ, гдѣ жилъ Симонъ Егорычъ.

На высокомъ крыльцѣ встрѣтилъ насъ молодой, румяный и красивый малый безъ шапки. Онъ снялъ съ насъ тулупы и ввелъ въ просторную горницу. Нѣсколько женщинъ и дѣвокъ, стоявшихъ на крыльцѣ, пока мы входили, вошли вслѣдъ за нами. Изба была полна народомъ, мужиками, бабами, молодыми и старыми. И на всѣхъ нихъ особенно теперь, когда они были въ сборѣ, лежалъ какой-то своеобразный отпечатокъ. Въ одеждахъ, въ манерѣ держать себя, кланяться, смотрѣть, улыбаться, — во всемъ видно было отличіе ихъ отъ православныхъ. Насъ провели въ уголъ къ столу, накрытому бѣлой скатертью, и посадили на почетныя мѣста противъ начетчика.

Начетчикомъ въ патровскомъ молоканскомъ обществѣ былъ давно знакомый мнѣ мужикъ, Василій Константиновичъ. Небольшой ростомъ, съ длиннымъ носомъ и вострыми глазами, съ степенными манерами и сознаніемъ собственнаго достоинства, онъ представляетъ характерный типъ русскаго сектанта. Лицомъ онъ похожъ на Вольтера.

— Садись, садись, — началъ онъ скороговоркой, обращаясь къ намъ и ласково улыбаясь, — давно ужъ васъ ожидаемъ.

Нѣсколько минутъ еще молчали, усаживаясь на мѣста и перешептываясь, потомъ продолжали прерванное нами чтеніе.

Читалъ рыжій блѣдный молодой мужикъ, сидѣвшій противъ насъ у стола. Читалъ онъ пятую главу отъ Мат-

ея — нагорную проповѣдь. Онъ прочелъ 28-й стихъ и остановился; Василій Константиновичъ, начетчикъ, сейчасъ же сталъ объяснять прочитанное своимъ жиденъкимъ те-норкомъ.

— Стало-быть, кто смотритъ на женщину, — началъ онъ привычнымъ заученымъ тономъ —, этакъ нечисто, не-хорошо, тотъ въ душѣ своей, стало-быть, согрѣшаетъ съ нею, потому что Спаситель велѣлъ намъ обхожденіе имѣть съ женщинами чистое, цѣломудренное.

Василій Константиновичъ вдругъ смутился, покраснѣлъ и обтеръ увлажнившійся лобъ рукой.

Рыжій мужикъ продолжалъ читать дальше. Опять съ чувствомъ прочтя стихъ, онъ замолкъ, а Василій Констан-тиновичъ пояснилъ его.

— Ежели, стало-быть, тебя постигнетъ искушеніе, — сказалъ онъ убѣдительнымъ рѣшительнымъ голосомъ, — то борись съ нимъ до послѣдней крайности. Лучше пре-терпѣвать житейскія всякія лишенія, лучше отказаться отъ житейскихъ благъ, чѣмъ душу загубить. Вотъ это-му-то и учить тутъ Спаситель. Значить, лучше глазъ вырвать изъ себя, чѣмъ все тѣло загубить геенѣ огненной.

— «И если правая твоя рука соблазняетъ тебя», — про-должалъ читать нараспѣвъ рыжій молоканинъ, — «отсѣки ее» и т. д.

Василій Константиновичъ опять пояснилъ этотъ стихъ. Но краснорѣчіе его было довольно однообразно, и тол-кованія представляли скорѣе простой перифразъ евангель-скихъ изреченій, чѣмъ какое-нибудь оригинальное ихъ объясненіе. Однако тонъ, съ какимъ Василій Константи-новичъ говорилъ простыя народныя словечки, попадавшіяся въ его рѣчахъ, все-таки придавалъ какой-то болѣе житей-скій и понятный всякому смыслъ истинамъ Христовымъ.

Чтеніе продолжалось.

Когда рыжій молоканинъ дошелъ до 39-го стиха и

прочелъ его, Василій Константиновичъ, повидимому, приготовился какъ-то особенно старательно объяснять его.

— «А я говорю вамъ: не противься злу»,—прочелъ мужикъ.—«Но кто ударилъ тебя въ правую щечку твою, обрати къ нему и другую.»

— Этотъ трудный обѣтъ заказалъ намъ Спаситель,—горячо подхватилъ Василій Константиновичъ,—мало кто можетъ исполнить его. Понятное дѣло, хорошо терпѣть обиды, за зло не платить зломъ, а все-таки рѣдко кто можетъ.

— «И кто захочетъ судиться съ тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду.»

— Вотъ тутъ уже дѣло и до рубашки дошло,—заговорилъ вслѣдъ за чтецомъ голосъ Василія Константиновича, который, повидимому, расходился все больше и больше,—ежели, къ примѣру, придетъ къ тебѣ челоуѣкъ бѣдный, неимущій, раздѣтый,—надо помочь, одѣть его... Накормите голоднаго, одѣньте нагого...

И Василій Константиновичъ долго и красно по-своему говорилъ на эту тему.

Когда 5-ая глава была до конца прочитана, собраніе поднялось на ноги, и началось пѣніе псалмовъ. Одинъ изъ молоканъ, тотъ же рыжій чтецъ, держалъ теперь въ рукахъ псалтырь, изъ котораго, выбравъ какой-то, вѣроятно подходившій дню стихъ, громко нараспѣвъ прочелъ его. Этотъ стихъ пѣніемъ подхватило все собраніе. Сначала запѣли мужскіе голоса протяжно и немного черезъ носъ, потомъ присоединились къ нимъ высокіе женскіе. Пѣли заунывно и медленно. Одинъ короткій стихъ растягивали минутъ на пять и даже больше. И оригинальный, красивый мотивъ молоканской пѣсни разливался все шире и шире, крѣпнѣ и росъ. Я слышу его сейчасъ въ ушахъ, но, къ сожалѣнію, нельзя передать его здѣсь словами. Что-то грустное и въ то же время властное и могучее

слышалось въ немъ, что-то поднимавшее васъ, захватывавшее. Но были въ немъ и некрасивости, непріятно рѣзавшія ухо, какое-то отчеканиваніе звуковъ, особенно на высокихъ нотахъ, — отчеканиваніе, иногда похожее на кряхтѣніе или вздохи. Мотивъ росъ, поднимался, потомъ вдругъ упирался во что-то, начиналъ колебаться и падалъ. Пѣніе тогда стихало и, наконецъ, совсѣмъ прекращалось. Тогда читался слѣдующій псаломъ тѣмъ же тягучимъ, под-сказывавшимъ голосомъ. Его опять подхватывали голоса.

Я слушалъ съ большимъ интересомъ молоканское пѣніе и долженъ сказать, что оно, особенно когда вы слышите его въ первый разъ, производитъ впечатлѣніе.

Я по-настоящему заслушался. Многіе изъ мужиковъ стояли теперь съ блаженно закрытыми глазами. Невольно и мнѣ захотѣлось сдѣлать то же самое: точно такъ легче было отдаваться звукамъ пѣсни и уноситься и подниматься вмѣстѣ съ ней. Я облокотился на столъ и положилъ голову въ руки. Не помню, сколько времени я сидѣлъ такъ.

Пѣніе кончилось, и я поднялъ голову. Все собраніе зашевелилось. У многихъ глаза увлажнились, и слышалось сморканіе.

Рыжій мужикъ сѣлъ къ столу и опять открылъ Евангеліе. Начетчикъ указалъ ему на 2-ю главу посланія къ Титу. Глава эта короткая, и ее опять прочли всю. Это одна изъ любимыхъ главъ молоканства, какъ предписывающая ясныя и всѣмъ доступныя и понятныя житейскія правила, которымъ молокане стараются слѣдовать. То, что говорится въ ней, «сообразно со здравымъ ученіемъ», со здравымъ смысломъ каждаго, и потому она особенно популярна. Читатель, незнакомый съ этой главой, конечно, можетъ всегда прочесть ее.

Василій Константиновичъ опять по-своему сталъ перефразировать стихи, теперь съ еще бѣльшимъ чувствомъ произнося слова.

Послѣ пѣнія псалмовъ, которыхъ назначеніе у молоканъ «веселить духъ», все собраніе еще оживилось. На лицахъ и въ глазахъ стало свѣтлѣе, начетчикъ еще сильнѣе «загорѣлся духомъ».

— Пусть старички ваши будутъ аккуратны, бережливы, степенны, благопристойны,—заговорилъ Василій Константиновичъ оживленно,—терпѣливы въ любви; старушки ваши,—чтобъ одѣвались скромно, по-просту, чтобы не судачили, сплетнями не занимались, чтобъ учили хорошему молодымъ.

— А рабовъ, работниковъ ли вашихъ или низшихъ себѣ,—говорилъ онъ дальше,—учите, чтобы уважали и слушались васъ, чтобы не прекословили, не крали и вѣрны вамъ были духомъ. Это обращеніе ко всякому человѣку, все равно и къ другимъ и къ намъ молоканамъ. Ежели дома будемъ строку блюсти, ну и здѣсь тоже окажемся братьями въ собраніи нашемъ.

Послѣ чтенія главы изъ Тита опять пѣли псалмы, но съ еще большимъ одушевленіемъ. Потомъ опять читали Евангеліе и то мѣсто, гдѣ говорится о необходимости повиновенія властямъ. Третья глава къ Титу начинается напominаніемъ о покорности властямъ.

Вѣроятно, это мѣсто было выбрано нарочно по случаю моего присутствія въ собраніи и съ желаніемъ показать мнѣ благонадежность секты въ этомъ отношеніи.

Во время собранія то и дѣло новыя, опоздавшія женщины входили въ избу и съ молчаливымъ, полнымъ достоинства и степенности поклономъ садились слѣва вдоль стѣны на лавки. Собраніе было многолюдно. Вѣроятно, около двухъ-трехсотъ человѣкъ собралось въ немъ. Конечно, ни образовъ, ничего другого, кромѣ трехъ книгъ: Евангелія, Библии и Псалтыря, не было въ горницѣ. Собраніе началось съ разсвѣтомъ и кончилось около 12-ти час. дня. Тогда Василій Константиновичъ любезно пригласилъ

силъ насъ къ себѣ чай пить. Мы пошли. Съ нами пошло еще двое приглашенныхъ изъ старыхъ и почтенныхъ молоканъ.

Василій Константиновичъ раньше жилъ хорошо, въ полномъ достаткѣ, съ быками и лошадьми, въ просторной, хорошей избѣ; теперь и онъ разорился. Быковъ уже давно нѣтъ, лошадей осталась третья часть, въ избѣ остались «однѣ стѣны»,—выраженіе, которое я часто слышалъ въ тотъ годъ, т.-е. изба-то на видъ богатая и большая, но въ ней нѣтъ ничего, кромѣ нужды,—ни скотины, ни хлѣба, ни сѣна.

За чаемъ мы говорили съ Василиемъ Константиновичемъ и другими его гостями о ихъ сектѣ, о прежнемъ ея состояніи и теперешнемъ. Они рассказывали мнѣ, но больше жаловались на свое плохое настоящее сравнительно съ прошлымъ. Причину своего разоренія они искали и видѣли въ засухахъ. Я спросилъ ихъ, подвергается ли ихъ секта преслѣдованіямъ отъ начальства и прибываютъ ли въ нее новые члены. Оказалось, что въ молоканство за послѣдніе года переходили очень немногіе, почти никто, и что переходъ этотъ связанъ съ большими трудностями. Въ прежнее же время цѣлыми семьями и даже «порядками» они отпадали отъ православія и въ знакъ этого отпаденія толпами приносили священникамъ бывшіе у нихъ въ избахъ образа. Тогда же, въ періодъ возникновенія и процвѣтанія секты, пріѣзжали къ нимъ миссіонеры; съ ними происходили открытые и горячіе бесѣды и споры въ церквахъ, о которыхъ до сихъ поръ осталось множество рассказовъ.

Вообще отъ жизни прошлаго въ Самарской губерніи дышитъ необыкновенной свѣжестью и молодой энергіей, чего не осталось и слѣда въ современной степной деревнѣ.

Хотя патровскіе молокане не жаловались мнѣ на стѣсненія и преслѣдованія ихъ, но въ ту же зиму я былъ

свидѣтелемъ того, что ихъ сектъ далеко не всегда дается какая-нибудь свобода. Ко мнѣ явилось нѣсколько человѣкъ молоканъ изъ сосѣдняго села Коржевки, прося заступиться за нихъ передъ губернаторомъ и испросить съ его стороны разрѣшеніе имъ продолжать посылать своихъ дѣтей въ ихъ отдѣльную отъ православной школу. Много лѣтъ они содержали эту свою школу, а теперь имъ вдругъ ее запрещали. Мнѣ не удалось помочь имъ.

Потомъ недавно только, а именно въ прошломъ году, преслѣдованія съ новой силой обратились на самарскихъ молоканъ; у нѣкоторыхъ изъ нихъ отняли дѣтей и отдали на воспитаніе въ монастырь. По счастію, эта мѣра оказалась печальнымъ недоразумѣніемъ, по разъясненію одного высокопоставленнаго лица, и недоразумѣніе это теперь исправлено.

Въ бесѣдѣ съ молоканами у Василя Константиновича мы узнали всѣ основанія и обычаи ихъ секты: какъ у нихъ хоронятъ и вѣчаютъ, какъ вообще они живутъ, почему они называются молоканами и т. д., и только досыта наговорившись съ ними и напившись чаю съ неизбѣжными баранками, мы, наконецъ, простились съ любезнымъ и умнымъ хозяиномъ.

Молоканами они называются потому, что въ постѣ ѣдятъ молоко; обрядъ брака у нихъ состоитъ изъ простого благословенія и въ чтеніи особой молитвы и соотвѣтствующихъ мѣстъ изъ Евангелія. Они отвергаютъ всякія внѣшности въ обрядахъ, думая подражать этимъ церкви апостольской.

Въ концѣ концовъ все-таки, насколько я могъ познаться за тотъ годъ съ сектой молоканъ, я получилъ о ней понятіе, какъ о сектѣ, отжившей свой вѣкъ и не имѣющей будущности. Конечно, на мѣстное населеніе и на господствующую нашу церковь она не имѣетъ особеннаго вліянія, да и имѣть не можетъ, какъ и всѣ другія

наши секты, если не будутъ прилагаться къ имъ мѣры, подобныя отбиранію дѣтей у молоканъ-родителей, что только возбуждаетъ среди сектантовъ недовольство и усиливаетъ ихъ религіозный фанатизмъ.

XVI.

И вотъ пришла весна—прекрасная, сильная, живительная весна, какая бываетъ только въ степяхъ.

Въ одно ясное и теплое утро мы узнали, что мелкая скотина выпущена изъ дворовъ на прилегавшіе къ селу, почернѣвшіе голые бугры.

Съ каждымъ днемъ таяло все сильнѣе. Народъ оживалъ духомъ. Начались заботы о сѣвѣ, о пахотѣ, и къ намъ являлись отовсюду съ просьбами помочь уже не въ хлѣбѣ, а въ сѣменахъ. Земство выдавало слишкомъ мало, выдавало не всѣмъ, по тѣмъ же страннымъ соображеніямъ людей, видѣвшихъ въ овцѣ и теленкѣ столько-то пудовъ пшеницы и столько-то овса. Помощь сѣменами, въ сѣвѣ, была одна изъ самыхъ пріятныхъ помостей въ тотъ годъ. Это была затрата, которая могла вернуть себя въ стократъ при хорошемъ будущемъ урожаѣ. Поэтому мы при составленіи списковъ нуждавшихся въ сѣменахъ опять не слишкомъ принимали во вниманіе и безъ того уже разорившихся такъ называемыхъ богачей и имъ давали то же.

Этой помощью народъ дорожилъ особенно. Сколько истинно благодарныхъ, осчастливленныхъ лицъ я помню, когда они, получивъ изъ амбаровъ сѣменную пшеницу, уносили, или увозили ее къ себѣ домой.

Весна однако хотя и дружная сначала, попридержалась потомъ долго тянувшимися ночными морозами. Зато днемъ, когда всходило и свѣтило во всю свою степную мощь солнце, снѣга подавались, овраги и рѣчки трогались,

и поля съ каждымъ днемъ оголялись. Самая распутица была какъ разъ на Святой недѣлѣ.

Мы выѣхали въ вечеръ подѣ Свѣтлое Христово Воскресеніе съ хутора Б. большой компаніей къ заутрени въ село Гавриловку. Въ эту ночь уже не морозило. Лошади по лощинамъ вязли и барахтались въ мокромъ снѣгу за жоръ по брюхо. Мы ѣхали кто верхомъ, кто на саняхъ. Но и такъ и этакъ было отвратительно. Хорошо былъ зато воздухъ, запаха котораго, сколько ни проживешь на свѣтѣ, не забудешь,—степной, весенній воздухъ надъ тающими снѣгами.

Видъ с. Патровки.

У заутрени въ с. Гавриловкѣ церковь была ярко освѣщена и набита народомъ. Мы остановились на квартирѣ одного изъ врачей санитарнаго отряда, Т., поселившагося въ Гавриловкѣ съ нѣсколькими фельдшерицами.

Разговляться, хотя мы и не ѣли постнаго постомъ, Б. снова пригласилъ насъ къ себѣ на хуторъ. Какъ только мы добрались до него?! Теперь дорогу уже совсѣмъ растопило, и нельзя было ступить двухъ шаговъ, чтобы лошадь не провалилась по грудь.

Врачъ Т., ѣхавшій верхомъ, помню, очутился въ ужасномъ положеніи среди степи. Лошадь его завязла по

брюхо въ мокромъ снѣгу и не двигалась дальше. Тогда Т. слѣзъ съ нея и сталъ на ноги на снѣгу, который держалъ его на дорогѣ. Но чуть онъ ступалъ шагъ, сейчасъ же самъ завязалъ по поясъ. Наконецъ лошадь онъ выпустилъ изъ рукъ, а самъ кое-какъ выкарабкался изъ снѣга и сѣлъ къ намъ въ сани.

Съ этого дня пошла уже настоящая ростепель.

Мѣстами на южныхъ пригоркахъ стало совсѣмъ сухо.

Снѣга 1892 года въ Самарской губерніи.

Разъ выѣхалъ я въ степь верхомъ просто отдохнуть и подышать вольнѣе. Было превосходное теплое утро. Жаворонки заливались, ныряя въ свѣтломъ степномъ небѣ, пахло землей, жизнью, воздухомъ. Два кроншнепа низко пролетѣли вдоль ручья и повернули въ степь. Скотина мычала на дворахъ, и вода журчала внизу въ ручьяхъ, уносясь Богъ знаетъ куда, въ море.

Я часто думалъ въ тотъ годъ, глядя на это богатство весенней воды, пропадавшей даромъ, сколько пользы она

могла бы принести, если бы задерживали ее такъ или иначе на мѣстахъ, не пуская дальше. Придетъ лѣто, и опять будутъ плакаться о влагѣ, которую сами же упустили.

Отвѣхавъ версты двѣ отъ Патровки и въѣхавъ на одинъ изъ такихъ, высохшихъ отъ солнца теплыхъ южныхъ пригорковъ, я слѣзъ съ лошади. Держа поводъ въ рукѣ, я легъ на землѣ на спину. Лошадь стала щипать пробивавшуюся уже травку. Чувство необыкновеннаго блаженства наполнило мнѣ душу. То необъяснимое весеннее волненіе отъ какой-то полноты внутренней, которое, конечно, всякій знаетъ, нахлынуло на меня. И мнѣ хотѣлось въ ту минуту вѣчно лежать такъ одному въ степи и смотрѣть на чистое небо и сознать, что все-таки есть оно, это небо, есть гдѣ-то, и, главное, будетъ, навѣрно, придетъ лучшая радостная жизнь, когда не будетъ ни жалкихъ голодающихъ, ни тифозныхъ, ни надоѣвшихъ просителей съ словами «вашего сіятельства».

— Вашего сіятельства? Отдыхаете?—вдругъ услышалъ я голоса надо мной.

Я привсталъ.

Трое мужиковъ въ полушубкахъ стояли передо мной.

— Отдыхаете въ степи?—опять проговорилъ одинъ изъ мужиковъ.—Мы къ вашей милости.

— Что?—спросилъ я.

— Да насчетъ сѣменовъ. Заставьте вѣчно Богу молить, вашего сіятельства; за что же патровскимъ дали? Мы хуже ихъ жители считаемся?

И мужикъ протянулъ мнѣ бумагу.

— Тутъ самые нуждающіе прописаны,—сказалъ онъ,—всѣмъ обществомъ отмѣчали. Удѣлите сѣменовъ. Что же, мы безъ сѣву должны оставаться?

Я всталъ, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ обратно въ село, сказавъ мужикамъ, чтобы они шли туда же, на нашу квартиру.

Не прошло и двухъ недѣль, какъ снѣга въ степяхъ почти не оставалось, лежалъ только по низамъ, и начался сѣвъ.

— Теперь «зеленая трава», теперь на «зеленая трава» вмѣстѣ съ лошадьми выѣдемъ, живы будемъ,—шутили нашъ пріятель Нагимъ, уже собравшійся перекочевать на хуторъ Б., гдѣ онъ подрядился опять въ кумысники.

У Б. уже много лѣтъ существуетъ частное кумысолѣчебное заведеніе, въ которомъ собирается каждое лѣто съ разныхъ концовъ Россіи человѣкъ 50—60 народу.

Но возвращусь къ началу сѣва, открывшагося въ степяхъ кругомъ Патровки, какъ только земля достаточно просохла.

Сѣвъ въ Самарской губерніи отличается отъ сѣва въ нашихъ среднихъ губерніяхъ прежде всего тѣмъ, что носитъ на себѣ какой-то случайный, неопредѣленный и игровой, если можно такъ сказать, характеръ. Тамъ, не такъ какъ здѣсь непременно засѣваются всѣ тѣ же полоски, только съ нихъ однѣхъ и можно ждать мужику хлѣба,—тамъ каждый старается на послѣднія деньги арендовать еще на сторонѣ хорошенькой землицы и посѣяться на ней. Сѣютъ, какъ сказано въ первой главѣ, большей частью пшеницу. Несмотря на то, что она родится гораздо хуже ржи, несмотря на то, что рожь и засухи выноситъ легче,—крестьяне все-таки предпочитаютъ ей пшеницу, какъ хлѣбъ болѣе доходный. Но такъ какъ пшеница требуетъ земли гораздо лучшей, такъ какъ она легче пропадаетъ отъ жары, то изъ года въ годъ громадная половина ея посѣвовъ не удастся. Поэтому въ Самарской губерніи прежде всего нужно, чтобы крестьяне перестали дѣлать эти свои посѣвы пшеницы на истощенныхъ земляхъ, а замѣнили бы ихъ посѣвами озимой ржи. Какъ бы внушить имъ, что у нихъ даромъ пропадаютъ и трудъ, и деньги при способахъ ихъ хозяйства и что старое время, когда дѣв-

ственная земля давала вволю при минимумѣ труда—позади? Помню, я самъ видѣлъ, какъ сѣяли мужики яровую пшеницу на своихъ полоскахъ, сѣяли подъ борону, и хотя со стороны очевидно было, что съ этихъ своихъ посѣвовъ они ничего не получаютъ, они все-таки надѣялись, что Господь имъ какъ-нибудь и что-нибудь да уродитъ.

На крѣпкихъ собственныхъ земляхъ, отдохнувшихъ нѣсколько лѣтъ, или земляхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, тоже не распаханыхъ, посѣвы пшеницы еще удаются. Но понятно, что доступъ къ такимъ землямъ возможенъ только тѣмъ немногимъ такъ называемымъ богачамъ-крестьянамъ, у которыхъ водятся деньги. Но и тѣ часто разоряются на азартныхъ посѣвахъ пшеницы.

Къ концу апрѣля наша дѣятельность дошла до своего крайняго развитія, и съ этого времени мы уже не расширяли ее, а только поддерживали.

Какъ ни радовала «зеленая трава», конечно ею одной нельзя было прокормиться народу—и столовые наши и земская выдача продолжались до іюля.

Столовые наши были раскинуты по двумъ уѣздамъ, въ селлахъ, иногда на сто верстъ разстоянія отстоявшихъ другъ отъ друга. Шире помогать было мудренно, да и нечѣмъ было.

Всѣхъ столовыхъ къ веснѣ мы насчитывали около 208, считая кругомъ по 50—60 человѣкъ въ каждой. Изъ этихъ столовыхъ большинство было въ Бузулукскомъ уѣздѣ, остальные въ Николаевскомъ. Онѣ были открыты въ 20-ти слишкомъ волостяхъ и безъ чего-то въ 100 селлахъ. Завѣдывавшими ими были или священники, или богатые, не нуждавшіеся крестьяне-землевладѣльцы и, наконецъ, мы сами.

Я еще ни разу не останавливался въ предыдущихъ главахъ на способахъ составленія списковъ столовавшихся, которыми мы руководствовались,—мнѣ не представлялось

это интереснымъ. Но, вспомнивъ ближе эту работу, я думаю, что здѣсь нелишнее будетъ сказать о ней нѣсколько словъ.

Списки нуждавшихся мы составляли разными путями. Во-первыхъ, пробовали обходить и знакомиться съ нуждой сами,—это самый неразумный и трудный способъ узнать что-либо; во-вторыхъ, отбирали свѣдѣнія о нуждѣ у мѣстнаго сельскаго начальства: писарей, старостъ и старшинъ. Этотъ способъ лучше перваго и иногда вполне годенъ, если личности этого сельскаго начальства вамъ внушаютъ довѣріе и завѣдомо на хорошемъ счету у народа; въ-третьихъ, мы провѣряли деревенскіе списки на мірскихъ сходахъ въ волостяхъ, все равно и въ другомъ мѣстѣ, что составляетъ несомнѣнно лучший способъ знакомства со степенью нужды данной мѣстности. Тутъ сходъ будетъ сначала галдѣть въ одинъ голосъ, что всѣ нуждаются, всѣ бѣдны, всѣ равно, но въ концѣ концовъ, когда вы возьмете карандашъ въ руку и начнете писать, толпа продиктуетъ вамъ черезъ свою общественную совѣсть прежде всего имена настоящихъ бѣдняковъ и будетъ называть вамъ ихъ въ самомъ правильномъ, какой только можно установить, порядкѣ, начиная съ бѣднѣйшихъ и такъ поднимаясь все выше къ такъ называемымъ богачамъ. Опять довѣріе, полное довѣріе ваше къ сходу обезпечиваетъ, безъ всякаго сомнѣнія, торжество правды и успѣхъ дѣла. Сколько разъ приходилось мнѣ такъ составлять списки нуждавшихся, и всегда потомъ, по всѣмъ провѣркамъ, и устнымъ и опытнымъ, списки эти оказывались справедливыми. Худшій же способъ узнаванія нужды, какъ я сказалъ, это личное ислѣдованіе ея, обыски по амбарамъ и клѣтямъ, заглядываніе въ печки и подполья.

Кромѣ того, что этотъ способъ противенъ и просто недостойнъ человѣка, желающаго помочь другому человеку и поэтому заранѣе устанавливающаго съ этимъ че-

довѣкомъ открытыя и основанныя на полномъ взаимномъ довѣріи отношенія,—онъ не достигаетъ цѣли тѣмъ, что при желаніи спрятать, можно всегда сдѣлать это такъ, что никто не найдетъ, и, стало-быть, съ этой точки зрѣнія обыски неразумны.

Я убѣжденъ, что навѣрно и хоронить бы не стали крестьяне, если бы мы вѣрили имъ на-слово. Съ другой стороны, тѣ, кто лежитъ въ тифѣ или цынгѣ, кто побивается, врядъ ли станутъ хоронить что-нибудь, потому что и силъ-то нѣтъ и хоронить-то нечего.

Тѣмъ не менѣе земство при провѣркѣ списковъ и установленіи земской ссуды прибѣгаетъ именно къ этимъ приемамъ обшариванія и обыскиванія несчастныхъ нищихъ мазанокъ и пустыхъ амбаровъ.

Помню, я самъ въ началѣ нашего дѣла не разъ пробовалъ такъ не довѣрять голодавшимъ, пробовалъ, желая быть добросовѣстнымъ по отношенію къ жертвователямъ и наилучшимъ образомъ употребить ихъ жертвы, заглядывать въ амбары и печи.

Какое чувство жгучаго стыда потомъ испытываешь, когда какая-нибудь изстрадавшаяся желтолицая старуха открываетъ вамъ заслонку и показываетъ въ печкѣ горшокъ съ водой, или мужикъ съ смущенной, точно виноватой улыбкой и, вѣроятно, съ болью въ сердцѣ, распакиваетъ передъ вами настежь дверь пустого своего амбаришка, который онъ завтра сожжетъ на дрова, или продастъ кулаку за безцѣнокъ.

Повторяю, лучше передать, чѣмъ не добавить въ года такихъ бѣдствій, какъ описываемый.

Лучше вдвое, втрое передать имъ, потому что имъ передать нельзя.

Что значитъ передать мужику въ наши тяжелые для него дни? Что значитъ дать слишкомъ много?

Если онъ голоденъ и вы дали ему,—онъ наѣстся; если

вы дали ему еще сытому,—онъ накормитъ жену и дѣтей; если еще,—онъ накормитъ и скотину; если будете продолжать помогать ему, онъ покроетъ раскрытую крышу избы, купить корову, которой у него нѣтъ, и такъ далѣе безъ конца.

Время пришло, когда мужикъ, построившій наши столицы и города, крѣпости и заводы, желѣзныя дороги и корабли, обмундировавшій милліоны войска, завоевавшій чужія далекія земли и т. д. и т. д., однимъ словомъ, создавшій наше внѣшнее могущество,—ослабъ. Онъ отдалъ все изъ себя и изъ той земли, которую онъ обрабатывалъ, и дальше подавать отказывается. Земля, на которой онъ сидитъ, истощена какъ и онъ и тоже не въ силахъ больше брать изъ себя. Между тѣмъ, у него нѣтъ ни достаточной свободы ни достаточныхъ занятій и умѣнія, чтобы справиться съ этой истощенной землей. И вотъ время пришло, когда мы должны широко притти къ нему на помощь. Мы должны вернуть мужику то, что у него взяли. А если сдѣлать этого уже невозможно, мы должны по крайней мѣрѣ перестать брать у него и научить, какъ сдѣлать, чтобы земля могла ему давать снова.

Тяжелое и сложное время подошло къ намъ, это несомнѣнно; признаки его налицо, и надо считаться съ ними. Поэтому, еще разъ, не будемъ жалѣть тѣхъ крохъ, которыя мы бросаемъ въ пучину народной нужды, не будемъ жалѣть передать ихъ,—этого нельзя сдѣлать,—а будемъ бояться обратнаго—не добавить, когда нужно, потому что тамъ, у корня, начинаетъ сохнуть и уже немного соковъ остается. Не будемъ жалѣть не только излишка нашего матеріальнаго достатка народу, но пойдѣмъ къ нему съ тѣми запасами умственными, какіе накопились у насъ и какіе душатъ насъ оттого, что не находятъ у насъ достаточнаго приложенія, тогда какъ тамъ нѣтъ ни книги ни знаній и все только молить о нихъ.

Меня часто поражало однако, какъ все-таки, несмотря ни на что,—ни на то, что ѣсть имъ нечего было, что не было въ дворѣ ни скотинки, въ печкѣ и желудкѣ хлѣба, что въ сырой мазанкѣ было душно и грязно,—эти голодающіе все-таки улыбались и жили.

Захожу разъ въ избенку, всю занесенную снѣгомъ, пробираюсь къ ней черезъ снѣжные, вырытые лопаткой коридоры, вышиною съ мой ростъ, отворяю дверь. Два красивыхъ молодыхъ существа сидятъ рядомъ на лавкѣ у окна. Молодой красавецъ-парень и молодая бабенка. Мужикъ сидитъ, улыбаясь, и рука его обнимаетъ плечи бабы. Это молодые, только что обвѣнчавшаяся пара. Это голодающіе, потому что они страшно бѣдствуютъ, у нихъ хлѣба только 30 фунтовъ въ мѣсяцъ отъ земства, и кромѣ этого ничего. Но они счастливые голодающіе, которымъ больше ничего не нужно. Это—любящіе другъ друга, улыбающіеся и довольные.

Я записалъ парня въ одну изъ нашихъ столовыхъ, потому что, какъ сказалъ мнѣ мѣстный священникъ, онъ замучился бѣгать по братьямъ и дядямъ, прося то хлѣба, то мучицы.

Кто бы могъ сказать, что такая пара нуждается, голодаетъ, глядя на ея полную силъ и здоровья внѣшность? Но стоитъ только вникнуть въ ея положеніе, и сразу дѣлается за нихъ жутко. Сами они, ослѣпленные своей молодой любовью, пока не унываютъ, дойдя постепенно до своего положенія и такъ же постепенно опускаясь все ниже; но свѣжему человѣку, глядя на нихъ внимательнѣе со стороны, нельзя было не ужаснуться за нихъ и за ихъ будущее. Оба эти молодые потомъ хворали страшнымъ тифомъ въ своей мазанкѣ, и оба къ веснѣ выздоровѣли.

Другой разъ, помню, засталъ я старуху, съ улыбкой и оживленіемъ рассказывавшую что-то хозяину у крыльца

одной нашей столовой. Старуха была въ лаптяхъ и съ сумой за плечами, побирушка. Я подошелъ къ ней.

— Да вотъ, что же дѣлать станешь, сроду впервые побираюсь, — говорила она радостно, — а надоть. Дѣтки, внучата дома сидятъ, ѣсть просятъ. Что жъ, я ихъ хлѣбъ буду ѣсть? Дай, думаю, лучше пойду Христовымъ именемъ пробавлюсь. Ну, вотъ и хожу.

Потомъ она добавила, качая головой и глядя на меня:

— Такъ те, кормилецъ нашъ, батюшка, такъ те, анделокъ. Эхъ, Господи!

Эта старуха тоже была счастлива по-своему. Счастлива въ своемъ горѣ и нуждѣ. Весеннее солнце ярко свѣтило и грѣло ея старыя кости, она ушла изъ дому семидесяти лѣтъ въ первый разъ побираться ради внучатъ, и сознательный подвигъ ея давалъ ей радость.

Та баба, что сидѣла на печкѣ съ дѣтьми, она тоже была счастлива въ своемъ положеніи, которое никто бы иначе не назвалъ, какъ горемъ и несчастьемъ.

Вотъ и разбирай послѣ этого, что такое счастье? Не хлѣбомъ единымъ живъ человѣкъ. Да это несомнѣнно. Эта истина подтверждается живыми примѣрами. Весь нашъ многотерпѣливый, горемычный и нищій народъ подтверждаетъ ее. Онъ, несмотря на свое горе, несмотря на нищету, по-своему часто счастливъ не весь подъ рядъ, это невозможно, исключеній много, не одинаково во всѣ года и дни своей жизни, это тоже невозможно, но все же онъ не такъ не счастливъ, какъ намъ кажется.

Одной изъ главныхъ причинъ этому служить живой, христіанскій духъ русскаго народа. Суть Христова ученія глубоко укоренилась въ его нравахъ и сердцахъ. Каждый шагъ, каждая мысль, каждый поступокъ мужика сопровождаются невольнымъ воспоминаніемъ и мыслью объ имени Христовомъ, сопровождаются безсознательнымъ вопросомъ: «такъ или не такъ это, согласно или противно Его ученію?»

И это глубокое христіанское сознаніе христіанскаго народа, и по духу своему и по вѣрѣ, служитъ главной причиною того, что онъ и горе свое принимаетъ за радость и голодъ и нищету переноситъ съ безконечнымъ смиреніемъ.

Коли не хлѣбомъ сытъ, такъ словомъ Божиимъ, и это не на словахъ, а на дѣлѣ, въ самой жизни!

Это та всемогущая, живучая, духовная сила русскаго человѣка, которая ничѣмъ не можетъ быть ни подавлена ни заглушена. Это та сила, которая спасаетъ и спасала Россію, которая отличаетъ ее отъ другихъ странъ.

Христовымъ именемъ утѣшаются, живутъ, имъ же и кормится половина народа, и въ года голодовокъ и бѣдствій не мы съ нашими сравнительно мелкими средствами спасаемъ голодающихъ и кормимъ ихъ, а кормятъ и спасаютъ другъ друга сами эти голодающіе, дѣлясь между собой послѣднимъ хлѣбомъ. Совѣсть бѣдняка, совѣсть крестьянина, у котораго немногимъ больше, чѣмъ у бѣднаго сосѣда, который самъ можетъ завтра дойти до положенія нищаго,—чутче и отзывчивѣ нашей совѣсти, совѣсти господъ, богачей, которую ничто не будитъ, а которую, напротивъ, все больше усыпляетъ и притупляетъ наша жизнь.

Совѣсть народная—это тотъ главный «комитетъ», который открываютъ въ своей средѣ голодающіе въ года бѣдствій, широко и свободно располагая имъ. Безъ этого «комитета» голодовки наши, безъ сомнѣнія, были бы въ тысячу разъ страшнѣе и въ матеріальномъ и въ духовномъ отношеніи.

XVII.

Въ началѣ этихъ записокъ сказано, что при первомъ же пріѣздѣ моемъ въ Самару, я рѣшилъ оставаться самостоятельнымъ въ дѣлѣ помощи народу, отзываясь на ну-

жду лично и непосредственно отъ себя такъ, какъ она это-
го будетъ требовать, хотя и соображаясь, конечно, съ по-
мощью земства и Краснаго Креста, однако дѣйствуя все-
таки отъ нихъ отдѣльно. Я такъ и поступалъ съ самой
осени. Всю зиму до самой весны дѣла наши шли отлич-
но, никто изъ мѣстнаго начальства не мѣшалъ намъ, а,
напротивъ, скорѣе всѣ желали содѣйствовать и содѣйстви-
вали; я уже готовъ былъ радоваться этому, какъ случи-
лась исторія, не только не достойная радости, но повергшая
насъ въ большое уныніе и грусть.

Но прежде чѣмъ рассказывать объ этомъ случаѣ, я
скажу еще нѣсколько словъ о дѣятельности нашихъ сто-
ловыхъ, которыя и были причиною непріятности. Конеч-
но, въ нашемъ дѣлѣ того года должны были быть и бы-
ли ошибки. Конечно, случалось, что мы пускали въ наши
столовые такихъ крестьянъ, которые могли бы пробиться,
прожить до новины и безъ насъ. Но такія ошибки были
неизбѣжны, хотя я лично не считаю ихъ за ошибки. Я
убѣжденъ, что всѣ тѣ, кто столовался у насъ въ столо-
выхъ, столовались не напрасно. Если и были среди нихъ
немногіе, которые и безъ насъ бы продышали, у которыхъ
оставались, кромѣ столовыхъ, какіе-нибудь другіе источни-
ки пропитанія, то и славу Богу, этому надо и можно толь-
ко радоваться. Тогда у нихъ источники эти, стало-быть,
остались цѣлыми, неизрасходованными, прибереглись на
другія насущныя надобности: сѣмена, лошадь, сбору, те-
лѣжонку и такъ далѣе безъ конца, что и требовалось
для ихъ же пользы.

Нивелировка помощи народу невозможна, какъ нивели-
ровка его благосостоянія, нивелировка отдѣльных лично-
стей, характеровъ, жизней. И если уже происходитъ и мо-
жетъ какъ-нибудь происходить уравниваніе народнаго благо-
состоянія, то оно происходитъ не отъ насъ, а изнутри самого
народа тѣмъ Христовымъ духомъ, о которомъ я говорилъ

и который дѣйствительно служить великимъ внутреннимъ уравниателемъ и силой нашей народной жизни. Намъ же, стороннимъ помощателямъ, думать о сравненіи нуждающихся и тѣхъ, кто обращается къ намъ за помощью, — невозможно. Невозможно и каждому отдѣльному просителю давать именно то, что ему нужно.

Есть одна несомнѣнная помощь для всѣхъ нуждающихся и голодныхъ — это если не хорошее, то достаточное и здоровое питаніе. Потому мы были правы, если прибѣгали, за неимѣніемъ возможности оказать какую-нибудь другую спеціальную помощь, къ этой несомнѣнной общей. Дать линіей кусокъ хлѣба, накормить въ столовой крестьянина значитъ то же, что спасти дома у него овцу, сѣнца, сѣделку, коровенку, лошаденку и т. д., значитъ поддержать его разоряющееся хозяйство. Не сдѣлать этого значитъ сдѣлать обратное. Какое же послѣ этого могло быть сомнѣніе въ пользѣ нашего дѣла, когда мы открывали гдѣ-нибудь столовые и только на бѣднѣйшихъ жителей?

Но оказалось, что не только сомнѣніе, но убѣжденіе въ обратномъ, т.-е. во вредѣ столовыхъ для населенія, еще крѣпко живетъ въ головахъ нѣкоторыхъ лицъ.

Перехожу къ этому странному и прискорбному явленію и извиняюсь за отступленіе и нѣкоторыя повторенія, которыя пришлось сдѣлать.

Итакъ, мы уже радовались, что дѣла наши шли гладко, какъ вдругъ, — именно вдругъ, какъ снѣгъ на голову, — радость и спокойствіе наши были нарушены.

Уже съ весны удалось мнѣ открыть въ Виловатовской волости, въ громадномъ селѣ Виловатовѣ, дворовъ въ 500, около 8—10 столовыхъ для бѣднѣйшихъ жителей. Наблюденіе надъ ними взялъ на себя, насколько мнѣ помнится, батюшка, онъ же повѣрилъ списки ихъ вмѣстѣ со сходомъ, какъ у насъ принято дѣлать. Повторяю еще

разъ, что разъ сходя просилъ помощи и мы поручали ему составленіе списковъ, онъ всегда дѣлалъ это наилучшимъ и наисправедливѣйшимъ образомъ. Кромѣ того, И. А. ѣздилъ въ Виловатово самъ ознакомиться съ мѣстной нуждой и нашелъ здѣсь, конечно, то же, что и вездѣ. Да и почему было быть здѣсь чему-нибудь особенному, исключительному? Благодаря чему и кому? Можетъ-быть, сосѣдству и начальству земскаго начальника, о которомъ сейчасъ пойдетъ рѣчь?

Столовые наши въ Виловатовѣ были открыты и начали благополучно дѣйствовать къ общей радости села. Это продолжалось съ недѣлю. Но вотъ про нихъ узналъ земскій. Это былъ уже другой земскій начальникъ, не тотъ, что курилъ изъ трубки и былъ у насъ въ Патровкѣ, а другой. Онъ прилетѣлъ въ Виловатово самъ, какъ мнѣ говорили, съ нѣкоторой торжественностью и даже недоумѣніемъ, и, крайне взволнованный, приказалъ немедленно закрыть всѣ наши столовые.

Въ тотъ же день я получилъ отъ рѣшительнаго земскаго начальника слѣдующее посланіе въ конвертѣ, на которомъ было написано размашистой рукой: «Предписываю такому-то волостному правленію доставить съ нарочнымъ его сіятельству графу Льву Львовичу Толстому».

Я прочелъ письмо земскаго начальника, и, признаться, сердце во мнѣ закипѣло. Вотъ это письмо цѣликомъ. Оно стоитъ того, чтобы его привести здѣсь, какъ интересный документъ въ поученіе потомству:

«Милостивый Государь, графъ Левъ Львовичъ!—Меня крайне *опечалило* то обстоятельство, что вы изволите открывать столовые въ Виловатовской волости 2-го земскаго участка безъ всякаго вѣдома для меня, земскаго начальника этого участка. Правительствомъ открыты въ гонимыхъ губерніяхъ благотворительные комитеты и сельскія попечительства, которые, *по моему глубокому разумѣ-*

нію (sic), какъ учрежденія, заключающія въ своихъ членахъ болѣе или менѣе точное знакомство съ данною мѣстностью, должны давать нѣкоторый *общій тонъ* характеру мѣстной благотворительности или, даже не давая сего послѣдняго, хотъ указывать частной благотворительности наиболѣе требующія продовольственной помощи села и деревни, а земскимъ начальникамъ вмѣнено въ обязанность заботиться о благосостояніи крестьянскаго населенія подвѣдомственнаго ему участка, между тѣмъ какъ вы, ваше сіятельство, идя въ разрѣзъ общему направленію находящагося подъ *моимъ предсѣдательствомъ* павловскаго благотворительнаго комитета и не увѣдомляя меня о вашемъ желаніи открыть въ Виловатовской волости столовую, какъ бы учреждаете этими столовыми нѣкое государство въ государствѣ. И, съ своей стороны, какъ ближайшій начальникъ надъ Виловатовской волостью, думаю, что открытіе вами столовыхъ въ этой волости (исключая с. Покровки) *ничего кромѣ вреда* (?)! для населенія въ смыслѣ *усиленія праздности* (?)! не принесетъ, съ которой потомъ придется *возиться* (?) намъ же, земскимъ начальникамъ, ибо вы въ скоромъ времени, вѣроятно, покинете Самарскую губернію.

«Вслѣдствіе всего вышеннеложеннаго имѣю честь позволить себѣ усерднѣйше просить ваше сіятельство или, если вамъ это будетъ можно, пожаловать въ мѣсто моего жительства (ст. Марычевка, Оренб. ж. д.) для совмѣстнаго обсужденія вопроса объ открытіи столовыхъ въ Виловатовской волости, или же прислать ко мнѣ туда же для той же цѣли какое-либо съ вашей стороны довѣренное лицо. Беру на себя нѣкоторую смѣлость надѣяться, что я, какъ человѣкъ окончившій курсъ въ томъ же высшемъ учебномъ заведеніи, гдѣ вы въ настоящее время изволите воспитываться, могу принести небольшую пользу въ обсужденіи вышеозначеннаго вопроса, тѣмъ болѣе,

что вопросъ этотъ такъ близко касается интересовъ 2-го земскаго участка, въ которомъ я имѣю честь состоять земскимъ начальникомъ. Дома я буду до 26 мая (кромѣ 17-го и 18-го). Въ заключеніе, оставаясь въ надеждѣ, что вы благоволите почтить настоящее мое письмо отвѣтомъ, имѣю честь покорнѣйше просить ваше сіятельство принять увѣреніе въ моемъ отличномъ къ вамъ почтеніи. Дм. Слободчиковъ».

«Общій тонъ», «глубокое разумѣніе», «ничего кромѣ вреда и усиленія праздности», «придется возиться намъ, земскимъ начальникамъ» и т. д.—всѣ слова эти мною подчеркнуты нарочно.

Не правда ли, милые слова? Каждый самъ можетъ судить по «общему» тону господина земскаго начальника о его идейныхъ и душевныхъ основаніяхъ. Мило и то, что университетъ тутъ приплетенъ зачѣмъ-то, и то, что я, молъ, вотъ преодолѣлъ всѣ его премудрости, а вы еще молокососъ, только что въ университетъ поступившій. Не къ славѣ университета хвастаются имъ такіе господа, какъ этотъ земскій начальникъ.

Въ ту минуту, подъ вліяніемъ расходившейся крови, я разорвалъ письмо и бросилъ его подъ столъ въ корзину; но, по совѣту добрѣйшаго П. А., я извлекъ его оттуда и, какъ видите, сохранилъ до сихъ поръ.

Теперь вопросъ былъ въ томъ, что же дѣлать. Нарочный, привезшій письмо отъ земскаго начальника, объяснилъ, что столовые наши всѣ закрыты и «народъ плачетъ». Я не хотѣлъ вѣрить его словамъ. Но онъ настаивалъ на ихъ справедливости. Тогда мы рѣшили сейчасъ же ѣхать сами въ с. Виловатово разслѣдовать происшествіе на мѣстѣ. Тройка была запряжена, старикъ-солдатъ Коншинъ, нашъ сосѣдъ, ѣздившій съ нами часто за кучера, сѣлъ на козлы, и мы покатили. Только что мы выѣхали изъ Патровки, какъ встрѣтили еще посланнаго ко

мнѣ, на этотъ разъ съ письмомъ отъ самарскаго губернатора. Мы остановились, и я прочелъ письмо:

«Многоуважаемый графъ Левъ Львовичъ. Не признаете ли возможнымъ пріѣхать въ Самару, чтобы путемъ личныхъ со мной переговоровъ выяснить способъ устранения нѣкоторыхъ неудобствъ, возникшихъ при устройствѣ, по вашему распоряженію, столовыхъ во 2-мъ земскомъ участкѣ Бузулукскаго уѣзда. Съ совершеннымъ къ вамъ уваженіемъ А. Брянчаниновъ».

Это письмо еще болѣе взволновало меня. Конечно, хорошо было бы поговорить со всегда внимательнымъ и справедливымъ ко всѣмъ, а главное—добрымъ, Александромъ Семеновичемъ, но мнѣ рѣшительно некогда было, да и казалось, что не такъ уже это было нужно. Я положилъ полученное письмо въ карманъ, и мы поѣхали дальше.

Проѣхавъ верстъ 60 съ короткимъ отдыхомъ, мы пріѣхали въ Виловатово и съ трескомъ подкатали къ крыльцу дома священника. Высокая фигура Коншина, сидѣвшаго на козлахъ въ красной генеральской фуражкѣ, полученной имъ отъ меня изъ одной партіи присланнаго для голодающихъ, кажется, изъ Варшавы, старого платья, тройка бойкихъ сѣрыхъ степныхъ лошадей, наши двѣ фигуры—все это подняло настоящий переполохъ въ селѣ, и бѣдный батюшка, мирно попивавшій чай на балкончикѣ своего дома, увидавъ еще издали нашъ приближавшійся экипажъ, пришелъ въ неописанное волненіе. Мы видѣли, какъ онъ и вся его семья бросились отъ насъ съ балкончика въ домъ, убирая чашки и самоваръ, точно отъ нашествія непріятеля.

Однако черезъ минуту батюшка снова вышелъ къ намъ навстрѣчу изъ дома. Онъ, съ своей стороны, подтвердилъ о поступкѣ земскаго начальника и тоже сдѣлалъ удареніе на томъ, что земскій *самъ* пріѣзжалъ закрывать наши столовые. Батюшка былъ скромный и симпатичный

человѣкъ, — обыкновенный типъ степного сельскаго священника. Онъ любезно пригласилъ насъ въ домъ и сталъ поить чаемъ. Однако я все еще не могъ успокоиться и чувствовалъ, что въ происшедшей непріятности и столкновеніи съ администраціей мнѣ непременно надо поступить такъ или иначе. Ничего еще, если бы тутъ не были замѣшаны интересы народа, сильно нуждавшагося въ Виловатовѣ, по общему голосу и батюшки и потомъ всего села, если бы непріятность эта относилась только къ моей личности, я, можетъ-быть, тогда и не обратилъ бы на нее вниманія и похоронилъ бы ее тутъ: но столовые были закрыты, народъ бѣдствовалъ, у него былъ отнятъ кусокъ хлѣба и кѣмъ же? — тѣмъ, кто приставленъ помогать и блюсти его интересы. Все это было больше чѣмъ возмутительно. Тогда я прямо изъ Виловатова отправилъ слѣдующую телеграмму самарскому губернатору:

«Самара. Его превосходительству Александру Семеновичу Брянчанинову. Быть въ Самарѣ не считаю нужнымъ. Прошу васъ сдѣлать надлежащія распоряженія къ устраненію и предупрежденію препятствій моему дѣлу частной благотворительности, которая по существу своему не должна быть стѣсняема и которой Высочайше дозволена свобода дѣйствій. Левъ Львовичъ Толстой».

Пославъ эту, можетъ-быть, молодую и слишкомъ бойкую телеграмму, я немножко успокоился духомъ.

Мы ночевали эту ночь въ Виловатовѣ у знаменитаго знахаря Кузьмича. У него чистая большая изба, скорѣе — домъ съ пріемными комнатами, диванами и зеркалами. Самъ онъ старый старикъ, сѣдой и волосатый, ходитъ за пчелами и доживаетъ свои дни съ чувствомъ оскорбленнаго самолюбія и недовольства предъ тѣми, кто эксплуатируетъ его «ефедру».

— Что жъ, ефедра безъ моихъ примѣсей и приготовленія ничего не стоитъ, та же трава, — говорилъ онъ мнѣ

съ грустью и жалобой, — надо ее сумѣть въ дѣло произвести, а такъ она безъ дѣйствія.

Разумѣется, это была неправда. Примѣсь настойки Кузьмича—та же мята или душица, не имѣющая никакихъ особенныхъ чудодѣйственныхъ свойствъ. Но не слѣдовало бы Кузьмичу огорчаться. Слава Богу, онъ богатъ довольно, все у него есть: и домъ, и хозяйство, и деньги. Какой-то англичанинъ, котораго онъ вылѣчилъ своей настойкой, даже платитъ ему ежегодную пенсію въ сколько-то фунтовъ. Кузьмичъ, выдавшій, вѣроятно, какъ доктора пробуютъ пульсъ больныхъ, тоже хватаетъ за руку своихъ пациентовъ, но не тамъ, гдѣ пульсъ, а около локтя, при чемъ онъ дѣлаетъ глубокомысленное лицо.

Мы вернулись въ Патровку.

Черезъ два дня или на другой же день послѣ нашего посѣщенія с. Виловатова туда явился опять-таки *самъ* земскій начальникъ и *самъ же* открылъ всѣ наши столовые.

Нужно ли дѣлать комментаріи къ этому единственному, но достаточному по своей характерности, непріятному происшествію, бывшему съ нами за тотъ годъ?

Комментаріи, кажется, излишни. Все же самъ собой просится, вслѣдъ за изложеніемъ этого случая, вопросъ: когда же будетъ конецъ подобному вмѣшательству администраціи въ дѣла частной благотворительности? И когда же у насъ поймутъ, что такое вмѣшательство, какъ незаконное, несправедливое и недоброе по самому существу дѣла частной помощи, разъ навсегда должно бы быть запрещено? Въ самомъ дѣлѣ, какое право имѣлъ земскій начальникъ закрывать наши столовые? Врядъ ли кто отвѣтитъ на этотъ вопросъ.

Его поступокъ могъ произвести лишь лишнюю смуту въ народѣ, лишній разъ разочаровать его въ мѣстномъ начальствѣ и даже возстановить противъ него.

XVIII.

Въ маѣ и началѣ іюня мы уже стали сокращать число нашихъ столовыхъ во многихъ селахъ; нѣкоторыя закрывались совсѣмъ, по мѣрѣ того какъ народъ самъ переставалъ нуждаться въ нихъ, уходя на заработки или работая дома, другія замѣнялись выдачей пищи на дома, что было для народа теперь удобнѣе въ бойкое весеннее время.

Весна и тепло замѣтно подняли общій духъ, и «зеленая трава», о которой мечталъ Нагимъ, произвела свое дѣйствіе.

Всходы пшеницы уже показались: нѣкоторые на хорошихъ земляхъ благопріятнѣе, большинство же на истощенныхъ и къ тому же плохо обработанныхъ земляхъ, конечно, опять не радовало.

Въ іюнѣ я уже началъ отбирать отчеты отъ завѣдывавшихъ столовыми, и, хотя нужда еще далеко не прекратилась, хотя попрежнему постоянно осаждалъ меня народъ съ разными просьбами и между прочимъ о лошадяхъ, — такъ какъ мы весной купили и по жребію роздали нѣкоторымъ безлошаднымъ купленный нами табунъ лошадей, — я рѣшилъ къ началу іюля, несмотря ни на что, прикончить все дѣло и уѣхать изъ Самарской губерніи. Если бы оставаться здѣсь еще сто лѣтъ, и то бы я не отдѣлался отъ толпы просителей. На послѣднія недѣли до новаго урожая въ селахъ, наиболѣе нуждающихся, мы заготовили впередъ запасовъ муки и приварка для столовыхъ и, такимъ образомъ могли уѣхать раньше, чѣмъ столовые наши окончательно закроются.

Вмѣстѣ съ отчетами, которые присылали мнѣ завѣдывавшіе, почти отъ каждого общества крестьянъ поступали къ намъ благодарности, необыкновенно краснорѣчиво и витіевато написанныя. Но, несмотря на это краснорѣчіе,

въ нихъ часто проглядывали искреннія и добрыя чувства къ намъ, лучше всего вознаграждавшія насъ за пережитый годъ.

Писали и благодарили насъ также многіе священники, приходамъ которыхъ мы оказывали помощь. Вотъ образчикъ нѣкоторыхъ благодарностей, полученныхъ нами отъ обществъ, отдѣльныхъ крестьянъ и священниковъ. Онъ явно доказываютъ, во-первыхъ, какъ тепло относится народъ къ людямъ, желающимъ ему добра и жалѣющимъ его, и какъ сознательно и вѣрно онъ понимаетъ дѣятельность нашу, частныхъ лицъ, какъ представителей многихъ другихъ разбросанныхъ по свѣту людей, отозвавшихся на его нужду. Вотъ, напримѣръ, первыя строки благодарственного приговора крестьянъ Патровской волости, написанныя ужъ не знаю чѣмъ вдохновеніемъ:

«Мы, такіе-то государственные крестьяне, бывъ собраны въ числѣ столькихъ-то домохозяевъ, въ присутствіи нашихъ сельскихъ старостъ, постановили изложить тѣ невыразимыя чувства благодарности, которыя запечатлѣны въ сердцахъ нашихъ» и т. д. Дальше слѣдуетъ перечисленіе всего того, что было сдѣлано для нихъ нами. Потомъ повторяется: «Поэтому мы считаемъ долгомъ благодарить Бога, не оставившаго насъ въ нашихъ бѣдствіяхъ, и непрестанно возсылать къ Нему теплыя молитвы за тѣхъ *безчисленныхъ благодѣателей* нашихъ, въ чьихъ сердцахъ теплится огонекъ божественной любви» и т. д.

Вотъ еще начальныя и заключительныя слова одной благодарности, полученной нами:

«Имѣемъ честь благодарить васъ за ваше многоцѣнное благодѣйствіе, которое такъ глубоко проникло въ наше чистосердечное мысліе» и т. д. Въ концѣ слѣдуетъ: «Прощу васъ, будьте довольны въ благодарствіи моемъ, хотя отъ малой части моего неразвитаго смысла и изъ глубины моего чувства».

Вотъ еще образчикъ благодарственнаго письма:

«Благодарность благодѣтелю нашему, помянувъ Господа нашего Іисуса Христа и государя нашего Александра III Александровича, во первыхъ строкахъ нашего письма благодаримъ тебя, Левъ Львовича Толстого, за твое попечение и духа горѣніе къ намъ голодающимъ» и т. д.,—очень длинно и все въ томъ же родѣ, все такъ же тепло и чувствительно.

Вотъ еще нѣсколько:

«По своей крайней нуждѣ, мы, Уткинъ, изволили васъ просить, ваше сіятельство, Левъ Львовичъ; вашимъ сожалѣніемъ вы сожалѣли насъ, въ нашей болѣзни не оставили, и произведена была дочь наша Анна въ больницу. За сіе сердечно благодаримъ васъ и всѣхъ могателей нашихъ, которые щедро и любезно и осторожно обращались съ нами, какъ мать со своими дѣтьми. Еще, мы, Уткинъ, благодаримъ васъ» и т. д.

Не правда ли, очень характерно? Я не выдумываю. Такъ и написано въ прошеніи:

«Мы, Уткинъ»—выраженіе, повторяющееся нѣсколько разъ.

Начало слѣдующаго приговора дышитъ необыкновенною правдивостью и прямо трогательно:

«Отъ искренняго неподдѣльнаго сердца, приносимъ вамъ благодарность въ простотѣ нашего мужицкаго невѣжественнаго обхожденія, но съ духомъ такой радости, что мы всѣ не можемъ удержаться отъ душевнаго умиленія».

Было бы слишкомъ долго перечислять всѣ тѣ безчисленные посланія, которыя мы получали за тотъ годъ. Хотя жалъ мнѣ, что многія такъ и не вошли въ эти записки, тѣмъ не менѣе читатель видитъ по нимъ, до какой степени чутокъ и добръ народъ, когда онъ чувствуетъ искреннее и чистое желаніе наше помочь ему, когда подходящій къ нему единственно съ этою цѣлью. Не разъ трогали

меня до слезъ «мужицкія невѣжественныя отъ мужицкаго простаго сердца» слова и мужицкія слезы, не разъ я умилялся вмѣстѣ съ ними, сознавая всю ихъ горемычную долю, сознавая всю важность этой ихъ доли и страданій. И эти минуты близости духовной съ народомъ остались и останутся навсегда самымъ лучшимъ и дорогимъ для меня воспоминаніемъ. Эти открытыя, полныя довѣрія лица, смотряція на тебя, отсутствіе всего мѣшающаго этому

Проѣрка списковъ.

довѣрію и общенію между нами, эта постоянная радость сознанія несомнѣнно нужнаго дѣла—все это было возможно тогда, во-первыхъ, по моему тогдашнему возрасту и настроенію, во-вторыхъ, по той свѣжести народа, среди котораго я жилъ, и отношеніямъ его ко мнѣ не какъ къ барину, а какъ къ человѣку, въ-третьихъ, благодаря неспорченному отношенію моему къ этому народу, коего прошлаго я не зналъ, а видѣлъ только его горькое настоящее.

Удивительна эта психологія!

Отчего здѣсь, въ Ясной Полянѣ, напримѣръ, хотя я уже не тотъ и никогда не буду такимъ, какимъ былъ въ Самарѣ, — отчего здѣсь я не вижу и не хочу видѣть той нужды, которую видѣлъ и искалъ тамъ? Положимъ, нужды здѣсь меньше, но все же она всегда есть. Можетъ-быть, если привезти какого-нибудь пламеннаго самарца къ намъ въ Тулу, онъ ужаснется передъ тульскою бѣднотой, къ которой мы привыкли?

Профессоръ пражскаго университета, Массарикъ, былъ у отца въ Ясной Полянѣ. Отецъ повелъ его гулять и, какъ всегда водилъ иностранцевъ, по деревнѣ. Войдя въ избу, не изъ бѣдныхъ, Массарикъ не могъ вынести вида ея бѣдности. Онъ выскочилъ на улицу и заплакалъ. А отецъ, кажется, нарочно выбралъ избу достаточную, чтобы не слишкомъ поразить профессора. Чтò же это такое? Отчего мы чужую, отдаленную отъ нашихъ жизней, нужду видимъ яснѣе, а того, что передъ глазами, не видимъ? Отъ привычки, конечно, только отъ одной этой привычки. И этимъ объясняется та странная психологія благотворительности, о которой упомянуто, состоящая въ томъ, что мы рѣдко помогаемъ тамъ, гдѣ родились, гдѣ живемъ, а всегда ищемъ и видимъ горе и страданія гдѣ-нибудь на сторонѣ, далеко отъ насъ, тогда какъ люди, стоящіе вблизи тѣхъ ужасовъ, которые мы видимъ, сами не видятъ ихъ, но зато видятъ тѣ, что среди насъ...

Съ установившеюся теплой и сухой весной количество болѣзней вокругъ насъ стало сильно сокращаться. Лежали еще тифозные и на домахъ и въ нашихъ больницахъ, но новыхъ заболѣваній не было. Лежалъ между прочими въ тифѣ врачъ Т., въ с. Гавриловкѣ. Кризисъ уже кончился, и онъ медленно выздоравливалъ. Я не разъ посѣщалъ его. У него послѣ болѣзни и съ началомъ выздоровленія совершенно пропала способность управлять

своимъ голосомъ. Такъ, напримѣръ, когда онъ иногда подзывалъ къ себѣ своего товарища врача Г., то кричалъ такъ, что было слышно въ слободѣ за рѣчкой.

— Вася, а Вася!

Вася подходилъ къ нему изъ другой половины избы и тихо спрашивалъ, что нужно.

— Дай попить,—кричалъ также дико врачъ Т.

— Да что ты орешь-то?—сдерживая улыбку, говорилъ ему милый нашъ Вася Г., сильно утомившійся и спавшій съ тѣла за время голода:—я слышу.

Вообще всѣ мы, «интеллигенты», жившіе на голодѣ, порядочно-таки спали съ тѣла и, по правдѣ сказать, съ весной уже временами тяготились нашимъ дѣломъ. Но выйдешь въ степь верхомъ, и опять хорошо станетъ на душѣ.

Мы часто выѣзжали такъ вдвоемъ съ врачомъ Г. и ѣздили на хуторъ Б. Въ степи воздухъ такъ и лѣзетъ въ грудь—цвѣты, просторъ, красота. Мы пустимъ, бывало, лошадей въ карьеръ и летимъ такъ нѣсколько верстъ; потомъ остановимъ ихъ и поѣдемъ рядомъ шагомъ и запоемъ въ два голоса: «Не искушай»... Г. пѣлъ хорошо, я могъ только вторить ему, какъ умѣлъ.

На хуторѣ Б. уже были кумысники, и мы пили съ ними кумысъ. Добрый Б. съ самаго начала «зеленой травы», желая поправить мое здоровье, присылалъ намъ съ хутора ежедневно четверть кумыса, которую мы распивали въ Патровкѣ. Но кумысъ, по-моему, только поправляетъ временно здоровье человека, послѣ того наступаетъ реакція, и затѣмъ организмъ уже не такъ крѣпокъ и устойчивъ. Я думаю, что настанетъ день, когда кумысъ будетъ признанъ медициной явно вреднымъ средствомъ, какъ вредны всѣ палліативы.

Но довольно отступлений, довольно записокъ вообще,—перехожу къ послѣднему событію нашего пребывания на голодѣ, къ нашему отъѣзду изъ Патровки.

Въ началѣ іюля всѣ отчеты мои уже были получены, я самъ составилъ нашъ общій отчетъ для напечатанія его въ газетахъ, и вотъ можно было скоро оставить Самарскую губернію.

Повторяю, хорошъ ли или плохъ ожидался будущій урожай, но я не могъ больше ни физически ни нравственно заниматься нашимъ дѣломъ и долженъ былъ его прекратить. А урожай ожидался средній.

Мы назначили день отъѣзда. Узнавъ объ этомъ, патровское волостное общество захотѣло проводить насъ съ честью. Б. передалъ намъ это. Онъ сказалъ, что патровскіе старики просятъ насъ передъ отъѣздомъ принять ихъ хлѣбъ-соль. Я спросилъ, можно ли обойтись безъ этого, но Б. нашелъ, что это было бы неловко. Мы согласились. Въ чемъ же состояли эти наши проводы?

Когда лошади уже были запряжены и стояли наготовѣ передъ воротами, толпа народа собралась вокругъ нашей избы. Принесли откуда-то столикъ и поставили его на улицѣ передъ нашею дверью. Столикъ накрыли бѣлою скатертью и поставили на него нѣсколько бутылокъ пива. Тутъ же положили большой пшеничный хлѣбъ и поставили соль въ солонкѣ. Собрались старики во главѣ со старшиной, старостами и такъ называемыми «богатѣями», тѣми же нашими знакомцами-молоканами, Василиемъ Константиновичемъ, Симономъ и Христофоромъ. Когда мы вышли изъ избы, старики пригласили насъ къ столу, и мы всѣ сѣли. Старшина, потомъ другіе мужики стали изъявлять намъ свою благодарность отъ лица всего общества. Было очень неловко. Мы повторяли ту же фразу: «не насъ благодарите, а добрыхъ людей». Мужики повторяли свое: «кабы не вы, такъ» и т. д.

Потомъ мы стали прощаться. Толпа народа теперь еще прибавилась и заполнила всю улицу и площадь. Мы простились со всѣми нашими отдѣльными знакомыми и сѣли

въ плетушку. Только теперь толпа загудѣла, произнося добрыя пожеланія и слова благодарности. Коншинъ въ своей красной фуражкѣ тронулъ лошадей, и мы покатали, махая фуражками народу, который кланялся и бѣжалъ за нами все село, вплоть до самаго поля...

Въ городѣ Самарѣ мнѣ пришлось видѣть только отголосокъ этого голода, несомнѣнное послѣдствіе его.

Я посѣтилъ холерную больницу за городомъ. Мнѣ интересно было взглянуть на холерныхъ больныхъ, которыхъ я никогда не видалъ, и испытать, насколько мнѣ будетъ непріятно близко видѣть ихъ.

У входа въ больницу меня опрыскали чѣмъ-то. Въ палатахъ лежало нѣсколько сотъ больныхъ разныхъ степеней. Но они мнѣ не показались такими ужасными, какими представлялись раньше. Одни уже выздоравливали, лежа на кроватяхъ; другіе корчились въ судорогахъ и спазмахъ, и ихъ растирали щетками фельдшера; третьи сидѣли на кроватяхъ. Только при выходѣ изъ больницы я увидѣлъ наглядно значеніе того, что дѣлалось внутри ея. Къ воротамъ подѣхало три воза, полныхъ доверху досчатыми гробами. Сторожъ сказалъ мнѣ, что часовня и мертвецкая полны труповъ, которыхъ десятками отвозили ежедневно прямо на кладбище.

У насъ въ Патровской волости и вообще внутри Бузулукскаго уѣзда были пока еще только единичные случаи заболѣваній. По берегамъ Волги и въ городахъ холера была сильнѣе.

Позднѣе она проникала и внутрь губерніи, и многіе изъ моихъ бузулукскихъ знакомыхъ стали ея жертвами.

XIX.

Переживъ голодный годъ, невольно хотѣлось всякому изъ насъ, близко соприкасавшихся съ голодавшимъ наро-

домъ, отвѣтить на слѣдующіе два основныхъ вопроса: первый—почему русскій народъ такъ часто голодаетъ? второй—какъ сдѣлать, чтобы эти голодовки его прекратились?

Если отвѣтить на первый вопросъ, отвѣтъ на второй вытечетъ изъ перваго самъ собой. Попробуемъ же прежде всего отвѣтить на этотъ первый, главный вопросъ, насъ интересующій.

Изъ записокъ моихъ отчасти уже вытекаетъ отвѣтъ на него, по крайней мѣрѣ для меня, отвѣтъ общій, который всякому, мало-мальски знающему жизнь нашего народа, ясенъ и знакомъ. Этотъ отвѣтъ заключается въ томъ, что народъ нашъ бѣдствуетъ прежде всего отъ своей темноты, заброшенности, отъ того, что онъ слишкомъ мало знаетъ, слишкомъ мало культуренъ, что мы его забыли.

Этотъ отвѣтъ невольно возникалъ предо мной послѣ пережитаго голоднаго года, и потому-то мнѣ кажется, что онъ долженъ вытекать самъ собой такъ же и изъ этихъ записокъ, какъ изъ отраженія того года. Но если внимательнѣе вдуматься въ положеніе и жизнь народа, окажется, что не одно просвѣщеніе ему нужно, не отъ одной только некультурности и первобытности своей онъ страдаетъ, а еще и отъ другихъ причинъ. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ стоитъ стѣсненность народа, неимѣніе у него необходимой для движенія впередъ свободы, неимѣніе для этого никакихъ точекъ опоры. Поэтому второй, одинаковой важности съ первымъ, отвѣтъ на вопросъ, поставленный выше,—почему народъ голодаетъ?—заключается въ томъ, что у народа нашего, кромѣ тьмы и некультурности его, нѣтъ достаточно необходимой гражданской свободы. Изъ этихъ двухъ основныхъ отвѣтовъ на вопросъ слѣдуетъ все остальное. Изъ нихъ же слѣдуютъ и понятны также отвѣты на второй вопросъ: что нужно для прекращенія нашихъ голодовокъ?

Первое, что нужно для этого,—это дарованіе окончательной свободы народу, второе—просвѣщеніе его. И изъ этихъ двухъ важнѣйшихъ средствъ, обнимающихъ собой всѣ остальные, для поднятія уровня народной жизни, неизвѣстно еще, которому изъ нихъ нужно отдать предпочтеніе. Они такъ тѣсно связаны между собой, одно настолько содѣйствуетъ другому и вызываетъ его за собой, что довольно трудно ясно разграничить ихъ. Эти два условія для благополучной общественной жизни человѣка то же, что воздухъ и свѣтъ для растенія. Чѣмъ больше у него свѣта, тѣмъ больше растеть оно и тѣмъ больше поглощаетъ въ себѣ кислорода, — и наоборотъ. Но изъ этихъ двухъ элементовъ—свѣта и воздуха—все же послѣдній занимаетъ первое мѣсто. Безъ свѣта и растеніе и человѣкъ могутъ прожить нѣкоторое время; безъ воздуха они погибаютъ сейчасъ же. Поэтому хотя свобода и просвѣщеніе связаны между собой неразрывно, но надо прежде всего обратить вниманіе на первое—на недостатокъ общественнаго воздуха у нашего крестьянина—и съ этого начать.

Всякому мыслящему и безпристрастному человѣку, желающему блага народу, понятно и извѣстно, въ чемъ прежде всего стѣсненъ мужикъ.

Онъ стѣсненъ прежде всего своимъ общиннымъ владѣніемъ, изъ котораго у него выхода нѣтъ; во-вторыхъ, стѣсненъ онъ тѣмъ, что у него нѣтъ достаточныхъ правъ и законовъ, на которые онъ могъ бы опереться. Вотъ тѣ два основныхъ и несомнѣнныхъ стѣсненія нашего крестьянина, которыя крѣпко держатъ его въ косности и темнотѣ.

Обладаніе правомъ вообще, правами на землю, какъ на личную собственность въ частности,—это тотъ главный рычагъ, посредствомъ котораго человѣкъ поднимается на первую ступень общественнаго развитія, на какую

неминуемо долженъ стать и нашъ крестьянинъ, — на ступень гражданственности. Иначе ему нѣтъ движенія.

Поэтому безъ личнаго крестьянскаго землевладѣнія, безъ перехода сознанія нашего народа отъ стаднаго къ принципу личному мы не можемъ двинуться впередъ, не могутъ и крестьяне наши почувствовать себя полноправными гражданами.

Молокане въ селѣ Патровкѣ, да и все тамошнее крестьянство, находили и находятъ до сихъ поръ, что причина голодовокъ — частыя и сильныя засухи. Но стоитъ только посмотрѣть или знать, какъ переносятъ тѣ же засухи культурныя земледѣльческія страны, и не только страны, но отдѣльныя мѣстности даже у насъ, въ Россіи, чтобы убѣдиться, что культурно обработанныя пашни и такой же рациональный уходъ за ними не знаютъ засухъ. Эти пашни орошены, защищены лѣсами, отѣнены плодовыми деревьями, разумно воздѣланы машинами, засѣяны подходящими мѣсту и климату хорошими сѣменами. Хозяева этихъ пашенъ смотрятъ на землю не такъ, какъ наши мужики. Для нихъ не земля ихъ кормилица-матушка, а они сами ея кормильцы-батюшки, они отдаютъ ей часть того, что берутъ изъ нея, ухаживаютъ за ней и тогда только ждуть отъ нея урожая. А у насъ?

Мы видѣли, какъ до сихъ поръ сѣютъ въ самарскихъ степяхъ пшеницу подъ борону и надѣются, что «Господь все-таки уродитъ». Мы видѣли голыя открытыя степи и среди нихъ, въ 20—40-верстномъ разстояніи другъ отъ друга, громадныя, скученныя и нищія села въ 400—600 дворовъ. Чего же больше? Развѣ не ясно послѣ этого то, что нужно намъ, чтобы перейти отъ всей этой неразумной, темной жизни и обстановки, отъ этихъ нелѣпыхъ первобытныхъ пріемовъ хозяйства къ болѣе разумнымъ, культурнымъ?

Это должно быть ясно каждому. Ясно и естественно, что для такого перехода прежде всего нужна свобода лич-

ности крестьянина, нужны права ему на землю и затѣмъ уже знанія, могущія руководить имъ. Ясно и естественно, что нельзя хорошо обработать пашню за 30 верстъ разстоянія отъ жилья, да еще разбитую на 20 и больше кусковъ. Нельзя, да и охоты нѣтъ! Ясно, что для того, чтобы это стало возможно, нуженъ переходъ отъ общиннаго хозяйства къ хуторскому, подворному и непремѣнно личному. Этотъ переходъ незамѣтно и медленно уже совершается въ нашихъ степяхъ, какъ и въ среднихъ губерніяхъ; но онъ, стѣсненный и задерживаемый всячески извнѣ, еще не сталъ тѣмъ общимъ неизбѣжнымъ русскимъ явленіемъ, до котораго доживутъ слѣдующія поколѣнія. Но путь, несомнѣнно,—этотъ самый.

Говорятъ, что нужда нашего народа зависитъ не отъ матеріальныхъ, а отъ духовныхъ причинъ, что для того, чтобы устранить нужду, надо прежде всего поднять духъ народа.

Конечно, это такъ, но все-таки не совсѣмъ.

Какъ же поднять этотъ упавшій духъ народный? Вотъ что всего интереснѣе. Для этого нужно устранить тѣ же матеріальныя причины и стѣсненія, вслѣдствіе которыхъ упалъ духъ.

Значитъ, отъ чего же нужда?

Отъ внѣшней, т.-е. матеріальной, стѣсненности народа, отъ причинъ матеріальныхъ, а потомъ уже и отъ духовныхъ.

Духовный упадокъ народа—это не причина нужды, а слѣдствіе ея. Причиной же является несомнѣнно та внѣшняя затрудненность и недостаточность воздуха у нашего крестьянства, о которыхъ сказано.

Очевидно, что, какъ ни поднимай духъ народа, оставляя его въ прежнихъ стѣсненныхъ внѣшнихъ условіяхъ, врядъ ли можетъ уллучшиться его матеріальное благосостояніе, о которомъ идетъ рѣчь.

Посадите американца, свободного духомъ, въ нашу общину-мѣръ, съ нашими законами и порядками, онъ, какъ ни будь свободенъ духомъ, непремѣнно потеряетъ эту духовную свою свободу подъ давленіемъ внѣшнихъ затрудненій.

Значить, надо искать причинъ нашей нужды не во внутреннихъ, а прежде во внѣшнихъ условіяхъ народной жизни, и, мнѣ кажется, тогда скорѣе мы придемъ къ разрѣшенію занимающихъ насъ вопросовъ первостепенной важности.

Говорить, что нужда народная происходитъ отъ духовныхъ причинъ, все равно, что говорить: больной, умирающій отъ недостатка воздуха и свѣта, умираетъ отъ того, что онъ палъ духомъ. Онъ палъ духомъ отъ того, что у него нѣтъ свѣта и воздуха, нѣтъ достаточнаго притока кислорода въ легкія и недостаточно сильны его кровообращеніе и біеніе его сердца, а не обратно, то-есть не отъ того у него нѣтъ воздуха и слишкомъ слабо его воображеніе, что онъ палъ духомъ. *Mens sana in corpore sano.*

Конечно, эти двѣ стороны крѣпко слиты другъ съ другомъ какъ въ жизни отдѣльной личности человѣка, такъ и въ жизни общества.

Гдѣ начинается вліяніе и воздѣйствіе одной и гдѣ—другой, трудно опредѣлить.

Вопросъ зависимости духа отъ матеріи и обратно представляетъ одинъ изъ самыхъ мудреныхъ и далеко не разрѣшенныхъ вопросовъ жизни.

Несомнѣнно однако, что столь же ошибочно забывать о сторонѣ и условіяхъ духовныхъ, сколько о внѣшнихъ, матеріальныхъ, какъ въ данномъ, такъ и въ другихъ вопросахъ.

Отсутствіе свободы личности, незнаніе своихъ правъ и законовъ, община съ ея порядками, всѣ внѣшнія тяже-

лыя условія нашего крестьянства представляютъ, конечно, матеріальныя, а не духовныя причины, держащія его въ постоянной нуждѣ и косности. На эти-то условія и надо обратить вниманіе. Тогда и духъ народа поднимется, и проснется его энергія.

Дайте, кромѣ свободы, еще одно великое орудіе культуры въ руки народу, дайте его вволю, щедро и не скупясь, — просвѣщеніе, и вамъ не придется больше заботиться о крестьянинѣ.

15-го марта 1899 г.

Ясная Поляна.

Пожалѣемъ!

Врошу помѣстить это письмо въ вашей газетѣ; оно можетъ быть причиной того, что нуждающимся станетъ хоть немного легче, немногимъ голоднымъ сытнѣе.

На-дняхъ я получилъ отъ патровскаго сельскаго общества Самарской губерніи, Бузулукскаго уѣзда письмо, со вложеніемъ приговора и прошенія отъ лица болѣе чѣмъ 500 домохозяевъ, обращающихся ко мнѣ съ просьбой помочь имъ.

Въ селѣ Патровкѣ я жилъ въ голодномъ 91 и 92 году. Вотъ, между прочимъ, что говорится въ полученномъ мною мірскомъ приговорѣ нынѣшняго года:

«Мы, крестьяне с. Патровки, приходимъ въ совершенное разоренье, такъ какъ, за неимѣніемъ въ запасъ хлѣба на продовольствіе семействъ, а для скота—кормовъ, крестьяне нашего селенія, болѣе 100 домохозяевъ, уже съ осени лишились всего домашняго скота. Захудалый отъ безкормицы скотъ свой распродали за самую ничтожную цѣну, за продажу котораго получали отъ 2-хъ до 4-хъ рублей за лошадь и отъ 5 до 6 рублей за корову, а мелкій скотъ частью порѣзали сами, частью отъ безкормицы палъ. Такая же участь ожидаетъ еще многихъ домохозяевъ» и т. д.

Потомъ дальше.

«Находясь въ безвыходномъ нашемъ плачевномъ состояніи, приходится терпѣть нужду *не въ примѣръ хуже 91 и 92 года*. Хотя мѣстное начальство наше и заботится о поддержаніи крестьянъ, но это, какъ предвидится, въ самомъ ничтожномъ видѣ и тогда, когда уже будетъ поздно. Въ виду неприступно дорогихъ для скота кормовъ крестьяне лишаются остальнымъ своимъ достояніемъ въ скотѣ, отъ чего приходятъ въ отчаянное уныніе, такъ какъ къ веснѣ болѣе половины селенія окажется безлошаднымъ. Вслѣдствіе постигшей насъ горестной участи мы обращаемся» и т. д.

Затѣмъ слѣдуютъ пятьсотъ крестьянскихъ подписей, изъ которыхъ многія имена мнѣ знакомы, какъ именно круглыхъ бѣдняковъ. Въ концѣ прошенія печать и подпись сельскаго старосты.

Получивъ такую бумагу, невольно задумаешься надъ вопросомъ: что же дѣлать, какъ быть?

Я оставилъ Патровку въ 92 году съ чувствомъ, которое до сихъ поръ ярко вспоминается мнѣ.

Что же можно сдѣлать, чтобы помочь народу? Помочь ему не временно, не палліативами, какъ столовые или раздачи муки, а помочь радикально, до конца?

И на это я отвѣчалъ себѣ, или что ничѣмъ нельзя помочь этому морю народной нужды, или можно и должно помочь столькимъ, что скоро и не расскажешь обо всемъ...

Но главное чувство, вывезенное мною изъ голодныхъ мѣстъ, было чувство безпомощности.

Уѣзжая изъ Патровки, я однако сдѣлалъ одно, что мнѣ казалось хорошимъ и нужнымъ для нея, какъ для всякой русской деревни: я устроилъ въ ней, себѣ въ утѣшеніе, народную волостную библіотеку. Нелегко это было: мѣстный земскій начальникъ цѣлый годъ продержалъ у себя книги подъ столомъ. Наконецъ библіотека была открыта.

Теперь мнѣ смѣшно вспомнить, чего я ожидалъ отъ моей библіотеки, — смѣшно и въ то же время радостно. Кабы я могъ вѣрить во что-нибудь такъ, какъ вѣрилъ тогда въ могущественное вліяніе книги на народъ! Впрочемъ, я вѣрю въ нее и теперь, но уже не такъ, какъ прежде...

Но здѣсь не мѣсто разсуждать обо всемъ этомъ, думать о томъ, почему повторяются бѣдствія, придумывать то радикальное и настоящее, что нужно народу, — не мѣсто и не время. Объ этомъ я пытался сказать въ моихъ «запискахъ» и статьяхъ противъ общины. Теперь время дѣйствовать, помогать, потому что опять подошелъ голодный годъ со всѣми своими ужасами.

Люди бѣдствуютъ, разоряются, голодаютъ, болѣютъ, умираютъ, люди просятъ помощи, — надо отозваться... Скучно опять слушать все это... Скучно и тоскливо!.. Невольно хочется спросить: «да, Боже мой, кончится ли это когда-нибудь? Будетъ ли конецъ этимъ голодовкамъ, народнымъ бѣдствіямъ?» Да, будетъ ли конецъ, Богъ одинъ знаетъ! Богъ знаетъ, какъ и чѣмъ прекратить ихъ; я же знаю пока одно—это, что совѣсть моя неспокойна, совѣсть мучаетъ меня съ тѣхъ поръ, какъ я получилъ просьбу изъ Самары, и я не могу бросить эту просьбу, забыть про нее, хотя сначала и отложилъ ее и рѣшилъ оставить безъ отвѣта. Но тогда, какъ нарочно, чтобы упрекнуть меня, случан и картины изъ прошлаго голоднаго года воскресли въ моей памяти. Я вспомнилъ его, и жутко стало думать, что опять—можетъ-быть, еще въ худшей формѣ, чѣмъ тогда, какъ пишутъ мужики,—онъ повторится и повторяется тамъ.

Какъ быть равнодушнымъ къ этому? Какъ молчать и оставаться со спокойною совѣстью въ нашей роскоши, излишествахъ и праздности, когда знаешь, что творится тамъ? Я почувствовалъ, что это мнѣ было бы трудно. И

потому я пишу это письмо. Я обращаюсь ко всѣмъ желающимъ помочь черезъ меня самарскимъ голодающимъ, обращаюсь ко всѣмъ тѣмъ, кто жертвовалъ мнѣ для нихъ въ голодномъ 91 году, съ просьбой и на этотъ разъ откликнуться. Одинъ въ полѣ не воинъ! Если у меня наберется довольно средствъ, я постараюсь и въ этомъ году по знакомымъ мнѣ нуждающимся селамъ организовать помощь, устроить столовые, раздачу муки. Ъхать сейчасъ туда, не зная, будетъ ли чѣмъ помогать, мнѣ представляется неразумнымъ, тѣмъ болѣе, что я хорошо знаю по прошлому году, что я застану тамъ. Врядъ ли положеніе крестьянъ Самарской губерніи въ общемъ перемѣнилось съ 1891 года, и если перемѣнилось, то врядъ ли къ лучшему... Поэтому въ нынѣшнемъ году, когда опять былъ полный недородъ хлѣба и травъ, уже впередъ можно представить себѣ, что тамъ дѣлается. Громадныя въ 300—500 домовъ села, изъ которыхъ $\frac{3}{4}$ крестьянъ—безлошадники и хозяева несчастныхъ врытыхъ въ землю мазанокъ... Населеніе, живущее исключительно на то, что уродитъ истощенная, плохо обработанная земля... Страшныя разстоянія между селеніями, никакихъ источниковъ помощи или заработковъ, заброшенность, беспомощность, первобытность существованія—вотъ главныя черты народной жизни тѣхъ мѣстъ, среди которыхъ я жилъ въ 1891 году. Я знаю, что и теперь я найду тамъ то же самое, услышу то же, что тогда.

Вотъ уже зима суровая, глухая. Вѣтеръ дуетъ пронзительный, холодный; сугробы намело по сельской улицѣ иногда выше домовъ. Пріѣзжаю въ село, гдѣ, слышалъ, много нужды. Иду по дворамъ. Вхожу въ мазанку, первую съ края, нагибаюсь въ дверяхъ, за мной входитъ мой товарищъ. Удушливый гнилой воздухъ пахнулъ въ лицо. Въ мазанкѣ никого не видно. На столѣ лежитъ черствая корка хлѣба, стоитъ чашка съ водой.

Гдѣ же хозяинъ?

Кто-то задвигался на печи и вдругъ оттуда выглядываетъ какое-то странное, непохожее на человѣческое существо. Оно бормочетъ что-то непонятное. Я смотрю на него и вижу что-то ужасное, отвратительное. Вмѣсто лица громадная зіяющая черная дыра, и только черепъ остался, напоминающій собой человѣка. Это—хозяинъ избы. На немъ грязная синяя посконная рубаха. Онъ увидалъ меня своими красными воспаленными глазами и спѣшитъ слѣзть ко мнѣ съ печи. Невольно я пачусь назадъ. И страхъ, и отвращеніе, и страшная жалость раздираютъ мнѣ душу. Я дѣлаю усиліе и остаюсь въ избѣ, стараюсь говорить съ изуродованнымъ, заброшеннымъ всѣми человѣкомъ, какъ съ человѣкомъ. Входитъ его семейство. Жена гнуситъ и носъ уже съ красной, замѣтно выраженной полоской на переносицѣ. Входитъ мальчикъ, лицо у него перевязано выше рта рванымъ платкомъ. Входитъ дѣвка, — она тоже больна, заражена сифилисомъ, потому что живетъ, ѣстъ и пьетъ вмѣстѣ съ родителями.

Хлѣба нѣтъ, послѣдній доѣли — вотъ главная забота этого семейства. И несчастный мужикъ рассказываетъ мнѣ страшными звуками, вмѣсто человѣческаго голоса, о своемъ горѣ.

Вотъ еще картина.

Сижу я разъ у одного священника, приходитъ къ нему баба, мы выходимъ съ батюшкой на крыльцо. Баба кидается намъ въ ноги и начинаетъ рыдать.

— Что такое, что случилось съ тобой?

Но старуха рыдаетъ, всхлипываетъ, обливается слезами и не можетъ выговорить слова. Наконецъ, она рассказываетъ, зачѣмъ пришла. У нея былъ рубль, присланный ей сыномъ изъ Уральска. Это были единственные деньги въ избѣ, которыя старуха берегла къ веснѣ — заплатить за бороновку земли. Рубль у нея былъ завязанъ въ узелоч-

кѣ, въ уголокѣ краснаго платка. Платокъ лежалъ въ карманѣ поддевки. Она вышла куда-то изъ избы, бросила поддевку на лавку, а телокъ, оставшійся въ избѣ, подошелъ и потянулъ за уголокъ платка; потомъ втянулъ его себѣ въ ротъ и сталъ жевать: тоже голодный былъ. Когда баба вернулась въ избу и хватилась, весь платокъ и рубль въ немъ были немилосердно изжеваны теленкомъ. Плача, старуха вынимаетъ изъ кармана бѣлую бумажку, разворачиваетъ ее, и мы видимъ наклеенный на этой бумажкѣ рубль, который больше похожъ на желтое старое кружево, чѣмъ на ассигнацію.

Баба все рыдаетъ. Горе ея такъ велико, что, кажется, я большаго горя не видалъ въ жизни.

— Писарь, ужъ дай Богъ ему здоровья,—плачетъ и причитаетъ старуха,—наклеилъ мнѣ вотъ кое-какъ цѣлковый на бумажку, онъ къ вамъ посовѣтовалъ притти. Не обмѣняете ли? или нельзя? Сынъ прислалъ, берегла какъ! А телокъ...

И старуха заливается горячими слезами и обѣими руками утираетъ мокрыя щеки. Никогда въ жизни я не видалъ такого горя и никогда въ жизни не воображалъ себѣ раньше, что можетъ значить для человѣка одинъ только рубль.

Отъ него зависѣлъ весь будущій годъ старухи и ея семьи, потому что на этотъ рубль она могла посвятить свой осминникъ, а кромѣ этого рубля у нея ниоткуда не было надежды. Я взялъ у нея рубль и тутъ же перемѣнилъ его, а потомъ, показавъ въ гор. Самарѣ знакомымъ, еще набралъ для старухи, помню, около десяти рублей отъ разныхъ лицъ.

Когда мѣстный священникъ передалъ несчастной старухѣ эти деньги, она не повѣрила глазамъ, не повѣрила, что свалилось къ ней съ неба такое невиданное богатство.

А вотъ еще третья картина.

Вхожу какъ-то въ избѣ въ Патровкѣ, гдѣ, говорили, есть больные. Вижу что-то странное передо мной. Весь полъ въ избѣ на этотъ разъ дощатый, густо покрытъ какимъ-то платьемъ, тряпками, одеждами.

Я все еще не разбираю хорошенько, что это такое. Потомъ вглядываюсь и вижу, что на полу лежатъ въ рядъ нѣсколько человѣкъ тифозныхъ. Одна только молодая баба стоитъ у печки. Она рассказываетъ мнѣ о своемъ положеніи. Она одна пока здорова, всѣ остальные пять человѣкъ ея семьи: мать, отецъ, мужъ, деверь, только что вернувшійся изъ службы солдатикъ, сестра дѣвка, лежатъ въ горячкѣ. Мать только что умерла. Она лежитъ крайняя къ окнамъ, и на лицо ея, смотрящее кверху, накинута что-то бѣлое.

И убрать, похоронить ее некому.

Я смотрю на эту кучу тѣлъ, на эти волосатые головы, на угнетенныя, страдальческія, осунувшіяся лица съ закрытыми ввалившимися глазами, слышу тяжелое, болезненное дыханіе, смотрю на эту молодую, безпомощную и исхудавшую бабу, стоящую передо мной, на умершую старуху, и у меня что-то тяжелое, какъ камень, подступаетъ къ горлу.

Я быстро выхожу изъ избы.

Но некогда предаваться чувствительности, надо скорѣе помогать.

Бѣгу въ больницу, къ доктору. Если есть мѣсто, прошу перевезти больныхъ, даю хлѣба рыльщикамъ, чтобы вырыли могилу умершей старухѣ.

И такъ продолжалось тогда каждый день и много мѣсяцевъ.

Тяжело вспоминать все это даже теперь, черезъ 6 лѣтъ. Тяжело и даже больше этого—мучительно.

Но вотъ я вспомнилъ хоть малую часть пережитаго и испытаннаго,—вспомнилъ, чтобы и другіе вспомнили вмѣ-

стѣ со мной, сколько страданія и горя не въ одни только голодные года въ нашей деревнѣ. И дорого облегчить эти страданія и горе, хоть немногимъ помочь такой семьѣ, какъ первая описанная мной, такой старухѣ, какъ та, у которой телокъ рубль изжевалъ, помочь семейству въ тифѣ. А сколько еще страшныхъ картинъ и разнообразностей нужды и горя! Сколько еще ужасовъ вспоминается мнѣ! Тѣ положенія, когда хлѣбъ весь вышелъ, все продано или даже не продано еще, а надо везти послѣднюю лошадь или корову на базаръ; когда не знаешь, чѣмъ будешь сытъ завтра; когда только что поправился маломальски, и опять нужно разоряться; когда избу топить нечѣмъ, холодъ, сырость; когда начинается цынга и люди пухнуть—дѣти, женщины, старики—отъ плохого питанія и т. д., и т. д.

Сейчасъ получилъ письмо изъ Самарской губерніи отъ одного моего знакомаго, который пишетъ, что тамъ уже во многихъ селахъ опять ѣдятъ хлѣбъ пополамъ съ отрубями, хлѣбъ изъ желудей и другихъ замѣстителей хлѣба, что во многихъ уѣздахъ начались эпидеміи, что смертность снова значительно усилилась, начавшись, какъ всегда съ дѣтей и слабыхъ. Можетъ-быть, вы думаете, что все это преувеличено, что это только страшныя слова. Къ несчастію, нѣтъ—это правда. Въ письмѣ называются даже села, гдѣ ѣдятъ хлѣбъ изъ желудей и лебеды, гдѣ началась цынга.

Тяжело писать это, но еще тяжелѣе было бы думать, что когда можно было помочь, мы не помогли, что когда можно было собрать и пожертвовать что-нибудь, мы не сдѣлали этого.

И потому, главнымъ образомъ, я не полѣнился написать этого письма и, если Богъ позволитъ, не полѣнюсь сдѣлать еще, что смогу.

Пусть же всякій, кто прочтетъ эту статью, сейчасъ

же, не откладывая дальше, тоже не полѣнится взять конвертъ и вложить въ него для самарскихъ хроническихъ голодающихъ, сколько кому совѣсть велитъ.

Деньги эти не пропадутъ даромъ. Сколько у насъ лишняго, ненужнаго!—давайте же отдадимъ это лишнее, освободимся отъ него для нашего же блага и облегченія.

Но это будетъ опять палліативъ? Конечно. Я уже ска-
заль, *что теперь не время думать о тѣхъ коренныхъ при-
чинахъ, почему народъ нашъ бѣденъ и голодаетъ такъ ча-
сто,—объ этомъ подумаемъ потомъ. Теперь тамъ есть не-
чего людямъ. Вотъ въ чемъ ужасъ.*

Поможемъ же имъ дружнѣе, поможемъ и пожалѣемъ и не будемъ забывать этого нашего чувства жалости къ нимъ, которое одно въ состояніи найти способы, могу-
щіе навсегда прекратить наши народныя бѣдствія.

И намъ придется найти ихъ, чтобы намъ же самимъ стало радостнѣе на душѣ, чтобы легче дышать. *А то ужъ очень жить тяжело.*

А пока, чтобы стало это легче, есть одинъ только способъ—это подумать о нихъ, о тѣхъ, у кого ѣсть не-
чего, накормить ихъ.

Ясная Поляна.

Осень 1898 г.

О пожертвованіяхъ.

Вслѣдствіе моего письма, напечатаннаго въ «Спб. Вѣд.», я получилъ слѣдующія пожертвованія въ пользу нуждающихся крестьянъ Самарской губерніи:

Отъ неизвѣстнаго 10 р., отъ неизвѣстной 25 р., отъ дѣвочки, приславшей *послѣднія свои деньги*, 1 р. 50 коп., отъ служащихъ въ дѣтскомъ пріютѣ Калпаева 11 р. 50 к., отъ М. Шамрая 1 р., отъ Е. Базинъ 5 р., отъ А. Смирнова 1 р., отъ Е. Шумяковского 3 р., отъ неизвѣстнаго 5 р., отъ П. Котова 2 р., отъ Добромыслова 15 р., отъ К. Беренштамъ 8 р., изъ Богородицка 12 р., отъ неизвѣстнаго 5 р., отъ неизвѣстнаго 3 р., отъ Ежова 7 р., отъ сослуживцевъ въ особ. отд. двор. банка 20 р., отъ г. Рожановичъ 5 р., отъ С. Пашовской 10 р., отъ Х. И. Ф. 5 р., отъ Т. Филиппова 100 р., отъ Гофманъ 2 р., отъ Ив. Смирнова 2 р., для голодныхъ дѣтей отъ дѣтей 3 р., отъ преподавателей горескаго земледѣльческаго училища 30 р., черезъ редакцію «Смоленскаго Вѣстн.» отъ гг. Философовыхъ 100 р., отъ редакціи 21 р. и разныхъ лицъ 14 р., отъ неизв. 1 р., отъ врачей и директора кутаисской больницы д-ра Топурія 60 р., отъ Валинскаго 5 р., отъ В. Кирхнеръ 28 р., отъ Пацановскаго 2 р., отъ Костальской 2 р., изъ г. Рима 5 р., отъ Ив. Мих. Трегубова изъ Гробина 10 р., отъ фельдшера и акушерки Флоровыхъ 3 р., отъ М. Месаксуди 15 р., отъ О. П—вой серебр. всцей на 20 р., отъ семьи Комаровскихъ 10 р., отъ садов. зав. Беръ

19 р. 50 к., отъ Л. Шапира изъ Геническа 100 р., отъ 13 роты Полоцкаго полка, отказавшейся въ день Рождества отъ винной порціи 5 р. 50 к., отъ проф. Ив. Ив. Янжула 100 р., отъ инспектора 2-й гимназіи Эргарта 15 р., отъ Льва Карловича 4 р., отъ А. Смирновой 3 р., отъ Императорскаго вольнаго экономическаго общества 300 р., отъ Славы, Игоря и Оли 3 р., отъ А. Бриксъ 10 р., отъ О. Давыдовой 3 р., отъ Шуни, Зины и Маруси Ковальдти 5 р., отъ Л. Юниной 10 р., отъ служащихъ одесской мѣщ. управы 10 р. 10 к., отъ В. Кузьмина 5 р., отъ В. Швецовой 3 р., отъ г. Самсонова 5 р., отъ г. Зиновьева 100 р.

Всего 1.289 р. 10 коп.

Этимъ отчетомъ я, во-первыхъ, увѣдомляю жертвователей о полученіи денегъ, такъ какъ многіе просили объ этомъ, во-вторыхъ, говорю имъ спасибо.

На полученныя средства я предполагаю возможнымъ прокормить до новины около 250—300 человѣкъ въ столовыхъ, которыя будутъ открыты сначала въ Патровской волости.

Если считать, что въ день нужно $1\frac{1}{2}$ фунта хлѣба на человѣка, то на 5 мѣсяцевъ, т.-е. на 150 дней, нужно на одного человѣка 225 ф., или 5—6 пуд. хлѣба, что составитъ муки около 4—5 пудовъ. Пудъ же муки стоитъ теперь въ Самарѣ 80 копеекъ. Стало быть, одинъ человѣкъ въ столовой будетъ стоить до іюня рубля четыре. Триста человѣкъ $4 \times 300 = 1.200$ рублей. Это — кромѣ приварка, подвоза хлѣба со станціи, топлива и другихъ мелкихъ расходовъ. Стало-быть, все-таки около 300 человѣкъ той волости, о которой я писалъ, на присланныя деньги будутъ если не вполнѣ обезпечены до новаго урожая, то получатъ кусокъ хлѣба съ жидкимъ горячимъ приваркомъ — помощь, могущая спасти не одну голодную душу отъ унынія, болѣзни, а можетъ-быть, и смерти... Это и нужно было, хотя рядомъ съ Патровской волостью все такая же голодная волость, все такая же бѣдность и нужда на сотни

версть кругомъ. Я это знаю хорошо и потому не могу забыть объ этомъ. Я знаю, что цынга и брюшной тифъ если уже не начались тамъ, то начнутся не нынче - завтра; знаю, что тогда уже никакіе санитарные отряды не останвятъ ихъ; знаю, что на тысячи душъ населенія въ Самарской губерніи приходится одинъ только врачъ; знаю, изъ какой голодной голи состоятъ эти десятки тысячъ человѣкъ русскихъ гражданъ, о которыхъ мы постоянно забываемъ и всячески стараемся забыть.

Въ газетахъ и обществѣ часто высказывается взглядъ, что частная благотворительность не только излишня, но вредна и развращаетъ народъ; что слѣдуетъ помогать народу только черезъ одну Церковь, какъ представительницу Христову, откуда и должны исходить всякая помощь и утѣшеніе.

Трудно увидеть что-либо развращающее въ томъ, что человѣкъ подаетъ другому голодному человѣку кусокъ хлѣба; но ужъ если видѣть въ этомъ вредъ, нужно прежде, чтобы помощь этому голодному шла въ достаточной мѣрѣ изъ другихъ источниковъ. А мнѣ кажется, что, наоборотъ, только общественная помощь черезъ общественное сознаніе и есть помощь настоящая, живая. Только она можетъ до конца и навѣрняка поправить положеніе народа.

Если мы будемъ помнить постоянно, среди чего мы живемъ, коли будемъ чаще и внимательнѣе вглядываться въ жизнь народа, мы не потеряемъ нити съ нимъ и тогда не доведемъ его до окончательнаго отчаянія и паденія. И только тогда мы будемъ немножко правы и сможемъ во-время поддержать его.

Если же мы позволимъ себѣ успокоиться, забыть о немъ и скажемъ себѣ, что тамъ кто-то за насъ заботится о народѣ, а намъ можно не думать о немъ и со спокойной совѣстью сидѣть по домамъ, мы будемъ не только не добры и не правы по отношенію къ нему, но главное—по отношенію къ себѣ, потому что если есть и можетъ быть

что-нибудь скрашивающее нашу господскую жизнь, особенно русскую господскую жизнь, и дающее ей смыслъ, такъ это — забота и мысль о тѣхъ, кто насъ кормить, и общественное служеніе имъ.

Жутко думать, что находятся люди, думающіе и говорящіе, что помогать народу не нужно, что голодныхъ кормить вредно, что это ихъ развращаетъ. Зачѣмъ говорить это люди?

Пусть помогаетъ нуждающимся Церковь, — отъ этого не можетъ быть ничего, кромѣ блага. Въ голодномъ 1891 г. священники были лучшими моими сотрудниками въ Самарской губерніи, и только благодаря имъ и полному довѣрію къ нимъ, я могъ расширить дѣло помощи до крупныхъ размѣровъ. Правда, что никто лучше священниковъ не знаетъ, кто въ деревнѣ бѣденъ, кто съ достаткомъ. Въ нынѣшнемъ году я также надѣюсь на ихъ участіе. Но, во-первыхъ, у священниковъ и безъ того заботъ и дѣла много; во-вторыхъ, есть положеніе и эпохи, переживаемыя народомъ, — эпохи экономическихъ кризисовъ, когда нельзя стѣснять помощи народу, отъ кого бы и какъ бы она ни исходила. Надо, напротивъ, всячески поощрять ее, всячески привлекать къ ней общественное вниманіе и силы, чтобы легче пережить трудное время. И такое время несомнѣнно переживаемъ мы съ нашими постоянными голодовками, съ острой, ставшей хронической, нуждой народной. Мы выберемся изъ него только незабываніемъ этой нужды, посильными и общими усиліями для борьбы съ ней, изученіемъ ея причинъ и рядомъ преобразованій въ народной жизни, долженствующихъ поставить ее на новый путь. По окончаніи дѣла помощи голодающимъ нынѣшняго года я надѣюсь написать болѣе подробный отчетъ объ израсходованныхъ мною деньгахъ, а также включить въ списки жертвователей имена, не вошедшія въ этотъ отчетъ.

Мой отчетъ.

тъ 6 января по 24 апрѣля мной получены пожертвованія для голодающихъ крестьянъ Самарской губернии отъ слѣдующихъ лицъ: отъ начал. Янов. уѣзда 30 р., кр. Терезина 25 р., Черевиковой 2 р., Корина 25 р., черезъ «Закасп. Обзор.» отъ нижнихъ чиновъ геоктеп. резерва и офицеровъ, отказавшихся отъ годового праздника, 250 р., отъ частныхъ жертвов. черезъ ту же газету 35 р., отъ служащихъ т-ва Локалова 130 р., «Смол. Вѣст.» 25 р., Рубіо (отъ врачей) 31 р., отъ Любимскаго (собр. на унив. ираздникѣ) 74 р. 50 к., отъ кап. Обручева 36 р. 50 к., Суханова 3 р., А. Ф. 13 р., Шевцова 2 р., А. К. Минской 10 р., Шимонской 3 р., Билибина 5 р., разныхъ лицъ села Ольшанки 9 р., служ. агенства «Кавк. и Мерк.» 150 р., Коли и Вѣры 3 р., отъ Ю. И. и О. Ф. 3 р., Троцкой 15 р., неизв. 5 р., Яновскаго 2 р., «Смол. Вѣст.» 35 р., М. и А. 2 р., Н. Мартемьяновой 6 р., Ефимова 5 р., неизв. 10 р., С. Волкова черезъ Богдановича 25 р. 50 к., Завьяловой 15 р., Г. Сно 3 р., отъ англич. Swau 18 р., отъ «Смол. Вѣст.» 15 р., Дометовскаго 10 р., свщ. Шев. 6 р., Нины, Гари и Бори 2., серпухов. зем. город. больницы 7 р. 15 к., Машанскаго 31 р. 75 к., учен. гимн. Исаева 32 р., «Русск. Вѣд.» 43 р., служащ. сл. сборовъ Юго-Запад. дор. 8 р. 50 к., «С.-Пет. Вѣд.» 10 р., проф. Буличъ 3 р., неизв. 3 р., неизв. 5 р., О. Васильевой и ея сестры 31 р., «С.-Пет. Вѣд.»—для дѣт. столов. 10 р., ред. газ. «Асхабадъ» 12 р.,

Чарпан'а 6 р., «Одес. Вѣд.» 9 р. 97 к., «Русск. Вѣд.» 9 р. 22 к., Черноусова 2 р., Г. Гайнеевской 10 р., О. О. Павловской 5 р., Льва Карловича 1 р., Хабаровой 22 р., черезъ «С.-Пет. Вѣд.» отъ англич. Грина 903 р. 15 к., разныхъ лицъ 186 р. 90 к., Л. Н. 3 р., Шуми 3 р., неизв. 79 р. 41 к. Всего 2.476 р. 55 к., а съ прежними—3.765 р. 65 к. Полученныя деньги израсходованы слѣдующимъ образомъ.

Въ Патровской волости, Бузулукскаго уѣзда, открыто въ трехъ селеніяхъ 9 столовыхъ. Изъ нихъ въ с. Патровкѣ—5 на 385 человѣкъ, въ с. Гавриловкѣ—3 на 150 чел., и въ Новотроицкомъ—3 на 165 человѣкъ, всего на 700 человѣкъ. Хлѣбъ въ столовыхъ печется хорошій: изъ ржи и пшеницы пополамъ, кулешъ варится изъ пшена или гороха съ приваркомъ мяса или сала. На человѣка, мы считаемъ, расходуется въ столовыхъ 4 коп. въ день. Это составитъ приблизительно 2.500 рублей для всѣхъ столующихся, считая до іюня. Наблюдаетъ за столовыми А. А. Бибииковъ, членъ самарскаго частнаго кружка. Имъ же закупленъ для нихъ провіантъ. Бибииковъ арендуетъ недалеко отъ Патровской волости казенный участокъ земли и, какъ мѣстный житель, хорошо знаетъ сосѣдній народъ. Поэтому никто лучше его не могъ провѣрить списки принятыхъ въ столовые.

Впрочемъ, бояться того, что въ нихъ попадутъ богачи, нечего. Во-первыхъ, и богачей не осталось; во-вторыхъ, крестьянскія общества сами этого никогда не допускаютъ. Крестьянское общественное мнѣніе лучше всякихъ провѣрокъ съ нашей стороны выбираетъ наиболѣе нуждающихся въ помощи, когда помощь эта предлагается. Кромѣ того, въ каждомъ изъ селеній, гдѣ нами открыты столовые, назначены ближайшіе завѣдывающіе ими изъ мѣстныхъ людей. Въ Патровкѣ завѣдываетъ Назаръ Орловъ, хорошо грамотный крестьянинъ, бывший прежде старшиной, а те-

перь самъ разорившійся домохозяинъ; въ Гавриловкѣ завѣдываетъ сельскій учитель Оед. Вас. Дружининъ, молодой человѣкъ, хорошо знакомый съ мѣстной нуждой и народомъ; въ Новотроицкомъ—также мѣстный житель изъ крестьянъ.

Завѣдывающими тщательно провѣряются списки столующихся, и, конечно, ими не принимаются тѣ, которые могутъ обойтись безъ нашей помощи.

Изъ полученныхъ мной и помѣченныхъ выше денегъ передано и послано А. А. Бибикову 2.762 рубля 50 коп. Изъ нихъ израсходовано пока Бибиковымъ 2.500 рублей; остальные 262 р. 50 коп. мы рѣшили, если понадобится, употребить на расширеніе столовыхъ или же на плату за бороновку земли весной безлошаднымъ крестьянамъ Патровской волости.

Еще послано мной Еф. Дан. Трипольскому, городскому головѣ въ г. Новоузенскѣ, 100 рублей для бѣдныхъ новоузенскихъ татаръ и А. С. Пругавину въ Самару, въ его распоряженіе, 903 р. 15 коп., полученные отъ англичанина Грина.

Лично я былъ въ Самарской губерніи постомъ. По возвращеніи оттуда я сейчасъ же написалъ и поспѣшилъ послать отчетъ о моихъ впечатлѣніяхъ за это время въ «С.-Пет. Вѣд.». Но, къ сожалѣнію, отчетъ этотъ не дошелъ до мѣста назначенія. Мнѣ приходится поэтому повторить его сначала, извиняясь передъ жертвователями за долгое молчаніе.

Вопросъ, лучше или хуже стало положеніе крестьянъ съ голоднаго 91—92 года въ знакомой мнѣ съ тѣхъ поръ мѣстности, особенно занималъ меня, когда я ѣхалъ въ нынѣшнемъ году въ Самару. По слухамъ, шедшимъ оттуда, ничего отраднаго нельзя было ожидать. Однако мнѣ хотѣлось самому провѣрить эти слухи на мѣстѣ.

Теперь могу смѣло и правдиво отвѣтить на поставлен-

ный мною выше вопросъ. Могу отвѣтить, что положеніе крестьянъ Патровской волости, Бузулукскаго уѣзда, Самарской губерніи стало не лучше, а хуже съ тѣхъ поръ, какъ я не видалъ ея. И это—не голословное заключеніе, ни на чемъ не основанное, а истина, подтверждающаяся новыми наблюденіями. Она наглядно обнаруживается слѣдующими тремя признаками, прежде всего бросающимися въ глаза.

Одна изъ сельскихъ улицъ (порядковъ), какія онѣ теперь въ Самарской губерніи. Мазанки, занесенныя снѣгомъ. Снимокъ сдѣланъ мной въ 1899-мъ голодномъ году.

Я не видалъ въ Патровской волости ни одной мало-мальски порядочной новой деревянной избы. Это—первое. Если и возникли новыя жилища у крестьянъ съ памятнаго голоднаго года, то это не избы, а тѣ же несчастныя, сырыя и темныя мазанки, типъ которыхъ знакомъ всякому, побывавшему въ нашихъ восточныхъ губерніяхъ.

Вторымъ признакомъ того, что положеніе народа стало хуже, служитъ все увеличивающееся число безлошадныхъ

крестьянъ; по общему голосу схода, съ которымъ мнѣ пришлось говорить въ с. Патровкѣ, $\frac{1}{3}$ этого села состоитъ изъ безлошадниковъ. Это—второе. Правда, земство раздаетъ теперь или уже роздало казенныхъ лошадей безлошаднымъ крестьянамъ, но это только капля въ морѣ. На Патровскую волость придется всего 18 лошадей, какъ мнѣ говорили: что же это составляетъ для всей волости, когда въ одной Патровкѣ изъ 400 дворовъ 100, по меньшей мѣрѣ, безъ лошадей? Въ связи съ убылью лошадей въ селахъ, конечно, въ одинаковой пропорціи замѣчается и есть убыль скота всякаго рода...

Третье, что поразило меня, за послѣднюю мою поѣздку въ Бузулукскій уѣздъ, — это усиленное переселенческое движеніе отсюда, изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ о переселеніи раньше и не помышляли и куда еще недавно новые поселенцы сами стремились.

Это—тоже крупный и очень характерный симптомъ современной народной нужды. При существующемъ дешевомъ тарифѣ жел. дорогъ и болѣе или менѣе организованной помощи переселенцамъ на новыхъ мѣстахъ народъ валомъ повалилъ туда, надѣясь найти тамъ лучшія условія жизни. Отъ хорошей жизни не побѣжишь, отъ добра добра не ищутъ, и народъ бѣжитъ, конечно, только отъ своего горя, голодовокъ и нищеты... Въ этомъ бѣжаніи лежитъ, съ одной стороны, спасеніе народу, обнищавшему на старыхъ мѣстахъ, исковырявшему беспощадно и истощившему старую почву, съ другой—въ бродячемъ духѣ русскаго народа кроется одна изъ главныхъ причинъ его культурной отсталости и медленнаго движенія впередъ. Въмѣсто того, чтобы стараться какъ-нибудь перемѣнить отжившія, старыя формы, найти новые, лучшіе способы земледѣлія и землевладѣнія и замѣнить ими первобытные, народъ и не задумывается надъ этимъ: не въ этомъ онъ видитъ причину своего обѣднѣнія, а въ не-

достаткѣ земли. И вотъ бѣжить онъ дальше въ новыя, еще дѣвственныя мѣста тамъ ковырять и портить землю, пока и тамъ земля эта не откажется служить ему. Нашъ сибирскій просторъ, наши природныя богатства, наше безлюдіе—вотъ первыя причины всѣхъ нашихъ бѣдъ. Будь у насъ меньше земли, будь больше народа, мы давно бы сравнялись и обогнали бы Западъ.

Но я отвлекаюсь.

Вернусь къ положенію народа въ знакомой мнѣ мѣстности Самарской губерніи, какимъ я его нашель въ нынѣшнемъ году. Покажется страннымъ, если сказать, что, хотя голода такого нѣтъ тамъ, какой былъ въ 1891—92 году, нужды въ народѣ стало больше. Но въ сущности это именно такъ. Голодъ былъ отъ страшной засухи отъ того, что хлѣба не было въ Россіи и онъ былъ въ высокой цѣнѣ; нужда есть и усиливается отъ прогрессивно падающаго народнаго хозяйства, причины чего надо искать не въ цѣнахъ на хлѣбъ и засухахъ, а въ чемъ-то другомъ. И, чтобы остановить это быстрое разореніе крестьянства, надо не дожда и не дифференціального тарифа, а перестройки условій жизни и хозяйства народныхъ, основанной на принципахъ разума и логики, а не кажущейся выгодѣ и рутинѣ. Какъ голода, такъ и болѣзней, въ родѣ повальныхъ эпидемій тифа, нѣтъ въ Бузулукскомъ уѣздѣ въ нынѣшнемъ году. Есть цынга, и ея довольно много,—цынга среди бѣднѣйшихъ жителей, какъ вѣрный признакъ ихъ хронической нужды и недоѣданія. Страшная эта болѣзнь! Страшнѣе тифа, холеры, чумы, страшнѣе всѣхъ болѣзней, которыя я знаю... Ножомъ рѣжетъ васъ по сердцу видъ этихъ больныхъ. И заболѣваютъ они цынгой не сразу. Много мѣсяцевъ, много лѣтъ, можетъ-быть, ихъ организмы чахли и истощались, чтобы, наконецъ, на высшей точкѣ этого истощенія, стать жертвами свинцовыхъ кровоподтековъ, распатанныхъ зубовъ и кровоточи-

выхъ десенъ. И вотъ въ Патровской волости есть цынготные. Къ земскому врачу въ сосѣднемъ селѣ ежедневно приходятъ такіе больные, и къ веснѣ число ихъ все росло и растетъ.

Я просилъ врача давать имъ отъ своего имени записки въ наши столовые, по которымъ цынготные могли бы получать изъ нашихъ столовыхъ порціи горячей пищи.

Когда я посѣтилъ одну изъ столовыхъ въ с. Патровкѣ, гдѣ дожидались меня голодные столующіеся, гдѣ кипѣлъ горячій кулешъ въ большомъ котлѣ и пахло вкуснымъ хлѣбомъ, я спросилъ у собравшихся, есть ли въ селѣ больные.

— Нѣтъ, этого нынче нѣтъ, слава Богу, — отвѣчали голоса. Я спросилъ, нѣтъ ли такихъ больныхъ, у которыхъ качаются зубы, болятъ десна. Худой мужикъ Ив. Кудринъ всталъ въ концѣ стола — я узналъ его лицо по прошлому голодному году — и сказалъ, что у него дома двѣ бабы жалуются на десна и что зубы у нихъ шатаются. Онѣ оказались цынготными. Толпа народа окружила меня въ столовой, прося и ихъ записать въ столовые. Пришлось разбираться. Между тѣмъ дѣти на рукахъ у матерей кричали, прося скорѣе каши. Я сказалъ хозяину, чтобы наливали чашки, и черезъ минуту ѣда началась. Стали тепло благодарить меня. Я отвѣчалъ имъ, что «не меня благодарите, а добрыхъ людей». Старый солдатъ, сидѣвшій въ красномъ углу, всталъ и благодарилъ меня, говоря, что онъ не думалъ еще разъ увидаться. Что особенно поразило меня въ Патровкѣ за это мое посѣщеніе — это количество сифилитиковъ. Вотъ цифры, зарегистрированныя земскимъ врачомъ въ журналѣ за періодъ послѣднихъ 4-хъ лѣтъ.

Больныхъ сифилисомъ въ с. Патровкѣ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, всѣхъ — 190 человекъ, изъ нихъ дѣтей около 60-ти человекъ. Въ заразномъ періодѣ дѣтей — 44

человѣка. Можно себѣ представить по этимъ даннымъ, какую почву находить эта зараза для своего распространенія! Спрашивается, что же дѣлается для прекращенія этой болѣзни, для борьбы съ нею?—Ровно ничего. Единственное, что намъ пришлось сдѣлать, это выдавать сифилитикамъ пищу на дома, не пуская ихъ въ столовые.

Хуже всего то, что всѣ эти несчастные — въ то же время и голые, безнадѣжные бѣдняки. Вотъ кабы ихъ по настоящему пожалѣли благотворители, кабы ими занялись, это было бы истинно христіанское дѣло. Мнѣ хочется сказать здѣсь также нѣсколько словъ объ инородцахъ Самарской губерніи, особенно же о татарахъ, какъ самыхъ слабыхъ изъ нихъ, среди которыхъ, какъ извѣстно, не въ одной Самарской губерніи, рѣзче всего выразилась въ нынѣшнемъ году нужда. Татарскій вопросъ у насъ — сложное дѣло, которымъ давно пора бы заняться и привести его въ порядокъ. Самарскій губернаторъ А. С. Брянчаниновъ справедливо говорилъ мнѣ нынѣшнею зимою, что татары, предоставленные самимъ себѣ, не могутъ толкомъ справляться со своими землями. Надъ ними нуженъ постоянный контроль, руководство. Кабы приставить къ нимъ особыхъ блюстителей ихъ интересовъ, могущихъ славать ихъ земли и вообще ладить дѣла, — какъ были уже этому удачные примѣры въ той же Самарской губерніи, — существованіе татаръ могло бы рѣзко измѣниться къ лучшему. Въ борьбѣ же съ пройдохами, русскими кулаками, въ непосильной зависимости отъ нихъ, татары постоянно угнетены и всячески отъ нихъ терпятъ...

Да, куда ни взглянешь, вездѣ нужна организація, вездѣ нужны перемѣны и рука гуманнаго, культурнаго чело-
вѣка. Слишкомъ обширны мы, слишкомъ разнообразны, слишкомъ сами еще слабы и малочисленны, чтобы всюду поспѣть! Но если дѣйствовать спокойно и въ то же время увѣренно и рѣшительно, если упорствовать, всюду

можно поспѣть и шагъ за шагомъ принести свое въ дѣлѣ усовершенствованій нашей жизни.

Къ сожалѣнію, только не такъ смотреть на дѣло многое изъ насъ.

Пользуюсь этимъ отчетомъ, чтобы сказать, что статья моя «Пожалѣемъ» была перепечатана въ нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ съ ошибочною подписью. Въмѣсто Л. Л. Толстой было напечатано Л. Н. Толстой. Уже не разъ наши подписи съ отцомъ такъ смѣшивались. Это приводило къ нежелательнымъ недоразумѣніямъ и у насъ и за границей.

Поэтому мнѣ приходится измѣнить мою подпись и подписываться въ журнальныхъ статьяхъ впредь иначе.

25 апрѣля 1899 г.

Ясная Поляна.

Р. S. Слѣдующіе адреса можно указать жертвователямъ, желающимъ помочь крестьянамъ въ Самарской губерніи:

1) Г. Новоузенскъ, город. головѣ Еф. Дан. Трипольскому (для бѣдныхъ татаръ уѣзда).

2) Александр. Мих. Зотову, Бузулукъ, с. Алексѣвка (для цынготныхъ и сифилитиковъ).

3) Наз. Карп. Орлову, с. Патровка, Бузулук. у., Сам. губ. (для безлошадниковъ волости).

4) Оед. Вас. Дружинину, с. Гавриловка, Патровской вол. (для бѣднѣйшихъ крестьянъ села).

Хлѣбные запасы.

„Въ имѣніи нашемъ все обстоитъ благополучно“. (Изъ письма русскаго приказчика).

Когда живешь вдали отъ своего, какъ-то виднѣе становится это свое, ярче и выпуклѣе.

Когда самъ не участвуешь въ русской жизни и не ходишь въ русскомъ туманѣ, который все стелется, стелется по широкой русской равнинѣ, стелется безъ конца, — какъ-то лучше видишь этотъ туманъ и сознаешь опредѣленнѣе, какой вѣтеръ, какое солнце могутъ его разсѣять. Видишь, что въ туманѣ этомъ живутъ, иногда веселятся и радуются люди; видишь также, что рядомъ съ веселящимися людьми миллионы другихъ людей страдаютъ, голодаютъ, бѣдствуютъ.

Видятъ ли тѣ, которые веселятся, тѣхъ, которые страдаютъ?

Конечно, они видятъ ихъ, но сквозь туманъ.

Видятъ ли тѣ, кои власть имѣютъ, тѣхъ, кто отъ нихъ зависитъ?

Видятъ, конечно, но сквозь туманъ.

Какъ бы разсѣять его, разогнать?

Да, нелегкая это задача...

Въ «Запискахъ» изъ времени голода 91—92 года, помѣщенныхъ въ «Вѣстникъ Европы», я передалъ мои впечатлѣнія, вынесенныя изъ долгаго и близкаго общенія съ

голодающими, и въ концѣ подвелъ тѣ заключенія, которыя сами собой вытекаютъ изъ пережитаго опыта и наблюдений. Солнце, могущее разогнать русскій туманъ,—это разумная свобода народу; вѣтеръ, который можетъ помочь дѣлу солнца,—это просвѣщеніе. Вотъ тѣ два главныхъ фактора и принципа, всегда и всюду подымавшихъ и двигавшихъ жизнями народовъ. Въ этой статьѣ я хочу сказать не о тѣхъ главныхъ, общихъ мѣрахъ, которыя должны быть приняты для поднятія уровня русскаго народа, — мѣрахъ, вытекающихъ изъ принятія двухъ указанныхъ выше принциповъ, а о мѣрѣ частной, исключительной, но весьма важной для обезпеченія народа отъ грядущихъ бѣдствій.

Но скажутъ: зачѣмъ говорить о какихъ-то грядущихъ бѣдствіяхъ, когда, слава Богу, нѣтъ настоящихъ?

Слава Богу, въ нынѣшнемъ году у насъ хлѣба вволю, онъ дешевъ, народъ живетъ и работаетъ и водку пьетъ. Чего же больше? Именно теперь, въ этотъ сравнительно благополучный періодъ времени, и надо говорить о неблагополучномъ русскомъ народѣ. Именно теперь, когда нѣтъ кричащей нужды, нѣтъ необходимости закупать хлѣбъ, посылать его тысячами вагоновъ на мѣста голода, открывать столовые и т. д., и можно и надо подумать на свободѣ и воспользоваться этой свободой, чтобы помочь народу.

Но бѣда въ томъ, что многіе не считаютъ народа нашего неблагополучнымъ; многіе возстаютъ противъ тѣхъ, кто смѣетъ говорить такія истины, и потому истины эти часто застилаются и утопаютъ въ русскомъ туманѣ.

Есть у насъ люди въ Россіи, владѣющіе большимъ количествомъ земли и имѣній во многихъ губерніяхъ; въ этихъ имѣніяхъ живетъ много народа, находится много скота, и такъ какъ хозяину самому трудно управлять всѣми своими землями, онъ ставитъ на нихъ управляю-

шихъ, приказчиковъ, конторщиковъ. Это — ставленники хозяйскіе и слуги его разные. Одни стараются, чтобы только имъ было хорошо; другіе особенно стараются угождать хозяину тоже изъ-за личныхъ выгодъ; третьи, которыхъ меньшинство, слегка заботятся иногда и о людяхъ и о скотѣ, отъ нихъ зависящихъ. Хозяинъ временами получаетъ извѣстія отъ своихъ управителей и — странное дѣло! — всѣ они всегда, отъ какого бы управителя ни было извѣстіе, кончаются словами: «впрочемъ, въ имѣніи вашего сіятельства, или высокоблагородія, или превосходительства все обстоитъ благополучно».

Эта стереотипная фраза сдѣлалась настолько привычной, что управители, даже третьей категоріи, часто пишутъ въ своихъ извѣщеніяхъ: «въ нынѣшнемъ году напалъ моръ на скотину: сто двадцать головъ пало, сто тридцать больныхъ. На людяхъ тоже болѣзнь: стали пухнуть отъ чего-то, зубы шатаются, синія пятна по тѣлу, многіе кончились; остальное, в. в., все обстоитъ благополучно».

Не разъ и я получалъ письма въ родѣ этого отъ нашихъ приказчиковъ.

Но это еще слава Богу, если они рассказали обо всемъ по правдѣ, прежде чѣмъ написать «все обстоитъ благополучно». Есть приказчики, которые умалчиваютъ о главномъ горѣ имѣнія, которые умышленно пропускаютъ его въ своихъ извѣщеніяхъ и пишутъ только о томъ, что можетъ порадовать хозяина, развлечь и успокоить его. Такіе приказчики во сто разъ хуже первыхъ, и умный хозяинъ никогда не держитъ и не терпитъ такихъ.

Въ имѣніи — падежъ и болѣзнь, недостатокъ, а приказчикъ пишетъ, что у него, приказчика, въ гостяхъ была теща и что тещѣ было скучно въ деревнѣ и она ѣздила въ городъ въ театръ, гдѣ давали водевиль «Айда».

Приказчикъ этимъ даже позволяетъ себѣ нѣкоторую

фамиллярность съ хозяиномъ, потому что, во-первыхъ неучъ онъ; во-вторыхъ, потому, что хозяинъ съ нимъ не былъ достаточно строгъ и требователенъ въ настоящемъ важномъ дѣлѣ.

Почти всегда всякое извѣстіе кончается, а часто начинается, продолжается и кончается словами: «все обстоитъ благополучно». Эта фраза стала стереотипной.

Она стала настолько привычной, что ставится часто рядомъ съ извѣщеніями о голодѣ, болѣзняхъ и смертяхъ. Особенно наглядно это выражается въ нѣкоторыхъ газетахъ.

Въ корреспонденціяхъ изъ губерній мелкимъ шрифтомъ говорится о неурожаѣ, о бѣдствіи народа; въ передовой статьѣ того же нумера говорится о мощи и силѣ русскаго народа, о его благополучіи, и поэтому время всѣмъ радоваться и веселиться. А въ фельетонѣ того же нумера подробно расписывается, тоже крупнымъ шрифтомъ, о томъ, какъ актриса А. перещеголяла актрису Б. въ пьесѣ В.

Но истина обыкновенно пишется мелкимъ, скромнымъ шрифтомъ: ее всегда затмитъ наглая, блестящая ложь и пустота, а человѣкъ, любящій правду, знаетъ, гдѣ ее искать, и знаетъ, что красивыя слова о силѣ и благополучіи народа — только слова, а что то, что — въ скромной корреспонденціи, — то настоящая жизнь и правда.

Въ нынѣшнемъ году въ Россіи хорошій урожай — это правда. Кабы не было дождей, казалось бы, народъ долженъ благоденствовать. Но и дожди — дѣло не важное, кое-какъ убрались. Стало-быть, все обстоитъ благополучно, и можно спокойно жить и веселиться.

Такъ, по крайней мѣрѣ, чувствуетъ большинство; такъ велятъ многія газеты, такъ велитъ общественное мнѣніе, — во всякомъ случаѣ тоже большая половина его. Хлѣбъ дешевъ, хотя мѣстами испорченъ, но отъ этого онъ еще дешевле. Народъ живъ. Чего же еще печалиться?

Но, если внимательнѣе взглядѣться, прислушаться и вдуматься въ то, что дѣлается въ этотъ урожайный, счастливый годъ въ Россіи, — повторяю, именно теперь или уже никогда, — надо притти въ ужасъ отъ того, въ какомъ положеніи находится русскій народъ, въ какомъ состояніи застаеъ его благопріятный, обильный годъ и какое дѣйствіе имѣеъ онъ на подъемъ его благосостоянія.

Во-первыхъ, несмотря на болѣе или менѣе общій средний урожай въ Имперіи, опять нѣсколько губерній будутъ голодать. Бессарабская, Таврическая, Херсонская, Самарская и Саратовская официально уже отнесены къ пострадавшимъ отъ неурожая.

Люди, находящіеся во главѣ этихъ губерній, открыто признали ихъ бѣдственное положеніе. Честь и слава этимъ людямъ! Частные слухи приходятъ между тѣмъ и изъ другихъ губерній о мѣстахъ предстоящемъ бѣдствию и голодовкѣ.

Во-вторыхъ, рядомъ съ Саратовской и Самарской губерніями, рядомъ съ Херсонской и Таврической вѣдь есть еще десятки губерній, находящихся въ одинаковыхъ условіяхъ климата и жизни. Спрашивается, благополучны ли онѣ въ нынѣшнемъ году (Оренбургская, Астраханская, Симбирская, Пензенская, Казанская, Тамбовская, Нижегородская, Рязанская, Тульская и другія губерніи), могутъ ли поручиться люди, стоящіе во главѣ ихъ, что въ нихъ не будетъ нужды и голода, цынги и эпидемій тифа отъ недоѣданія и нищеты и нынѣшнею зимой? Я думаю, что поручиться въ этомъ невозможно.

Истина о хроническомъ нищенствѣ русскаго народа, громаднаго большинства его, стала несомнѣнной, и потому всякій знаетъ, что нѣтъ русской губерніи, гдѣ бы не повторились и нынѣшнею зимой нужда и горе, — вѣчный удѣлъ глухихъ русскихъ деревень.

Въ-третьихъ, цифры показываютъ намъ — цифры кре-

стьянскихъ бюджетовъ, цифры смертности въ народѣ, цифры недоимокъ по губерніямъ, цифры измѣренія рекрутовъ—нищее и жалкое состояніе народа!

Но мы привыкли къ этому горю и нуждѣ народа: насъ онѣ не пугаютъ и не удивляютъ болѣе. Безъ нихъ мы не можемъ представить себѣ Россіи. И когда посѣщаетъ насъ урожай въ родѣ нынѣшняго, мы рады ему,—мы поемъ пѣсни и рады забыть поскорѣе, что былъ когда-то голодъ, что есть трудный, сложный крестьянскій вопросъ, требующій разрѣшенія, что можетъ опять повториться бѣда. Изъ всѣхъ трехъ этихъ забываній самое страшное—послѣднее.

Мы забываемъ о возможности новыхъ, такихъ же и еще худшихъ ужасовъ, ожидающихъ насъ неминуемо въ будущемъ,—что послѣ мокрыхъ, обильныхъ лѣтъ приходятъ сухіе и голодные...

Если вѣрить Фламмаріону, въ 1903 г. опять насъ постигнетъ страшная засуха, а за ней—голодъ. Фламмаріонъ ставитъ въ зависимости отъ появленія пятенъ на солнцѣ засушливые годы на нашей планетѣ. Появленіе этихъ пятенъ замѣчается черезъ 12—13 лѣтъ. Если засуха 1891 г. зависѣла отъ солнечныхъ пятенъ, то намъ надо ожидать слѣдующаго голода черезъ 12—13 лѣтъ опять, т.-е. въ 1903—1904 годахъ.

Но, можетъ-быть, Фламмаріонъ ошибается? Все равно: исторія тогда приходитъ къ намъ съ тѣмъ же предостереженіемъ и показываетъ довольно правильную періодичность въ появленіи засушливыхъ лѣтъ и голодовокъ въ связи съ ними,—даже исторія одной Россіи. Но мы не вѣримъ никому: ни исторіи, ни астроніи, ни здравому смыслу.

Урожай,—слава Богу, теперь можно отдохнуть: «Пойдемъ, Иванъ, выпьемъ по этому случаю!» Мы ни о чемъ не хотимъ думать потому, что завтрашній день самъ о себѣ позаботится. Таковъ нашъ характеръ.

Но время идетъ; урожайные годы проходятъ; дешевый хлѣбъ сбывается за границу, пропивается; народъ, не воспитанный и не думающій о завтрашнемъ днѣ, не дѣлаетъ никакихъ запасовъ на случай бѣды, и тутъ-то бѣда эта приходится и стрясается надъ нами.

Что будетъ, что станется съ Россіей, если повторится голодъ 1891 года. Страшно подумать! Что будетъ въ Поволожьѣ—разоренномъ, выпаханномъ, первобытномъ? Что будетъ съ Сибирью, откуда желѣзная дорога вывезетъ подъ метелочку зерно? Тогда не 30 губерній будутъ голодать, а 50, и районъ бѣдствія будетъ въ десять разъ шире района, охваченнаго голодомъ 1891 года. Сегодня утромъ я проснулся и рѣшилъ писать эту статью, отложивъ въ сторону другую работу: такъ страшно стало при внезапно пришедшей мысли о будущихъ бѣдствіяхъ Россіи.

Прочитанное мной вчера извѣстіе о новомъ голодѣ въ Самарской губерніи, гдѣ онъ повторяется третій годъ подъ рядъ и гдѣ я былъ прошлою зимой, гдѣ жилъ въ 91-мъ году, народъ и характеръ жизни которой я такъ хорошо знаю,—предстоящій голодъ тамъ опять и нынѣшней зимой въ тѣхъ же Бузулукскомъ и Николаевскомъ уѣздахъ, — особенно поразительно и угнетающе на меня подѣйствовало. Какъ ни тяжело и ни грустно думать и писать и повторять опять обо всемъ этомъ, нельзя успокоиться, не сдѣлавъ этого...

Голодъ въ Самарской губерніи и хроническая нужда въ ней особенно характерны. Голодъ тамъ въ прошломъ году, голодъ въ нынѣшнемъ, конечно, не отъ засухи (климатическія условія были сравнительно благопріятны, что видно изъ того, что на хорошихъ, крѣпкихъ земляхъ урожай былъ хорошій), а отъ причинъ экономическихъ, условій общественной крестьянской жизни, условій землевладѣнія и связаннаго съ нимъ земледѣлія. Я могу утверждать это, зная хорошо народъ и жизнь Самарской губер-

ніи. Хозяйство крестьянъ упало до нѣту. Земля истощена; способы хозяйничанья остаются тѣми же первобытными; заработковъ нѣтъ; старая общинная жизнь и характеръ ея утрачены; новыхъ формъ не нарождается вслѣдствіе отсутствія правъ и свободы. Вся крестьянская жизнь поэтому требуетъ *перекройки* полной и разносторонней... Но довольно объ этомъ,—все это ясно и понятно должно быть всякому. Перехожу, наконецъ, къ предмету настоящей статьи.

Мнѣ пришла въ голову—не мнѣ одному (къ счастью, объ этомъ давно многіе думаютъ, хотя и не осуществляютъ этихъ думъ)—мнѣ пришла въ голову очень простая мысль о необходимости заготовленія хлѣбныхъ запасовъ въ деревняхъ, селахъ и волостяхъ въ эти наши урожайные годы на случай будущихъ лѣтъ неурожайныхъ. Такъ какъ общими мѣрами не скоро можно поднять запущенную крестьянскую жизнь, то необходимы мѣры чрезвычайныя въ виду могущихъ быть въ недалекомъ будущемъ бѣдствій.

Изъ всѣхъ мѣръ для предупрежденія ихъ—по крайней мѣрѣ, смягченія этихъ бѣдствій — заготовленіе хлѣбныхъ запасовъ закупкой ихъ въ урожайные годы по дешевымъ цѣнамъ въ деревняхъ и сыпкой въ тѣ же деревенскіе, заарендованные и купленные казной амбары представляется самой простой и единственно легко осуществимой мѣрой. Этимъ, во-первыхъ, будетъ всегда находиться заранее заготовленный хлѣбъ на случай голода въ данной мѣстности; во-вторыхъ, устраняются заботы о покупкѣ и расходы по доставкѣ его въ голодное время; въ-третьихъ, мѣстное населеніе приучается вмѣстѣ со своимъ начальствомъ къ заботамъ о будущемъ, къ мысли о возможности и неизбежности будущихъ засухъ и неурожавъ. Хлѣбные запасы могутъ быть покупаемы земскими начальниками или земствами на земскія средства или сред-

ства казны, которая такимъ образомъ всегда будетъ въ выгоду, имѣя хлѣбъ, закупленный по дешевымъ цѣнамъ, и поэтому не нуждаясь въ голодные дорогіе годы покупать его народу по цѣнамъ высокимъ. Количество хлѣба, достаточное для прокормленія жителей извѣстной мѣстности въ продолженіе года, можетъ служить нормой запасовъ. *Казенные хлѣбные запасы въ деревняхъ* представляются въ наше время необходимыми, во избѣжаніе будущихъ страшнѣйшихъ, невиданныхъ еще Россіей бѣдствій, при томъ переходномъ, трудномъ, почти критическомъ положеніи, въ какомъ находится нашъ народъ.

Осень 1899 года.

Другія книги Л. Л. Толстого:

Современная Швеція (въ письмахъ - очеркахъ и иллюстраціяхъ).

Противъ общины (три статьи).

Прелюдія Шопена (разказы).

Изъ времени студенчества (разказы).

ДѢТСКІЯ КНИГИ:

Для дѣтей (разказы, изданіе 2-ое).

Яша Поляновъ (воспоминанія изъ дѣтства для дѣтей).

Дѣти Елены (разказъ Габбертона, переводъ съ англійскаго, съ иллюстраціями).

Безсмертная обезьяна (разказы Генри Друммонда, переводъ съ англійскаго).

20070538119